

—❧— АНДРЕЙ ГРАЧЁВ —❧—

ЖЕНА
ВМЕСТО СЕСТРЫ
—•ДЛЯ•—
ОТМОРОЗКА

Андрей Грачёв

**Жена вместо сестры
для Отморозка**

«Литнет»

2026

Грачёв А.

Жена вместо сестры для Отморозка / А. Грачёв — «Литнет»,
2026

— Ты выйдешь за него вместо Миланы. Я смотрю на отца и не сразу понимаю, что он сказал. Милане сделали предложение. Милана примеряла платье. Милана рыдала, когда узнала, что жених — Дамир Воронцов. Бывший мажор. Банкрот. Отморозок, который после смерти брата сорвался с цепи и теперь живёт за городом, будто зверь в собственной берлоге. — Почему я? — спрашиваю хрипло. Мачеха усмехается: — Потому что Милана достойна нормальной жизни. А ты хотя бы раз принесёшь семье пользу. Я хочу отказаться. Но отец кладёт на стол папку с документами о смерти моей матери. — Скажешь “нет” — и Воронцов узнает, кто на самом деле виноват в гибели его семьи. Так я становлюсь женой мужчины, который должен меня ненавидеть. Только в первую брачную ночь Отморозок запирает дверь, смотрит мне в глаза и произносит: — Не дрожи. Я не трогаю чужих жертв. Но тех, кто тебя продал, мы раздавим вместе.

© Грачёв А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Жена вместо сестры	5
Глава 2. Отморозок из леса	18
Глава 3. Платье для списанной дочери	34
Глава 4. Свадьба без поздравлений	46
Глава 5. Дом Отморозка	63
Глава 6. Первая брачная ночь	80
Глава 7. Правила холодного брака	95
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Глава 1. Жена вместо сестры

Ася поняла, что за ужином должно случиться что-то неприятное, еще до того, как отец поднял на нее глаза. В доме Лебедевых тишина всегда имела форму приказа. Обычная тишина была мягче: в ней звенели столовые приборы, лениво шелестела салфетка на коленях у Миланы, где-то в глубине кухни приглушенно переговаривались помощницы, а мачеха, если была в хорошем настроении, могла даже бросить что-нибудь небрежно-сладкое о новом благотворительном вечере, о платье, о цветах, о том, что приличные люди должны выглядеть прилично даже тогда, когда устали быть счастливыми. Но сегодня тишина лежала на столе, как крышка дорогого гроба. Хрусталь не звенел. Нож в пальцах отца не стучал по тарелке. Милана почти не притрагивалась к салату из рукколы и креветок, хотя обычно ела именно так, чтобы всем было видно: у нее идеальная талия, идеальная кожа, идеальное самообладание и такая же идеальная скука ко всему, что не касалось ее самой. Мачеха, Лариса Аркадьевна, сидела слишком прямо, приподняв подбородок, и каждые несколько секунд бросала на Асю взгляд, от которого у той внутри неприятно сжималось что-то маленькое, упрямое и давно привыкшее к ударам.

Ася не должна была быть за этим столом. Во всяком случае, не в таком составе и не в таком платье. Ее позвали в последнюю минуту, когда она уже собиралась уйти к себе, переодеться в старые домашние брюки и закончить отчет для дизайнерской студии, где ее пока держали на мелких заказах и кофе для старших сотрудников, но хотя бы не называли лишней за ужином. Отец велел спуститься без объяснений. Не попросил - именно велел. Так, как говорил с подчиненными, которые допустили ошибку на переговорах: коротко, ровно, без повышения голоса, но так, что спорить становилось неприлично. Ася знала этот тон с детства. Им объявляли, что маму больше не спасти. Им сообщали, что траур не должен превращаться в истерику. Им потом, уже после второго брака отца, объясняли, что Лариса Аркадьевна теперь хозяйка дома, а значит, Асе следует вести себя взрослее, благодарнее и тише.

Тише. Это слово будто впиталось в обои, шторы, лакированные поверхности, в гладкий мрамор пола и в тяжелое серебро фамильных приборов. Асе с детства внушали, что она шумная даже тогда, когда молчит. Шумная своим присутствием. Шумная чужим лицом, которое слишком напоминало покойную мать. Шумная тем, что не умела радоваться чужому счастью так же искренне, как было положено. Шумная тем, что однажды, лет в шестнадцать, сказала Ларисе Аркадьевне “вы не моя мама”, и с тех пор это простое, почти детское предложение превратилось в семейное преступление, которое ей припоминали при каждом удобном случае. Милана могла хлопать дверями, рыдать из-за неудачного контракта, оскорблять визажистов, не разговаривать с матерью по три дня и устраивать спектакли перед зеркалом, потому что ей не подходил оттенок помады. Милана была эмоциональной. Ася, если позволяла себе поднять голос, становилась неблагодарной.

Она сидела напротив сестры и смотрела на свое отражение в темной поверхности окна. За стеклом ноябрьский вечер давил на сад мокрым холодом. Фонари подсвечивали голые ветви, и они казались черными трещинами на небе. В отражении Ася выглядела моложе своих двадцати трех - или, наоборот, старше, если смотреть не на лицо, а на глаза. Темные волосы, собранные кое-как, потому что ее вызвали внезапно. Простое серое платье, купленное на распродаже, аккуратное, но в этом доме выглядевшее почти вызывающе скромным. Узкие запястья. Пальцы, сжатые на коленях так крепко, что ногти оставили следы на коже. Милана рядом с ней сияла золотом: светлые волосы уложены мягкой волной, кремовый шелк блузки небрежно приоткрывал тонкую ключицу, серьги ловили свет люстры. Она была из тех женщин, которые умеют быть красивыми даже в раздражении, будто сама злость только подчеркивает их дорогую породу.

- Ася, - произнес отец.

Она вздрогнула, хотя ждала этого.

Виктор Сергеевич Лебедев не любил лишних предисловий. Он вообще не любил ничего лишнего: лишних эмоций, лишних расходов, лишних вопросов, лишних людей в доме. После смерти мамы Ася очень быстро поняла, что в его новой жизни именно она относится к последней категории. Не настолько, чтобы ее выгнали. Не настолько, чтобы перестали оплачивать учебу, врачей, одежду, когда она была несовершеннолетней. Нет, отец всегда был человеком формы. Снаружи все должно было быть безупречно. Родная дочь живет в доме, учится, не нуждается, появляется на семейных фотографиях, если этого требуют обстоятельства. Но внутри этой безупречности Ася существовала, как старая царапина под лаком: вроде незаметная, но хозяин стола о ней помнит и каждый раз раздражается, когда на нее падает свет.

- Да? - ответила она, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно.

Лариса Аркадьевна едва заметно улыбнулась. Эта улыбка была маленькой, ухоженной, почти незаметной для чужих, но Ася знала ее слишком хорошо. Так мачеха улыбалась, когда заранее знала исход разговора и наслаждалась тем, что жертва еще пытается держать осанку.

Отец отложил приборы. Очень аккуратно. Нож справа, вилка слева. Пальцы его были сухими, сильными, с коротко подстриженными ногтями. На безымянном пальце поблескивало обручальное кольцо - другое, не то, что он носил при маме. Ася в детстве почему-то долго думала, что это предательство выглядит именно так: не в криках, не в изменах, не в злых словах, а в новом золоте на прежней руке.

- Обстоятельства изменились, - сказал он.

Милана опустила глаза в тарелку.

Вот тогда Ася и поняла окончательно: это не просто неприятный разговор. Это приговор, который все, кроме нее, уже обсудили.

- Какие обстоятельства? - спросила она.

- Не перебивай отца, - мягко сказала Лариса Аркадьевна.

- Он сделал паузу, - Ася посмотрела на нее. - Я задала вопрос.

В комнате стало чуть холоднее. Милана дернула уголок губ, будто услышала что-то смешное, но решила не смеяться вслух. Отец не повысил голоса. Он никогда не повышал голос в начале расправы. Ему нравилось, когда человек сам подходил ближе к краю, думая, что все еще может остановиться.

- Ты выйдешь замуж за Дамира Воронцова вместо Миланы, - произнес он.

Ася смотрела на него и несколько секунд не понимала смысла слов. Не потому, что фраза была сложной. Наоборот, она была слишком простой, слишком прямой, почти неприлично ясной. Ее мозг будто отказался принять, что такие вещи можно сказать за семейным столом между серебряной соусницей и бокалом минеральной воды. Ты выйдешь замуж. Вместо Миланы. За Дамира Воронцова.

Она медленно перевела взгляд на сестру. Милана сидела неподвижно, но в ее неподвижности не было шока. Только напряженное ожидание. Слишком красивая, слишком собранная, слишком готовая к чужой беде. Вот оно, значит. Предложение, о котором последние две недели шепталась вся семья, было сделано Милане. Милана ходила на закрытую встречу. Милана примеряла в салоне несколько свадебных платьев "просто посмотреть". Милана получила от Ларисы Аркадьевны тонкий браслет с бриллиантами, потому что "девочке предстоит непростой период". Милану жалели. Милану уговаривали. Милане позволяли плакать в гостиной, хлопать дверью, называть Воронцова психом и проклятием. А теперь выходило, что весь этот спектакль был только подготовкой сцены для Аси.

- Что? - спросила она наконец.

Голос прозвучал тихо. Глупо тихо. Ей хотелось рассмеяться, потому что любая другая реакция казалась еще более нелепой. Может быть, она ослышалась. Может быть, отец сказал не

“замуж”, а что-то вроде “поедешь на встречу”, “подпишешь бумаги”, “поговоришь с юристами”. Но он смотрел на нее так спокойно, что надежда умерла еще до того, как успела стать мыслью.

- Ты слышала, - сказал отец. - Через неделю состоится регистрация. Формально все уже подготовлено. Нужно будет заменить данные в части документов, но это решаемо.

- Заменить данные? - Ася выпрямилась. - Вы сейчас говорите обо мне или о машине в договоре аренды?

Лариса Аркадьевна резко вдохнула.

- Не смей разговаривать с отцом таким тоном.

- А каким тоном мне разговаривать, когда мне только что сообщили, что меня решили выдать замуж вместо сестры?

Милана подняла глаза. В них блеснуло раздражение, быстро замаскированное под усталость.

- Не драматизируй, Ася.

Ася посмотрела на нее так, что Милана чуть откинулась на спинку стула.

- Не драматизировать? Тебе сделали предложение. Тебе выбирали платье. Тебя все утешали, потому что жених оказался не тем принцем, которого ты хотела. А теперь почему-то замуж должна идти я. И ты предлагаешь мне не драматизировать?

- У Миланы контракт, - вмешалась Лариса Аркадьевна. Ее голос стал выше, тоньше, опаснее. - Очень серьезный международный контракт. Там есть репутационные условия. Брак сейчас может повредить ее карьере.

- Карьере, - повторила Ася.

- Да, карьере. Слово тебе знакомо? Это когда человек чего-то добивается, а не сидит на шее у семьи с вечным лицом оскорбленной сироты.

Это было сказано почти ласково. Так Лариса Аркадьевна умела бить лучше всего: не кулаком, а шелком, не громко, а прицельно. Ася почувствовала, как к лицу приливает жар. Ей захотелось ответить грубо, немедленно, так, чтобы у мачехи наконец дрогнула эта нарисованная уверенность. Но за столом сидел отец. И эта детская, ненавистная привычка - на секунду ждать, что он скажет “Лариса, довольно” - оказалась живучей, как сорняк. Отец, конечно, ничего не сказал.

- У Миланы контракт, - повторила Ася медленно. - А у меня, значит, нет жизни?

- У тебя есть семья, - сказал отец. - И долг перед ней.

Она почти усмехнулась.

- Семья вспомнила обо мне, когда понадобилось закрыть чей-то долг?

Милана вспыхнула.

- Ты ничего не понимаешь!

- Тогда объясни. Почему не ты?

Сестра сжала губы. На миг в ее лице мелькнуло что-то настоящее - страх, злость, отвращение. И это отвращение было не к Асе. Оно было к имени, которое уже прозвучало за столом.

Дамир Воронцов.

Ася знала его только по слухам. Но слухи о таких людях ходят густыми, липкими, как дым после пожара. Еще год назад фамилия Воронцовых означала деньги, власть, закрытые клубы, строительные проекты, отели, участки, связи на уровне, где обычные люди перестают различать бизнес и политику. Дамир был старшим сыном, наследником, мужчиной, о котором светские страницы писали с тем жадным восторгом, с каким бедные люди смотрят на витрины дорогих магазинов. Красивый, жесткий, богатый, умный, опасный. Потом что-то случилось. Погиб его младший брат. Компания посыпалась. Пошли суды, банкротство, скандалы, драки, фотографии с разбитым лицом какого-то партнера, слухи о нервном срыве, о том, что Дамир едва не убил человека голыми руками. Его перестали звать на приемы, но не перестали обсуж-

дать. Таких людей не забывают. Их превращают в страшные истории, которыми пугают дочерей, пока не возникает необходимость именно за такого человека одну из дочерей отдать.

- Воронцову нужна жена из нашей семьи, - сказал отец. - По старому соглашению.

- Старому соглашению? - Ася с трудом удержалась от смеха. - Папа, мы в каком веке живем?

- В том, где люди отвечают за свои обязательства.

- Тогда пусть отвечает та, кому сделали предложение.

Лицо отца стало жестче. Милана шумно отодвинула бокал, но ничего не сказала. Лариса Аркадьевна положила ладонь на стол рядом с тарелкой. Тонкие пальцы, идеальный маникюр цвета увядшей розы. Она всегда выглядела так, будто даже ядовитые слова у нее проходят предварительную полировку.

- Анастасия, - произнесла она. Полное имя из ее уст всегда звучало как плевок, накрытый салфеткой. - Ты, кажется, не осознаешь, насколько серьезно положение семьи. Виктор Сергеевич не обязан отчитываться перед тобой в деловых вопросах. Тебе предлагают не каторгу, а брак. Воронцов, как бы о нем ни говорили, человек известной фамилии.

- Разорившейся фамилии, - сказала Ася. - И человека, которого все называют отморозком.

Милана вздрогнула, будто это слово было грязной тряпкой, брошенной на белую скатерть.

- Не смей, - сказала она тихо.

Ася повернулась к ней.

- Что? Произносить вслух то, что ты сама кричала позавчера в своей комнате? Или ты забыла? “Я не выйду за этого отморозка, пусть папа найдет другую дуру”. Кажется, так?

Лицо Миланы исказилось. Лариса Аркадьевна резко поднялась, стул скрипнул по полу.

- Довольно!

Вот теперь в ее голосе прорвалось настоящее. Не воспитание, не холодный лоск, не хозяйская уверенность, а визгливая ярость женщины, у которой из рук пытаются вырвать любимую игрушку. Она сделала шаг к Асе, и та почти физически почувствовала, как в воздухе между ними вспыхнуло желание ударить. Лариса Аркадьевна умела бить словами, но Ася знала: иногда ей хотелось проще. Пощечина была бы честнее. Быстрее. Менее подло.

Но отец поднял руку. Не резко. Просто ладонь легла на стол, и мачеха остановилась.

- Сядь, Лариса, - сказал он.

Она села. Не сразу. Медленно, с трудом возвращая себе лицо женщины, которая не срысывается перед прислугой и дочерьми.

Ася вдруг ощутила странное, почти безумное спокойствие. В ней словно что-то отошло от берега и поплыло в темную воду. Страх был. Конечно, был. Где-то под ребрами, ледяной и живой. Но поверх него легла ясность. Ее продавали. Не впервые, наверное, просто впервые так открыто. Все эти годы ее воспитанная благодарность, ее молчание, ее попытки не мешать, не злить, не напоминать отцу о прошлом - все это не купило ей ни любви, ни защиты, ни права на собственное будущее. Ее просто держали в запасе. На случай, если понадобится человек, которого не жалко.

- Нет, - сказала она.

Отец посмотрел на нее.

- Что “нет”?

- Я не выйду за него. Ни вместо Миланы, ни вместо кого бы то ни было. У вас есть договор - разбирайтесь с ним сами. У Миланы контракт - поздравляю. У Ларисы Аркадьевны есть желание устроить свою дочь получше - тоже понятно. Но я не вещь. Не запасная дочь. Не подпись в документах. И не способ закрыть вашу проблему.

Милана тихо ахнула, но в этом ахе было не возмущение, а испуг. Мачеха смотрела на Асю так, будто перед ней внезапно заговорила мебель. Отец не изменился в лице. И вот именно это спокойствие почему-то испугало Асю сильнее всего. Он не был удивлен. Не был разозлен по-настоящему. Он ждал отказа. И подготовился.

- Я надеялся, - сказал он, - что ты проявишь разумность.

- Разумность - это выйти замуж за незнакомого мужчину с репутацией психа, потому что моей сестре жалко свой контракт?

- Разумность - это понимать последствия своих решений.

Он произнес это почти устало, словно она была не дочерью, которой ломают жизнь, а младшим менеджером, не способным просчитать риски сделки. Потом отодвинул от себя бокал, опустил руку вниз, к портфелю, который стоял рядом со стулом, и достал папку.

Обычную папку из темно-синей кожи. Тонкую. Аккуратную. С металлическим уголком. Ася знала эту папку. Не эту конкретно, наверное, но сам тип. В таких отец носил документы, после которых люди соглашались, уступали, подписывали, продавали, исчезали из переговорных комнат бледными и послушными. Он положил ее на стол между блюдом с нетронутой рыбой и вазой с белыми розами.

- Тогда поговорим иначе.

У Аси пересохло во рту.

- Что это?

- То, что тебе следует прочитать прежде, чем говорить "нет".

Он не толкнул папку к ней. Просто положил ладонь сверху, как человек, удерживающий крышку на сосуде с ядом.

- Я ничего не буду подписывать, - сказала она.

- Тебя пока никто не просит подписывать.

- Тогда убери.

- Здесь документы о смерти твоей матери.

В комнате исчез звук. Может быть, он и не был громким до этого, но теперь Ася вдруг отчетливо слышала, как собственное сердце бьется где-то в горле. Раз. Еще раз. Глухо, неправильно. Она смотрела на папку и не могла моргнуть.

Мама.

Слово не прозвучало вслух, но распахнулось внутри нее, как дверь в комнату, которую годами держали закрытой. Запах жасмина в волосах. Теплая ладонь на лбу. Голос, чуть хрипловатый по утрам. Смех на кухне, когда Ася, маленькая, уронила миску с мукой и стала вся белая, как привидение. Мамины пальцы, застегивающие на ней школьный сарафан. Последний день, смазанный больничным светом, чужими шагами, отцовским лицом, слишком каменным для человека, у которого умирает жена. Потом похороны. Потом тишина. Потом запрет на вопросы.

Ей сказали: авария. Ей сказали: водитель не справился. Ей сказали: мама была уставшая, возвращалась поздно, дорога мокрая. Ей сказали много простых слов, из которых взрослые строят стену перед ребенком. И за этой стеной Ася прожила одиннадцать лет.

- Ты лжешь, - сказала она.

Губы едва слушались.

- Следи за словами, - резко сказал отец.

- Ты лжешь, - повторила она уже громче. - Документы о маминой смерти были... были в деле. Все было закрыто. Ты сам говорил.

- Я говорил то, что тебе на тот момент нужно было знать.

Нужно было знать. Какая удобная фраза. Ею можно накрыть любую правду, как грязное пятно ковром.

Лариса Аркадьевна слегка повернула голову. На ее лице не было удовольствия. И это было хуже. Если бы мачеха наслаждалась, Асе было бы легче ненавидеть. Но сейчас Лариса выглядела напряженной. Почти испуганной. Милана, напротив, смотрела на папку с раздраженным любопытством, как человек, которому не нравится, что в спектакле вдруг появился чужой сюжет.

- Что там? - спросила Ася.

Отец убрал ладонь с папки, но не открыл ее.

- Достаточно, чтобы Дамир Воронцов заинтересовался прошлым нашей семьи. И прошлым твоей матери особенно.

- При чем здесь Воронцов?

- При том, что некоторые события много лет назад пересекались теснее, чем ты думаешь.

Она встала. Резко. Стул ударился о край ковра. За спиной, наверное, появилась горничная, но тут же исчезла: в доме Лебедевых прислуга умела становиться невидимой, когда хозяйка начинала уничтожать друг друга.

- Не смей впутывать маму в свои сделки.

Отец тоже встал. Он был высоким, все еще крепким мужчиной, и в детстве Ася считала его почти великаном. Сейчас она смотрела на него и впервые ясно видела не величину, а холод. В нем не было ни тени отцовской растерянности, ни боли, ни стыда. Он пришел на этот ужин с готовым решением и готовым оружием. И если первое не сработало, он просто достал второе.

- Сядь, - сказал он.

- Нет.

- Анастасия.

- Нет!

Слово сорвалось громко, почти криком. Люстра над столом будто дрогнула. Мачеха поджала губы. Милана смотрела на нее с отвращением и тайным облегчением. Ася вдруг поняла, что сестре сейчас хорошо. Страшно, нервно, но хорошо. Потому что буря идет не на нее. Потому что Отморозок из лесного дома, человек с разбитой репутацией и руками, о которых шептались на вечеринках, достанется не ей.

- Ты всю жизнь учил меня не позорить фамилию, - сказала Ася, чувствуя, как голос дрожит, но уже не пытаясь спрятать дрожь. - Всю жизнь. Не плачь, Ася, люди смотрят. Не спорь, Ася, ты не понимаешь. Не задавай вопросов, Ася, это взрослые дела. Не говори о матери, Ася, ты расстраиваешь семью. А теперь ты хочешь, чтобы я вышла замуж за человека, которого боится твоя любимая дочь, потому что так удобно? И еще смеешь прикрываться мамой?

- Не драматизируй, - сказал отец.

И в этот момент что-то в ней треснуло окончательно.

- Да что вы все заладили? - она коротко, почти зло рассмеялась. - Не драматизируй. Не груби. Не позорь. Не мешай. Не существуй слишком громко. Вы хоть понимаете, что предлагаете? Вы отдаете меня чужому мужчине вместо Миланы, как испорченную посылку с заменной накладной!

- Тебя никто не отдает, - сказала Лариса Аркадьевна с тонкой брезгливостью. - Не надо изображать крепостную. Ты получишь статус, фамилию, обеспечение. Многие девушки на твоём месте были бы благодарны.

- Так отдайте одну из многих.

Мачеха вспыхнула.

- Неблагодарная дрянь.

Вот теперь это прозвучало не под шелком. Прямо, ядовито, с настоящей ненавистью. Милана дернулась, но не остановила мать. Отец медленно повернул голову к жене.

- Лариса.

- Нет, Виктор, сколько можно? - голос мачехи сорвался на визг, но она тут же снизила тон, будто вспомнила, где находится. - Она живет в твоём доме, пользуется твоими деньгами, носит твою фамилию, и каждый раз строит из себя оскорбленную святую. Милана хотя бы работает, приносит семье пользу, у нее лицо, имя, перспективы. А эта? Вечная тень своей мертвой матери. Вечно недовольная, вечно с претензией. Так пусть хотя бы раз сделает что-то не для себя.

Ася почувствовала, как от этих слов внутри поднимается не боль, а странная пустота. Слишком много раз ее били в одно и то же место. Рана уже не кровоточила - она онемела.

- Лариса Аркадьевна, - сказала она тихо, - если бы я действительно была такой бесполезной, вы бы сейчас не пытались засунуть меня в этот брак вместо вашей драгоценной дочери.

На лице мачехи проступили пятна. Милана вскочила.

- Не смей говорить о маме!

- А ты не смей прятаться за моей спиной, когда тебе страшно.

- Думаешь, ты лучше меня? - Милана усмехнулась, но глаза у нее блестели. - Думаешь, если выйдешь за него, станешь героиней? Да он тебя сломает за неделю. Ты понятия не имеешь, какой он. Его не просто так все бросили. Он больной, Ася. Он страшный. Он...

- Тогда почему ты так спокойно отправляешь к нему меня?

Милана открыла рот и не нашла ответа.

Отец ударил ладонью по столу.

Не сильно. Но достаточно, чтобы серебряная ложка возле соусника подпрыгнула и тонко звякнула.

- Хватит.

Все замолчали.

Виктор Сергеевич взял папку и наконец открыл ее. Ася не хотела смотреть. Ей казалось, если она отвернется, то сможет удержать маму там, где мама жила все эти годы: в памяти, в запахе жасмина, в старых фотографиях, в нескольких письмах, спрятанных в коробке из-под обуви, в доброй, ясной боли, которую не успела испачкать взрослая правда. Но взгляд все равно упал на первый лист.

Копия протокола. Дата. Фамилия матери. Елена Андреевна Лебедева. Черные буквы на белой бумаге. Несколько строк были подчеркнуты. Ася не успела прочитать всё, но отдельные слова вспыхнули перед глазами, как осколки: “дополнительная экспертиза”, “следы второго автомобиля”, “несоответствие показаний”, “изъятые материалы”, “неустановленный контакт”.

- Что это? - спросила она едва слышно.

- Часть дела, которое не должно всплывать, - сказал отец.

- Почему я никогда этого не видела?

- Потому что ты была ребенком.

- Мне двадцать три.

- И сейчас ты ведешь себя не намного старше.

Она подняла на него взгляд.

- Что ты сделал?

Впервые за весь вечер лицо отца изменилось. Не сильно. Только губы стали тоньше.

- Осторожнее.

- Что ты сделал с делом мамы?

- Я сохранил семью.

- Какую семью? - прошептала Ася. - Эту?

Она обвела взглядом стол: отца с холодными глазами, мачеху, которая ненавидела ее за сам факт существования, Милану, готовую отдать сестру кому угодно, лишь бы не пострадала ее драгоценная жизнь. Белые розы в вазе казались почти похоронными. Хрусталь, серебро,

дорогая рыба, свечи, идеальные тарелки - все это вдруг стало не богатством, а декорацией к чему-то гнилому.

Отец закрыл папку.

- Дамир Воронцов ищет виновных в гибели брата. Он одержим прошлым. Если он получит некоторые материалы, он начнет копать глубже. И тогда имя твоей матери окажется рядом с тем, рядом с чем ты не захочешь его увидеть.

- Ты угрожаешь мне мамой.

- Я предупреждаю тебя о последствиях.

- Нет, - сказала она. - Ты угрожаешь.

Он не стал спорить. И этим признал все.

Ася почувствовала, что если сейчас не сядет, то упадет. Ноги стали ватными. Она опустилась на стул, не глядя ни на кого. Внутри нее билась одна мысль: мама не могла. Что бы там ни было, мама не могла быть частью грязи, которой отец сейчас размахивал перед ней. Мама не могла предать, украсть, подставить, убить, обмануть - что угодно скрывалось за этими подчеркнутыми строками, это не могло принадлежать ей. Но отец знал, куда бить. Память о мертвых беззащитна. Ее нельзя позвать к столу и попросить объяснить. Ее можно пачкать намеками, документами, недоговоренностями, чужими подписями. И живые будут защищать ее даже ценой собственной жизни, потому что мертвые уже ничего не могут защитить сами.

- Если я соглашусь, - сказала Ася после долгой паузы, - ты отдашь мне папку?

Лариса Аркадьевна едва заметно напряглась. Милана посмотрела на отца. Тот ответил не сразу.

- Нет.

Ася усмехнулась. Сухо, без радости.

- Конечно.

- Ты получишь то, что тебе нужно знать, когда придет время.

- Как удобно. А если я выйду за него и все равно захочу узнать правду?

- Тогда узнавай осторожно.

Она подняла глаза.

- Ты боишься его.

Отец чуть прищурился.

- Не говори глупостей.

- Боишься, - повторила она, и в этой мысли вдруг появилось нечто странно укрепляющее.

- Вы все его боитесь. Милана боится выйти за него. Лариса Аркадьевна боится отдать ему Милану. Ты боишься, что он узнает что-то о прошлом. Поэтому вам нужна я. Не потому, что я подхожу. Не потому, что так лучше для семьи. А потому что меня не жалко поставить между вами и человеком, которого вы боитесь.

- Ты слишком много о себе думаешь, - сказала мачеха.

- Нет, - Ася посмотрела на нее. - Наконец-то ровно столько, сколько надо.

Милана фыркнула.

- Очень красиво. Прямо сцена из дешевого сериала. Только в жизни после таких речей никто не уходит в закат, Ася. В жизни ты все равно сделаешь то, что сказал папа. Потому что без него ты никто.

Вот это попало. Не глубоко, но точно. Милана всегда умела находить фразу, которая звучала как плевок в лицо, потому что содержала кусочек правды. Без отца у Аси не было почти ничего. Небольшие сбережения, работа, за которую платили смешно, несколько старых маминих вещей, гордость, которая плохо согревает, когда негде жить, и имя, от которого сейчас пахло не защитой, а клеткой. Но даже это "почти ничего" вдруг показалось ей чище, чем весь этот дом.

- Возможно, - сказала Ася. - Но ты, Милана, кажется, слишком привыкла быть кем-то за счет тех, кого можно подставить.

Сестра побледнела.

Отец захлопнул папку окончательно.

- Решение принято.

- Нет, - сказала Ася. - Решение приняли вы. Я еще нет.

- У тебя есть время до утра.

Она посмотрела на него с удивлением. Даже не из-за срока. Из-за того, с какой деловой аккуратностью он это произнес. До утра. Как будто речь шла о выборе подрядчика, о согласовании сметы, о правках в договоре. До утра реши, готова ли ты отдать свою жизнь в обмен на молчание о мертвой матери.

- А если утром я скажу "нет"?

Отец взял папку и убрал ее обратно в портфель. Движение было медленным, почти торжественным.

- Тогда Воронцов получит копии.

Ася почувствовала, как воздух в легких стал жестким.

- Ты отдашь ему эти документы?

- Я сделаю то, что должен, чтобы защитить семью.

- Семейю, - повторила она. - Ты хоть сам слышишь, как это звучит?

Он застегнул портфель.

- Ужин окончен.

Так у них всегда заканчивались разговоры, в которых отец побеждал. Не криком, не хлопанием дверей, не объяснениями. Просто объявлением, что разговор закончен, а значит, реальность снова принадлежит ему. Лариса Аркадьевна первой поднялась из-за стола. Милана задержалась на секунду, будто хотела сказать что-то еще, может быть, уколоть, может быть, добить, но, встретившись с Асей взглядом, почему-то промолчала. В ее глазах не было раскаяния. Только нервная злость и тень страха. Не за Асю. За себя. За то, что подмена могла не сработать.

Они ушли почти одновременно. Отец - в кабинет, мачеха - за ним, Милана - вверх по лестнице, легкая, красивая, спасенная. В столовой осталась только Ася, белые розы, остывшая рыба и пустое место напротив, где еще недавно сидел человек, называвший себя ее отцом.

Она долго не двигалась. Дом снова стал тихим, но теперь эта тишина уже не была приказом. Она была последствием взрыва. Где-то далеко закрылась дверь. Потом другая. Из кухни осторожно выглянула горничная и тут же исчезла. Ася опустила взгляд на свои руки. Пальцы дрожали. Она сцепила их, но дрожь не ушла, только стала глубже, будто ее трясло не снаружи, а изнутри.

Выйти замуж за Дамира Воронцова.

Имя снова поднялось в памяти темной волной. Отморозок. Банкрот. Человек, который живет за городом, почти в лесу. Человек, чью ярость обсуждали шепотом даже те, кто любил чужие скандалы больше собственных детей. Мужчина, которому обещали Милану, а теперь подсунут ее, Асю, как замену, как второсортную версию невесты, как оскорбление, завернутое в свадебное платье. Он ведь поймет. Конечно, поймет. Такие люди, если верить слухам, чувствуют лож кожей. И что он сделает, когда увидит перед собой не ту женщину? Рассмеется? Выгонит? Ударит? Использует против отца? Или просто посмотрит на нее так, как смотрят на товар, доставленный не по адресу?

Ася закрыла глаза.

Но за страхом перед Воронцовым стоял другой страх. Старше, глубже, страшнее. Папка. Мамино имя. Подчеркнутые строки. Следы второго автомобиля. Неустановленный контакт.

Несоответствие показаний. И голос отца: “Имя твоей матери окажется рядом с тем, рядом с чем ты не захочешь его увидеть”.

Она вдруг поняла, что больше не сможет сделать вид, будто этой папки не существует. Даже если откажется. Даже если согласится. Даже если убежит ночью из дома, сменит номер, устроится официанткой, снимет комнату на окраине и будет жить на макаронах до первой зарплаты. Папка уже открылась. Не полностью - только краем, только ядовитым просветом, но этого хватило. В ее прошлом появилась трещина, и оттуда потянуло холодом.

Ася встала. Медленно, держась за край стола. Ей нужно было уйти к себе, запереться, подумать. Или не думать. Закричать в подушку. Позвонить кому-нибудь - но кому? У нее не было человека, которому можно сказать: “Меня выдают замуж вместо сестры, потому что отец шантажирует меня тайной смерти матери”. Такие фразы не предназначены для обычной жизни. Их нельзя бросить в мессенджер подруге из студии между стикером и жалобой на начальника. Их нельзя произнести в трубку, не разрушив себя окончательно.

В холле было темно, горели только боковые светильники. Лестница уходила наверх широкими мраморными ступенями. На стене висел большой семейный портрет, написанный три года назад к юбилею отца. Виктор Сергеевич в кресле. Лариса Аркадьевна рядом, ладонь на его плече. Милана чуть впереди, сияющая, как рекламный образ идеальной дочери. Ася стояла сбоку. Художник, наверное, пытался смягчить отчужденность композиции, но не смог: даже краска знала, кто здесь лишний.

Она остановилась перед портретом и посмотрела на себя нарисованную. Та Ася была послушнее. Тише. Смотрела не в центр, а чуть мимо, будто заранее извинялась за присутствие. Ей захотелось снять картину со стены и разбить об пол. Не из истерики. Из гигиены.

- Любуешься? - раздался голос сверху.

Ася подняла голову. Милана стояла на верхней площадке, переодевшись в шелковый халат цвета шампанского. Волосы распущены, лицо уже спокойнее. Она выглядела так, будто неприятный разговор остался внизу, а наверху снова начиналась ее настоящая жизнь.

- Нет, - сказала Ася. - Прощаюсь.

Милана нахмурилась.

- Не строй из себя мученицу.

- У тебя сегодня все реплики из одного набора?

Сестра спустилась на несколько ступеней.

- Ты думаешь, я хотела этого?

Ася устало усмехнулась.

- А разве нет?

- Я не хотела выходить за него! - сорвалась Милана. - Ты хоть понимаешь, кто он? Что о нем говорят? Он ненормальный. После смерти брата он стал... я не знаю. Папа сказал, что договор надо выполнить, но я не могу. У меня съемки, контракт, обязательства. У меня жизнь, Ася.

- А у меня?

Милана отвела взгляд.

Этого было достаточно.

Ася кивнула, словно получила ответ на вопрос, который задавала не сестре, а самой себе.

- Понятно.

- Тебе проще, - вдруг сказала Милана.

Ася медленно подняла на нее глаза.

- Что?

- Тебе проще, - повторила сестра, уже тише, но упрямо. - Ты никогда ничего не теряла. У тебя нет карьеры, нет репутации, нет людей, которые ждут от тебя успеха. Если ты выйдешь

за него, все скажут: ну да, бедная Ася, ей не повезло. А если я... если я окажусь рядом с ним, меня уничтожат. Все, что я строила, рухнет.

Несколько секунд Ася просто смотрела на нее. А потом рассмеялась. Тихо, без веселья, почти с изумлением.

- Ты правда в это веришь.

- А что не так?

- Ничего, - сказала Ася. - Просто я наконец поняла: ты не злая, Милана. Ты хуже. Ты искренне считаешь, что чужая жизнь дешевле твоей.

Сестра отшатнулась, будто ее ударили.

- Ненавижу тебя, - прошептала она.

- Взаимно было бы слишком просто, - ответила Ася. - Но я, кажется, просто устала.

Она пошла вверх, мимо Миланы, не задев ее плечом только потому, что не хотела даже случайного прикосновения. Сестра что-то сказала ей вслед, кажется, про неблагодарность, про мать, про то, что Ася всегда всех обвиняет, но слова уже не достигали цели. Они падали где-то позади, как горох о мрамор.

В своей комнате Ася закрыла дверь на ключ. Комната была красивой, но давно не ее. Когда-то, еще при маме, здесь были светлые стены, книжные полки, смешные занавески с мелкими птицами и письменный стол у окна, за которым она рисовала города, платья, лица, дома, в которых люди обязательно любили друг друга. После ремонта Лариса Аркадьевна приказала сделать интерьер "более взрослым": бежевые стены, встроенный шкаф, дорогая кровать, безликие картины, никаких птиц. Мамины вещи Ася спасла тогда почти тайно: несколько фотографий, старый шарф, маленькую шкатулку, письма, флакон почти пустых духов. Все это лежало в нижнем ящике комода, под стопкой ненужных свитеров.

Она опустилась на пол, открыла ящик и достала шкатулку.

Деревянная, темная, с потертым замочком, который давно не закрывался. Внутри пахло пылью, бумагой и еле уловимым жасмином - может быть, настоящим, а может быть, только придуманным памятью. Ася взяла фотографию: мама на даче, в белой рубашке, волосы собраны небрежно, глаза смеются. Рядом маленькая Ася с мороженым в руке и перепачканным подбородком. Отец тогда еще был за кадром. Наверное, он и снимал. В тот день он, кажется, смеялся тоже. Или Ася придумала это потом, чтобы не вся память о нем была холодной.

- Мам, - прошептала она.

И голос сломался.

Слезы пришли не сразу. Сначала было только давление в груди, такое сильное, что трудно стало дышать. Потом лицо исказилось, губы задрожали, и она, взрослая, гордая, привыкшая не плакать при них, согнулась над шкатулкой, прижимая фотографию к груди, как ребенок, у которого отняли последнюю защиту. Она плакала беззвучно, потому что в этом доме даже боль приходилось прятать. Плакала от страха, от унижения, от ярости, от того, что мать снова умерла сегодня - уже не в аварии, не в больничном свете, а в отцовской папке, превращенная в рычаг давления.

Когда слезы закончились, она долго сидела на полу, прислонившись спиной к кровати. За окном шел мокрый снег. Он таял на стекле и стекал вниз прозрачными дорожками, похожими на царапины.

До утра.

У нее было до утра, чтобы выбрать между чужим мужчиной и мертвой матерью. Между браком, который начинался с подмены, и правдой, которую отец мог бросить в руки Воронцову так, чтобы та стала оружием. Между жизнью, которую у нее отнимали, и памятью, которую могли уничтожить.

Но чем дольше Ася сидела в темноте, тем яснее понимала одну вещь: отец ошибся. Он думал, что поставил ее перед выбором. На самом деле он, сам того не желая, показал дверь

туда, где пряталась правда. Дамир Воронцов мог быть кем угодно: отморозком, банкротом, психом, чудовищем из светских сплетен. Но он тоже был связан с этой папкой. С гибелью своего брата. С прошлым, которого боялся отец. И если вся семья Лебедевых так отчаянно пыталась подменить невесту, значит, в этом браке было больше, чем унижение.

Ася вытерла лицо ладонями и посмотрела на фотографию матери.

- Я не знаю, что делать, - сказала она тихо. - Но я узнаю, что он скрывает. Клянусь.

К утру она не стала спокойнее. Просто страх затвердел и превратился в форму, которую можно было носить под кожей. Она почти не спала. Лежала поверх покрывала, слушала, как дом дышит ночными трубами, как за окном шуршит снег, как где-то в коридоре мягко ступает охрана или прислуга. В пять утра она встала, умылась ледяной водой, собрала волосы, надела то же серое платье, потому что не хотела выбирать наряд для собственного поражения, и спустилась вниз.

Отец уже был в кабинете.

Конечно.

Он сидел за столом, просматривая бумаги, будто ночь ничего не изменила. В комнате пахло кофе, кожей, деревом и его одеколоном. На стене висели дипломы, фотографии с важными людьми, несколько абстрактных картин, купленных, наверное, не потому, что они нравились, а потому что соответствовали уровню. На отдельной полке стояла фотография Миланы с какого-то показа. Фотографии Аси там не было.

Отец поднял глаза.

- Ты рано.

- Ты дал мне время до утра.

Он отложил ручку.

- И?

Ася вошла в кабинет и остановилась напротив стола. Между ними лежала полированная поверхность, такая блестящая, что в ней отражалось ее лицо. Бледное, с темными кругами под глазами, но странно спокойное. Она вдруг подумала, что Дамир Воронцов, кем бы он ни был, сегодня получит не ту невесту не только вместо Миланы. Он получит не ту Асю, которую отец привык видеть.

- Я выйду за него, - сказала она.

Виктор Сергеевич не улыбнулся. Только чуть заметно расслабил плечи.

- Разумное решение.

- Не называй это разумом.

Он прищурился.

- Осторожнее, Ася.

- Нет, - сказала она. - С этого момента осторожнее будешь ты.

Впервые за очень долгое время отец действительно посмотрел на нее. Не сквозь. Не поверх. Не как на проблему, которую нужно убрать с дороги. А прямо.

- Что это значит?

Она положила ладонь на край стола и наклонилась чуть вперед.

- Это значит, что я выйду за Дамира Воронцова. Вместо Миланы. Как вы и хотели. Я надену платье, подпишу документы, улыбнусь, если понадобится. Но если окажется, что ты солгал о маме, я сама отдам ему все, что найду. И если ты причастен к тому, что с ней случилось...

Голос дрогнул. Она заставила себя договорить.

- Я не буду твоей дочерью, папа. Я буду твоим самым плохим свидетелем.

Лицо отца стало каменным.

- Ты не понимаешь, во что ввязываешься.

Ася выпрямилась.

- Зато наконец понимаю, с кем жила.

Она развернулась и вышла из кабинета прежде, чем он успел ответить. В холле уже светало. Серый утренний свет просачивался через высокие окна, делая дом плоским, чужим, лишенным ночной роскоши. Где-то наверху открылась дверь. Наверное, Милана. Наверное, Лариса Аркадьевна. Скоро начнутся звонки, распоряжения, примерки, документы, разговоры о свадьбе, которую никто не будет называть продажей.

Ася остановилась у зеркала возле входа.

На нее смотрела девушка, которую только что согласились отдать Отморозку вместо сестры. Нелюбимая дочь. Удобная жертва. Подменная невеста.

Она медленно подняла руку и коснулась пальцами собственного отражения.

- Посмотрим, - прошептала она, - кто кому достанется.

И впервые за всю ночь ей стало не только страшно. Ей стало любопытно.

Глава 2. Отморозок из леса

Утро после решения оказалось не похожим на утро перед свадьбой. В книгах, которые Ася когда-то читала тайком в школьные годы, героиня после рокового согласия обычно просыпалась в особом свете: с ощущением перелома, с холодным мужеством в груди, с драматичной музыкой где-то за кадром, если бы жизнь позволяла себе быть честнее и сопровождать катастрофы подходящим звуком. В реальности она проснулась от того, что под окном задним ходом сдавал фургон флористов, кухонная помощница уронила на первом этаже противень, а за дверью ее комнаты кто-то уже дважды прошел туда-сюда, делая вид, что это не караул, а обычная домашняя суета. Дом Лебедевых переварил вчерашний вечер и теперь работал дальше, будто ничего непоправимого не произошло. Только теперь в его привычном дорогом механизме Ася чувствовала себя не жильцом, не дочерью, даже не лишней деталью, а уже упакованным предметом, который осталось проверить, подписать и отправить по назначению.

Она лежала на спине и смотрела в потолок. Ночью ей удалось провалиться в сон всего на пару часов, и сон был не отдыхом, а темной водой, из которой ее постоянно выталкивало одно и то же: папка. Отцовская ладонь на синей коже. Имя матери в сухих строках протокола. “Следы второго автомобиля”. “Несоответствие показаний”. “Неустановленный контакт”. А потом - имя Дамира Воронцова, звучащее уже не просто как чужая фамилия из сплетен, а как дверь, за которой могли лежать ответы. Или новая ловушка. Или оба варианта сразу, потому что в жизни Лебедевых все важное всегда было двуслойным: сверху приличие, снизу расчет.

В телефоне было восемь непрочитанных сообщений. Три от неизвестного номера - вероятно, от помощницы Ларисы Аркадьевны, уже назначенной вести подготовку к “мероприятию”. Два от студии, где ее спрашивали, будет ли она сегодня на смене. Одно от банка с рекламной кредита, показавшейся настолько издевательской, что Ася почти рассмеялась. И два от Миланы.

Первое: “Надеюсь, ты не будешь устраивать цирк. Всем и так тяжело”.

Второе, отправленное через семь минут: “И не думай, что теперь стала особенной. Ты просто решаешь семейную проблему”.

Ася долго смотрела на экран, потом выключила телефон и положила его рядом. Особенной она себя не чувствовала. Скорее, наоборот: вчера вечером ее окончательно лишили даже иллюзии, что она отдельный человек. Но Милана ошибалась в другом. Семейную проблему Ася, возможно, и решала. Только больше не была уверена, что намерена решать ее в пользу семьи.

Она встала, умылась, долго смотрела в зеркало над раковиной и пыталась найти на своем лице хоть что-то от той вчерашней девушки, которая перед кабинетом отца произнесла почти героическую фразу про плохого свидетеля. Девушка в зеркале выглядела бледной, невыспавшейся и слишком обычной для человека, которого через неделю собирались выдать замуж за мужчину с репутацией городского кошмара. Темные волосы выбились из пучка, под глазами легли тени, губы потрескались. Никакой особой силы. Никакой роковой красоты. Никакой будущей жены скандального наследника. Просто Ася Лебедева, которую в собственном доме слишком долго учили быть удобной, а потом удивились, что она умеет думать.

На завтрак она спустилась не потому, что хотела есть, а потому, что избегание в этом доме всегда трактовалось как слабость. Если бы она осталась в комнате, Лариса Аркадьевна пришла бы сама - с мягким стуком, с тонкой улыбкой, с готовым набором фраз о нервах, благодарности и необходимости не усложнять жизнь. Милана, возможно, прошла бы мимо двери громко, демонстративно разговаривая по телефону о съемке, от которой ее не оторвали ради “какого-то дикого брака”. Отец послал бы помощницу с расписанием. Каждый из них так или иначе

вошел бы в ее пространство, потому что у Лебедевых личные границы считались роскошью, если речь шла не о Милане.

В столовой было светло и холодно. Утренний свет лежал на белой скатерти, на фарфоре, на серебряной кофейной ложке у чашки отца. Лариса Аркадьевна сидела на своем месте, уже идеально собранная: темно-синее платье, волосы убраны, на губах тот оттенок помады, который у нее означал деловые разговоры, а не семейные чувства. Милана явилась в спортивном костюме цвета пыльной розы, но даже он сидел на ней так, будто был частью рекламной кампании. Отец просматривал планшет. Никто не сказал “доброе утро”. Вчерашнее не требовало продолжения - для них оно было закрыто Асиным согласием.

- Сядь, - сказал отец, не поднимая глаз.

Ася села. Перед ней тут же поставили чашку кофе, хотя она обычно пила чай. Видимо, дом уже начал забывать ее привычки, освобождая место для новых инструкций.

- Сегодня у нас много организационных вопросов, - произнесла Лариса Аркадьевна, будто говорила не о свадьбе, а о благотворительном аукционе, где нужно расставить вазы и проверить список гостей. - Регистрация будет скромной. Без широкого освещения. Так лучше для всех сторон.

- Для всех сторон? - Ася взяла чашку, но не стала пить. - Я теперь сторона?

- Не цепляйся к словам, - устало сказала мачеха. - Виктор, она опять начинает.

Отец наконец оторвался от планшета.

- Ася, если ты хочешь сохранить хоть какое-то достоинство в этой ситуации, прекрати реагировать на каждую фразу.

- Мое достоинство вчера уже внесли в список расходов?

Милана громко поставила стакан с водой.

- Господи, началось. Ты сама согласилась.

Ася посмотрела на сестру. Та держалась уверенно, но под этой уверенностью дрожало плохо спрятанное облегчение. Ее спасли. Ее вынесли из-под удара. Теперь можно было позволить себе раздражаться на ту, кого под удар поставили вместо нее.

- Да, - сказала Ася. - Согласилась. Из-за папки, которую мне не дали прочитать. Из-за намеков о маме. Из-за шантажа. Давай хотя бы не будем делать вид, что я вчера выиграла свадебный букет.

- Никто тебя не шантажировал, - резко произнес отец.

Ася усмехнулась.

- Конечно. Ты просто положил передо мной документы о смерти матери и сказал, что отдашь их Воронцову, если я откажусь. Семейная беседа, ничего особенного.

Лицо отца потемнело.

- Тебе стоит научиться выбирать выражения.

- Мне стоит научиться выбирать людей, которым верить. Но с этим, кажется, уже поздно.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Раньше Ася первой отвела бы взгляд. Это было почти рефлексом: не доводить, не провоцировать, не превращать напряжение в наказание. Теперь же она чувствовала, что прежние правила уже не работают. Нельзя испортить отношения, если тебя только что продали под видом семейной необходимости. Нельзя окончательно разочаровать отца, если он заранее решил, что ты всего лишь инструмент.

Лариса Аркадьевна мягко кашлянула.

- Сейчас не время для истерик. Нам нужно обсудить главное. Воронцовы уже уведомлены о... корректировке.

- Корректировке? - Ася перевела взгляд на нее. - Вы правда говорите обо мне как о правке в документе?

- Ты была бы намного счастливее, если бы перестала искать повод обидеться, - сказала мачеха. - В твоём положении полезнее думать о практических вещах.

- Например, о том, переживу ли я медовый месяц?

Милана побледнела и тут же вспыхнула.

- Не говори так!

- Почему? Боишься, что я вслух озвучу то, из-за чего ты вчера так удачно заболела контрактом?

- Ты не понимаешь, - Милана сжала пальцы на салфетке. - Ты вообще ничего не понимаешь. Дамир Воронцов - не просто неприятный жених. Он опасный. Ты думаешь, люди называют его Отморозком потому, что им делать нечего?

Вот оно. Прозвище легло на стол почти материальным предметом. Отморозок. Слово было грубым, низким, неуместным среди тонкого фарфора, серебра и свежих ягод в хрустальной вазе. Но именно поэтому оно и работало. Не “сложный человек”, не “мужчина с тяжелой судьбой”, не “скандальный наследник”. Отморозок. Так говорят не о том, кого просто не любят. Так говорят о том, кто перестал признавать тормоза, нормы и чужой страх как препятствие.

- Расскажи, - сказала Ася.

Милана моргнула.

- Что?

- Расскажи. Раз уж мне за него замуж, я хочу знать, что именно все обо мне уже знают, кроме меня.

Лариса Аркадьевна бросила на дочь предупреждающий взгляд.

- Не надо сгущать краски.

- Почему? - Ася повернулась к маме. - Вчера вы сгущали их достаточно, чтобы Милана выглядела жертвой. Сегодня жертва поменялась, и краски вдруг стали лишними?

- Анастасия, - отец сказал это тихо, но в голосе уже звенел металл.

Она подняла ладони.

- Хорошо. Тогда расскажи ты. Кто такой Дамир Воронцов? Почему старое соглашение с ним настолько важно, что вы готовы отдать ему не ту невесту? Почему Милана трясется от одного имени? Почему ты боишься, что он получит документы о маме? И почему у меня ощущение, что меня отправляют не замуж, а в клетку к человеку, которого вы сами загнали в угол?

На этот раз молчание затянулось. Отец не торопился отвечать. Лариса Аркадьевна смотрела в сторону, будто внезапно заинтересовалась цветочной композицией на буфете. Милана нервно прокручивала кольцо на пальце. Ася вдруг поняла, что их пугает не только Дамир. Их пугает необходимость говорить о нем связно, потому что связная история могла открыть слишком много.

- Воронцовы были нашими партнерами, - наконец сказал отец. - Много лет.

- Были?

- После смерти Рустама Воронцова многое изменилось.

Рустам. Младший брат. Ася слышала это имя раньше только в новостных обрывках. “Трагически погиб”. “Наследник младшей ветви”. “Авария на трассе”. “Семья отказалась от комментариев”. Потом все затмило падение Дамира, и мертвый брат превратился в удобное объяснение чужого безумия.

- Он погиб в аварии, - сказала Ася.

- Да, - ответил отец. Слишком коротко.

- И Дамир после этого избил какого-то партнера?

Милана фыркнула.

- Не какого-то. Сергея Орлова. Он был одним из людей, которые вытягивали их проект, когда все уже трещало. Дамир ворвался к нему в офис и чуть не забил до смерти. Прямо при секретаре. Ему потом чудом удалось замять уголовное дело, потому что Орлов не стал добивать ситуацию. Хотя надо было.

- Милана, - тихо сказала Лариса.

- А что? - сестра резко повернулась к матери. - Пусть знает. Она же хочет правду. Вот правда. Он псих. У него брат погиб, и у него сорвало крышу. Он решил, что все виноваты, начал рыться в документах, срывать сделки, угрожать людям, орать на совещаниях, ходить с охраной так, будто вокруг враги. Компания и так была в тяжелом положении, а он добил ее собственными руками.

Ася слушала и пыталась отделить факты от истерики. В Миланиных словах было слишком много чужих интонаций. Она явно пересказывала то, что слышала от взрослых, от подруг, от светских сплетников. Но именно потому рассказ звучал страшно: это была не одна версия, а уже сформированная городская легенда, гладкая от множества пересказов.

- Сорвал сделку века, - добавила Милана. - Ты хоть понимаешь, что это было? Большой девелоперский проект на северной земле. Отели, коттеджи, медицинский центр, что-то там еще. Все уже было подписано почти. А он на финальной встрече устроил скандал, обвинил собственных партнеров в убийстве брата и мошенничестве. Без доказательств. При инвесторах. После этого половина банков от них отвернулась.

Отец медленно положил чашку на блюдо.

- Не преувеличивай.

- Я не преувеличиваю. Все это знают.

- Все знают то, что им удобно знать, - сказал отец.

Ася уловила в его голосе что-то странное. Не защиту Дамира. Нет. Скорее раздражение человека, который считает массовую версию слишком грубой и потому опасной своей простотой. Значит, за ней было больше. Значит, Воронцов сорвал сделку не просто потому, что сошел с ума. Или отец боялся именно такой возможности.

- А что знаешь ты? - спросила Ася.

- Достаточно, чтобы понимать: Дамир Воронцов человек тяжелый, жесткий и непредсказуемый. Но он не дурак. И не нищий, как любит думать твоя сестра.

Милана недовольно передернула плечом.

- Он банкрот.

- Формально - да, - сказал отец. - Фактически у него остались связи, люди и часть активов, которые не так просто отследить. Кроме того, старое соглашение между семьями касается не только брака. Оно связано с долями, обязательствами и доступом к замороженным пакетам документов.

- Каких документов? - сразу спросила Ася.

Отец посмотрел на нее долгим взглядом.

- Деловых.

- У нас сегодня день недомолвок?

- У нас сегодня день, когда тебе стоит усвоить главное: этот брак нужен не для романтики. И не для того, чтобы кому-то понравиться. Ты должна вести себя спокойно, не лезть в его дела и не провоцировать.

Ася медленно кивнула.

- То есть меня отправляют к человеку, который, возможно, считает нашу семью виновной в смерти своего брата, и я должна не провоцировать.

- Он не сможет причинить тебе вред без последствий.

Это прозвучало почти смешно.

- А если сможет?

Лариса Аркадьевна раздраженно вздохнула.

- Ну что за манера разговаривать, будто тебя отправляют на бойню? Дамир Воронцов, как бы ни сложилась его жизнь, человек своего круга. Он не дикарь.

- Правда? - Милана подняла брови. - А живет почему в лесу?

- Милана, прекрати.

- Нет, пусть знает и это. Он теперь живет в старом доме Воронцовых за городом. Не в нормальном особняке, где приемы и охрана на воротах, а в этой мрачной развалине у соснового леса. Там даже связь плохо ловит. Девочки рассказывали, что он почти никуда не ездит, людей не принимает, журналистов посылает так, что те потом месяцами не подходят. У него остались только водитель, какая-то старая экономка и юрист, который таскается за ним, как могильщик за гробом.

Ася сжала чашку. Дом в лесу. Человек, который заперся после смерти брата. Водитель, экономка, юрист. Почти сказочный набор, только сказка была не про принца и заколдованный замок, а про ссылку к мужчине, которого город вычеркнул из приличных списков и оставил за собой право бояться.

- Как зовут юриста? - спросила она.

Отец насторожился.

- Зачем тебе?

- Просто пытаюсь собрать список людей, которые будут чаще видеть меня после свадьбы, чем собственная семья.

Лариса Аркадьевна поморщилась.

- Павел Грановский, - ответил отец после паузы. - Очень неприятный человек. Умный.

- А водитель?

- Кажется, Артем. Или Артур, - бросила Милана. - Какая разница?

Асе почему-то показалось, что разница есть. В людях вокруг Дамира Воронцова сейчас было больше смысла, чем в людях вокруг нее. Если после падения возле него остались только трое, значит, эти трое либо преданы, либо опасны, либо знают то, что остальные предпочли забыть.

- Экономку зовут Тамара Петровна, - неожиданно сказала Лариса Аркадьевна. - Она много лет работала у его матери. Не думаю, что тебе стоит конфликтовать с прислугой в его доме. Старые слуги иногда бывают преданнее родственников.

Ася посмотрела на мачеху. Та будто спохватилась и отвела глаза. Информация выскользнула случайно. Лариса Аркадьевна знала больше, чем хотела показывать. Все они знали больше.

- А мать Дамира? - спросила Ася.

Милана хмыкнула.

- Умерла давно.

- Отец?

- За границей на лечении, - сказал Виктор Сергеевич. - После всего случившегося почти не вмешивается.

- То есть Дамир один.

- Не романтизируй, - отрезал отец. - Одиноким мужчиной с дурной репутацией не становится безопаснее оттого, что он одинок.

Ася посмотрела на свою тарелку. Еда остыла. На тонком ломтике тоста застыл блеск масла. Ей вдруг стало противно от этой безупречной утренней сцены, в которой люди с ухоженными руками обсуждали, насколько опасен мужчина, которому они собираются подсунуть не ту жену. Они говорили о нем с презрением, страхом, брезгливостью, но никто не говорил прямо, почему он вообще согласился на этот брак после подмены. Никто не хотел касаться самой важной детали. Если Дамир Воронцов был таким умным, злым и непредсказуемым, как они утверждали, почему он уже не перевернул стол? Почему не отказался? Почему не потребовал Милану? Почему позволил им менять людей местами, словно фигуры на доске?

- Он знает? - спросила Ася.

Отец чуть заметно напрягся.

- О чем?
- О том, что невесту поменяли.
- Его сторона уведомлена.
- Его сторона - это кто? Юрист? Водитель? Старая экономка? Или сам Дамир?
- Неважно.
- Для меня важно.
- Для тебя важно явиться на регистрацию и вести себя достойно.

Она медленно поставила чашку на стол.

- Он не знает.
 - Не делай выводов, не владея информацией.
 - Значит, не знает, - повторила Ася. - Или знает не всё.
- Милана вдруг улыбнулась. Плохо улыбнулась, с нервной злостью.

- Какая разница? Увидит - узнает.

Ася повернулась к ней.

- Ты наслаждаешься?
- Чем?
- Тем, что меня ведут вместо тебя к человеку, которого ты боишься.

Сестра подалась вперед.

- А ты бы на моем месте пошла? Честно? Если бы у тебя была нормальная жизнь, работа, лицо, контракты, люди, которым ты нужна? Если бы тебе сказали: выходи за мужика, который после смерти брата превратился в бешеного зверя и живет черт знает где? Ты бы пошла такая вся благородная?

- Нет, - сказала Ася.

Милана победно вскинула подбородок.

- Вот видишь.
- Я бы не стала подсовывать вместо себя сестру.

Победа в глазах Миланы погасла.

- Ты не понимаешь, что такое ответственность.
- А ты не понимаешь, что такое совесть.

Милана резко встала.

- Mam, я не могу это слушать.
- Сядь, - сказал отец.

И Милана села. Потому что при всех своих капризах она тоже знала, где проходит настоящая власть в этом доме. Ей позволяли истерики, слезы, дорогие ошибки, эмоциональные срывы. Но только до той черты, которую проводил Виктор Сергеевич. Вчера за эту черту вытолкнули Асю. Сегодня все просто следили, чтобы она не попыталась вернуться.

Завтрак закончился без объявления. Отец ушел в кабинет, Лариса Аркадьевна отправилась звонить “людям, которые помогут все организовать прилично”, Милана скрылась наверху, хлопнув дверью чуть громче, чем позволяла хорошая акустика дома. Ася осталась в столовой на несколько минут, потом поднялась к себе и включила телефон.

Сообщений стало больше. От студии пришло еще одно: “Ась, ты сегодня будешь? Нам макеты нужны до обеда”. Она долго смотрела на эту фразу. Макеты. До обеда. Нормальная жизнь продолжала требовать нормальных действий. Нужно было написать, что она не придет. Что у нее семейные обстоятельства. Что ее выдают замуж за чужого жениха вместо сестры под угрозой посмертного шантажа матери. “Семейные обстоятельства” внезапно показались самым лживым и самым точным выражением на свете.

Она набрала: “Меня не будет несколько дней. Извините. Я позже объясню”. Потом стерла “извините”. Потом вернула. Отправила.

После этого открыла поисковик и ввела: “Дамир Воронцов”.

Фотографий оказалось много, но большинство - старые. Дамир на благотворительном вечере три года назад: черный смокинг, бокал в руке, взгляд чуть в сторону, рядом смеющаяся девушка с обнаженными плечами. Дамир на открытии какого-то жилого комплекса: темно-синий костюм, отец рядом, Рустам чуть позади, моложе, светлее, с открытой улыбкой. Дамир у машины, пойманный папарацци: солнцезащитные очки, белая рубашка, лицо человека, который привык, что мир расступается. И другая серия снимков - после катастрофы. Размытые кадры у суда. Дамир с разбитой скулой, небритый, в черном пальто. Дамир, закрывающий лицо ладонью от камер. Дамир, которого двое мужчин удерживают у входа в бизнес-центр, а он смотрит мимо них так, будто уже выбрал, кому свернет шею первым.

Ася увеличила один снимок и замерла.

Он был красив. Это злило. Ей легче было бы бояться карикатурного чудовища: рыхлого, пьяного, с тупой жестокостью в глазах. Но на фотографиях был мужчина, которого невозможно было не заметить. Резкие черты, темные волосы, жесткая линия рта, широкие плечи, взгляд тяжелый даже через плохое качество снимка. В старых кадрах он выглядел опасно от избытка уверенности. В новых - опасно от отсутствия потерь, которые еще могли бы его остановить. Так, наверное, и рождаются прозвища. Человек сначала просто не улыбается, потом однажды бьет слишком сильно, потом перестает оправдываться, и общество с облегчением называет его Отморозком, чтобы не разбираться, что именно замерзло внутри.

Она открыла одну из статей. Заголовок был дешевым и жадным: “Наследник Воронцовых сорвал сделку века: нервный срыв или месть?” Текст пересказывал историю почти теми же словами, что Милана: трагическая гибель младшего брата, конфликт с партнерами, внезапный отказ от подписания документов, публичные обвинения в мошенничестве, падение доверия банков, судебные претензии, банкротство связанных структур. Другой материал был еще хуже: “От золотого мальчика до лесного затворника: куда исчез Дамир Воронцов?” Там автор с удовольствием описывал старый загородный дом, отсутствие светской активности, слухи о вспышках агрессии и “женщинах, которым советуют держаться подальше”.

Женщинах.

Ася почувствовала, как внутри сжимается холодный комок. Она не была наивной. Понимала, что слово “опасный” рядом с мужчиной может звучать притягательно только на обложках романов. В реальной жизни опасный мужчина - это тот, рядом с кем ты проверяешь, где дверь, где телефон, где твои документы и кто услышит, если ты закричишь. Милана могла быть эгоисткой, Лариса Аркадьевна - ядовитой, отец - безжалостным, но даже они вряд ли отправили бы ее туда, где ее могут убить. Наверное. Хотя это “наверное” оказалось слишком слабым мостом над слишком глубокой ямой.

Она пролистывала материалы дальше. Один ресурс писал, что Дамир после похорон брата пытался инициировать частное расследование. Другой утверждал, что он был одержим идеей заговора и обвинил всех, от деловых партнеров до дорожной службы. Третий намекал, что Рустам Воронцов перед смертью “вел не вполне прозрачные переговоры” и мог сам стать причиной семейного краха. Этот намек был особенно неприятен. Мертвые, как и мать Аси, не могли ответить. Зато живые могли очень удобно перекладывать на них вину.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошла Лариса Аркадьевна.

Она окинула взглядом комнату, телефон в Асиной руке, открытые страницы на экране и чуть приподняла брови.

- Изучаешь будущего мужа?

- Пытаюсь понять, насколько быстро надо начинать писать завещание.

- Не остри. У тебя это получается грубовато.

Мачеха прошла к окну, как будто комната принадлежала ей, и поправила край шторы. Она всегда так делала: касалась вещей, перемещала их на пару сантиметров, возвращала миру порядок, в котором Асе не было места.

- Через два часа приедет стилист. Надо посмотреть, что можно сделать с платьем Миланы. Ася медленно подняла голову.

- С чьим платьем?

- Свадебное платье уже куплено. Нет смысла тратить деньги на новое, если сроки такие сжатые. Его подгонят по тебе.

Некоторое время Ася просто смотрела на нее. Потом закрыла вкладку с фотографией Дамира и положила телефон на стол.

- Вы хотите, чтобы я вышла замуж за мужчину, которому обещали Милану, в платье Миланы?

Лариса Аркадьевна повернулась. В ее лице было раздражение человека, вынужденного объяснять очевидное.

- Ася, сейчас не до капризов.

- Это не каприз.

- Платье дорогое. Очень красивое. Тебе повезло, что вы с Миланой примерно одного роста.

- Повезло, - повторила Ася.

Слово было настолько абсурдным, что повисло в воздухе и не упало.

- Я понимаю, тебе неприятно, - сказала мачеха уже другим тоном. Тем самым, который изображал участие и всегда был хуже открытой злобы. - Но давай будем честны. Эта свадьба не про мечты. Не про белых голубей и слезы счастья. Нам всем нужно пройти через сложный этап с минимальными потерями.

- Милана уже прошла.

- Милана слишком многое теряет в случае этого брака.

- А я, видимо, ничего.

Лариса Аркадьевна посмотрела на нее долгим, почти усталым взглядом.

- А что ты теряешь, Ася? Скажи честно. Работу, на которой тебе платят меньше, чем наш водитель получает за неделю? Комнату в доме, где ты сама чувствуешь себя несчастной? Свободу? Не смей меня. Свобода - это когда у человека есть деньги, связи и понимание, куда идти. У тебя есть только обида.

Ася встала. Медленно, чтобы не выдать, как сильно эти слова ударили. Не потому, что мачеха была права полностью. А потому, что частично - была. Ася действительно не знала, куда идти. Действительно зависела от семьи сильнее, чем хотела признавать. Действительно имела больше гордости, чем возможностей. И именно это делало происходящее невыносимым: ее загнали не цепями, а расчетом. Ей оставили настолько мало пространства, что любой выход вел в заранее подготовленную ловушку.

- У меня еще есть мама, - сказала она.

Лицо Ларисы Аркадьевны стало неподвижным.

- Твоя мать умерла.

- Нет. У меня есть память о ней. И вы вчера очень убедительно показали, что боитесь ее не меньше, чем Воронцова.

Мачеха чуть прищурилась.

- Не играй с тем, чего не понимаешь.

- Так объясните.

- Не обязана.

- Тогда не удивляйтесь, если я начну спрашивать у других.

В комнате стало тихо. Лариса Аркадьевна впервые посмотрела на нее без привычной снисходительности. В этом взгляде мелькнуло что-то острое, внимательное, почти опасное.

- У Дамира Воронцова нет жалости, Ася. Не думай, что если ты придешь к нему с мокрыми глазами и историей про несчастную девочку, он станет твоим рыцарем. Такие мужчины не спасают. Они используют. Особенно тех, кто приходит к ним уже сломанным.

- Говорите по опыту?

Мачеха улыбнулась. Очень медленно.

- По возрасту.

Она подошла ближе и остановилась так, что между ними осталось всего пару шагов.

- Ты думаешь, твой отец жесток? Возможно. Я? Несомненно, в твоих глазах. Милана эгоистична? Да, как большинство красивых молодых женщин, которым есть что терять. Но мы, по крайней мере, предсказуемы. Ты знаешь, чего от нас ждать. А Воронцов... он больше не играет по правилам. У него отняли брата, имя, компанию, будущее. Мужчина, у которого отняли все, очень плохо понимает, где заканчивается месть и начинается чужая жизнь.

Ася не ответила. Мачеха говорила не для того, чтобы защитить ее. В этом не было заботы. Но в словах была правда - или то, что очень на нее походило. И от этого становилось еще холоднее.

- Почему он согласился? - спросила Ася. - Если он такой. Если он ненавидит нас. Если понимает, что его обманывают. Почему?

Лариса Аркадьевна отвела взгляд первой.

- Потому что ему тоже что-то нужно.

- Что?

- Это вопрос к твоему отцу.

- А к вам?

Она снова улыбнулась, но теперь улыбка вышла тоньше.

- А я всего лишь хочу, чтобы моя дочь была счастлива.

- Ваша дочь - это Милана.

- Разумеется, - сказала Лариса Аркадьевна, и в этой честности было больше жестокости, чем во всех прежних намеках. - Поэтому я делаю то, что должна.

Она ушла, оставив после себя легкий запах дорогих духов и ощущение, будто в комнату запустили холодный воздух. Ася долго стояла посреди спальни и смотрела на закрывшуюся дверь. Потом подошла к зеркалу. Там отражалась все та же бледная девушка, только теперь в ее взгляде появилось что-то новое. Не сила еще. Не уверенность. Скорее понимание: в этом доме никто даже не пытался скрыть правду до конца. Просто каждый называл ее своим словом. Долг. Семья. Разум. Карьера. Счастье дочери. Но смысл был один: Ася должна исчезнуть туда, где ее отсутствие станет всем удобнее.

Через два часа приехал стилист с двумя ассистентками и платьем в огромном белом чехле. Его внесли в комнату так бережно, словно внутри было не платье, а священная реликвия. Милана пришла почти сразу, конечно. Села в кресло у окна, закинула ногу на ногу и сделала вид, что ей все равно. На самом деле ее глаза не отрывались от чехла. Это было ее платье. Ее несостоявшееся поражение. Ее спасенное будущее. И теперь Ася должна была влезть в него как в чужую кожу.

Когда чехол расстегнули, комната наполнилась тихим восхищенным вздохом ассистенток. Платье действительно было красивым. Не сказочным, не пышным, без дешевой девичьей мечтательности. Узкий силуэт, тяжелый молочный шелк, длинные рукава из тончайшего кружева, открытая спина, жемчужные пуговицы от шеи до талии. Оно было создано для Миланы: для ее светлых волос, для ее уверенности, для ее умения входить в зал так, будто зал уже принадлежит ей. На Асе оно должно было смотреться иначе. Не хуже, возможно. Но иначе - а здесь любое "иначе" заранее считалось ущербом.

- Надо будет ушить в груди, - негромко сказала одна ассистентка и тут же покраснела.

Милана улыбнулась.

- Да, Ася у нас всегда была более... хрупкой.
- Зато мне не надо ушивать совесть, - сказала Ася, не глядя на нее.

Стилист замерла с булавками в руке. Ассистентки сделали вид, что не слышали. Милана побледнела.

- Ты стала невыносимой.
- Нет. Просто у меня свадьба. Невестам можно нервничать.
- Это не твоя свадьба.

Фраза вылетела у Миланы быстро, зло и так честно, что в комнате даже воздух остановился.

Ася повернулась к ней.

- Вот именно, - сказала она. - Не моя. Но женой почему-то стану я.

Милана встала.

- Думаешь, он будет смотреть на тебя и не понимать, что ему подсунули замену? Думаешь, он не сравнит? Он видел мои фотографии. Ему присылали мои данные. Он знает, на кого соглашался.

- Прекрасно, - ответила Ася. - Значит, если ему не понравится, пусть предъявляет претензии отправителю.

- Он предъявит тебе.
- Возможно.
- И ты еще шутишь?

Ася посмотрела на платье. Белое, дорогое, чужое. Потом на сестру.

- Если перестану, начну кричать. А тебе, кажется, не понравится звук.

Милана вдруг дернулась, как будто действительно испугалась, что Ася сейчас закричит. И в этом коротком испуге было столько детского, что Ася впервые за утро почувствовала не только злость. Милана была ужасна. Эгоистична, избалованна, жестока в своей уверенности, что мир обязан сохранять ее красоту от любых трещин. Но она тоже боялась. Не за Асю. Не за справедливость. Но боялась так сильно, что готова была скормить этому страху кого угодно. И от этого становилась не менее виноватой, а только более понятной.

Примерка длилась мучительно долго. Булавки входили в ткань, ассистентки шептались, стилист просила поднять руку, повернуться, расправить плечи, не сутулиться. Милана то уходила, то возвращалась, будто не могла выносить вид платья на сестре и одновременно не могла от него оторваться. Лариса Аркадьевна появилась ближе к концу, оценила результат, поджала губы и сказала, что "при правильной прическе будет терпимо". Ася молчала. Она смотрела в зеркало и пыталась привыкнуть к образу женщины, которая должна будет войти к Дамиру Воронцову в чужом платье, с чужой историей, вместо чужой невесты.

Платье сидело на ней странно. Не плохо. Просто оно не делало ее Миланой, как, возможно, надеялись в доме. Наоборот, оно подчеркивало разницу. На Милане этот шелк выглядел бы победой, на Асе - приговором. Ее темные волосы, слишком бледное лицо, напряженные плечи, глаза, в которых за ночь что-то окончательно проснулось, превращали свадебный наряд не в украшение, а в маскировку. Она была похожа не на счастливую невесту, а на человека, которого ведут через зал суда и почему-то заставили выглядеть красиво.

- Дамир терпеть не может слабость, - вдруг сказала Милана за ее спиной.

Ася встретила с ее взглядом в зеркале.

- Ты с ним общалась?
- Один раз. На встрече.
- И?

Милана отвела глаза.

- Он почти не говорил. Только смотрел.
- И ты поняла, что он терпеть не может слабость?

- Это было видно.

- Что еще было видно?

Сестра молчала. Лариса Аркадьевна насторожилась, но не вмешалась. Стилист с ассистентками продолжали делать вид, что работают в вакууме.

- Милана, - сказала Ася мягче, чем собиралась. - Я все равно туда поеду. Если ты знаешь что-то, что поможет мне не совершить ошибку в первые пять минут, скажи.

На мгновение лицо сестры изменилось. Исчезла капризная злость, исчезла модельная маска, исчезло превосходство. Осталась испуганная девушка, которая когда-то увидела перед собой мужчину и поняла, что ее красота не является властью над всеми.

- Он смотрит так, будто уже знает, за сколько ты себя продашь, - сказала Милана тихо.

- И презирает цену заранее.

Ася почувствовала, как по спине проходит холод.

- Он сказал тебе что-нибудь?

- Спросил, хочу ли я этого брака.

- А ты?

Милана криво усмехнулась.

- Я сказала, что уважаю решение семьи.

- И он?

- Сказал: "Сочувствую вашей семье".

Это было неожиданно. Совсем не то, что Ася ожидала услышать. Не угроза. Не грубость. Не светский комплимент. Неправильная фраза, от которой вся ситуация вдруг повернулась под другим углом. Если Дамир Воронцов действительно так сказал, значит, он уже тогда видел больше, чем ему показывали. Видел Миланин страх. Видел сделку. Видел, может быть, что невеста не идет, а ее ведут.

- А потом? - спросила Ася.

- Потом он ушел. Даже не попрощался со мной нормально. Папа сказал, что у него тяжелый характер.

Милана попыталась вернуть прежнюю интонацию, но не получилось. Воспоминание все еще держало ее за горло.

- Ты его боишься, - сказала Ася.

- Да, - внезапно честно ответила сестра. - Боюсь. И знаешь что? Я не стыжусь. Бояться человека, который может тебя раздавить, - нормально.

- А отправлять к нему другую?

Милана снова надела злость, как пальто.

- Я не отправляла. Решал папа.

- Конечно.

Примерка закончилась тем, что платье снова сняли, унесли в чехле, а вместе с ним вынесли из комнаты последнюю иллюзию, что происходящее можно отложить. После ухода стилиста Ася переоделась в свое серое платье и внезапно почувствовала почти благодарность к его простой ткани. Оно было ее. Дешевое, скромное, неуместное в этом доме, но ее. Не снятое с чужой судьбы.

Ближе к вечеру отец вызвал ее в кабинет. На этот раз там сидел не только он. Рядом у окна стоял незнакомый мужчина лет сорока пяти в темном костюме, с папкой в руках и лицом профессионала, привыкшего быть незаметным там, где решаются чужие жизни. Семейный юрист, вероятно. Или один из них. У Лебедевых юристы были как врачи у хронически больных людей: разные специалисты на разные виды осложнений.

- Это Андрей Михайлович, - сказал отец. - Он введет тебя в основные условия.

Ася остановилась у двери.

- Брачный договор?

- Предварительные положения.
- Уже?
- Не начинай.

Юрист кивнул ей с вежливостью, в которой не было ни капли сочувствия. Он достал документы и начал говорить. Слова текли гладко, сухо, аккуратно. Регистрация. Смена данных. Конфиденциальность. Отказ от публичных комментариев. Раздельное владение имуществом. Отдельные обязательства сторон. В случае расторжения брака. В случае нарушения условий. В случае разглашения. Ася слушала и понимала, что ее личная катастрофа для этого человека была просто набором пунктов. Смерть матери, страх перед Дамиром, Миланина истерика, отцовский шантаж - все это за пределами юридического текста не существовало.

- Я хочу своего юриста, - сказала она.

Андрей Михайлович замолчал. Отец посмотрел на нее.

- Что?

- Я хочу, чтобы договор посмотрел юрист, который представляет мои интересы.

- Твои интересы представляет семья.

- Нет, - сказала Ася. - Семья представляет интересы Миланы, твои и, возможно, Ларисы Аркадьевны. Мои интересы вчера положили в папку и придавили шантажом. Так что я хочу юриста.

Отец медленно поднялся из-за стола.

- У тебя нет денег на отдельного юриста такого уровня.

- Тогда вы оплатите. Как часть расходов на мероприятие.

Юрист кашлянул, пряча улыбку или неловкость. Отец не улыбался.

- Ты начинаешь путать уступчивость с правом диктовать условия.

- А ты путаешь согласие выйти замуж с согласием идти с закрытыми глазами.

Они снова смотрели друг на друга через стол. Ася чувствовала, как сердце бьется слишком быстро, но отступать не собиралась. Может быть, юрист был мелочью. Может быть, отец все равно найдет способ обойти ее. Но именно с мелочей начиналась новая реальность. Если она не может отказаться от брака, значит, должна хотя бы перестать входить в него с повязкой на глазах.

- Хорошо, - сказал отец наконец. - Андрей Михайлович подберет тебе независимого специалиста.

- Нет. Я найду сама.

- Не глупи.

- Я сказала, сама.

Виктор Сергеевич чуть склонил голову, будто видел перед собой не дочь, а внезапно оживший документ, внесший правки без согласования.

- У тебя сутки.

- До свадьбы неделя.

- У тебя сутки на юриста. И не пытайся обращаться к людям, которые любят лишний шум.

- Почему? Вдруг шум - единственное, чего вы все боитесь?

Отец не ответил. Но его молчание было ответом.

Когда она вышла из кабинета, уже стемнело. В холле пахло полированным деревом и зимним воздухом: кто-то недавно открывал входную дверь. Ася остановилась у лестницы, не зная, куда идти. В комнату не хотелось. В столовую - тем более. Дом был полон людей, но ощущался пустым в самом страшном смысле: здесь не было никого, кто мог бы быть на ее стороне.

Она накинула пальто и вышла на крыльцо.

Снег наконец перестал быть мокрым. Он падал мягко, почти красиво, подсвеченный фонарями вдоль подъездной дорожки. Сад, днем голый и серый, сейчас казался чужим, спря-

танним под тонкой белой пылью. За воротами шумел город - далекий, обычный, наполненный людьми, которые ехали с работы, покупали хлеб, ругались в пробках, выбирали подарки, встречались, расставались, жили. Ася вдруг остро почувствовала, что ее жизнь вывели из общего потока и направили по отдельной дороге. Туда, где старый дом у леса, мужчина с темными глазами и репутацией Отморозка, погибший брат, сорванная сделка, банкротство, папка о смерти матери и вопрос, который становился все важнее: кто кого использует первым?

Дверь за спиной открылась. Она не обернулась, думая, что это прислуга или охрана. Но голос оказался Миланин.

- Холодно.

- Иди внутрь.

- Я не за советом пришла.

Ася все-таки повернулась. Сестра стояла в дверях, накинув короткую шубку поверх домашнего костюма. В желтом свете из холла она выглядела почти мягкой. Почти живой, а не глянцевой.

- Тогда зачем?

Милана вышла на крыльцо и остановилась рядом, но не слишком близко.

- Я хотела сказать... - Она замялась, и это было настолько не похоже на нее, что Ася насторожилась. - В общем, не вздумай ему рассказывать, что я отказалась.

Ася даже не удивилась. Усталость оказалась сильнее.

- Конечно. А я почти подумала, что ты пришла извиниться.

- Перед тобой?

- Глупость, да.

Милана обняла себя руками.

- Ты не понимаешь. Если он решит, что его унизили...

- Его унизили.

- Не я.

- Конечно. У нас в семье вообще никто ни в чем не виноват. Все просто стоят рядом, пока папа принимает решения.

Милана стиснула зубы.

- Ты хочешь, чтобы я чувствовала себя чудовищем?

- Нет. Я хочу, чтобы ты хотя бы раз почувствовала, что я человек.

Сестра отвернулась. Некоторое время они молчали, глядя на падающий снег. Потом Милана вдруг сказала совсем тихо:

- Он спросил меня тогда, на встрече, есть ли у меня сестра.

Ася медленно повернула голову.

- Что?

- Дамир. Он спросил. Не знаю почему. Папа говорил о договоре, о семье, о сроках. А он вдруг посмотрел на меня и спросил: "У вас есть сестра?" Я сказала, что есть. Он спросил: "Родная?" Я сказала, что по отцу. Он больше ничего не сказал.

Холод вокруг словно стал гуще.

- Почему ты раньше не сказала?

Милана пожала плечами, но движение вышло дерганым.

- Не думала, что важно.

- Ты врешь.

- Да какая разница? - она вспыхнула. - Может, он просто проверял состав семьи. Может, знал, что папа попробует что-то переиграть. Может, ему вообще плевать, кого брать, если фамилия Лебедева. Я не знаю!

Ася смотрела на нее и чувствовала, как внутри медленно, неприятно сдвигаются куски картины. Дамир спросил о сестре. До подмены. Значит, сама идея не стала для него полной

неожиданностью. Или он заранее подозревал, что Лебедевы способны заменить Милану кем-то другим. Или хотел именно этого. Нет, последнее было абсурдом. Он не знал Асю. Не мог знать. Или мог? Через мать? Через папку? Через прошлое, где их семьи пересекались теснее, чем ей говорили?

- Милана, - сказала она, стараясь говорить спокойно. - Ты уверена, что он спросил именно так?

- Да.

- И папа слышал?

- Конечно.

- Как отреагировал?

Милана нахмурилась.

- Никак. Сказал что-то вроде: "Анастасия не участвует в семейных делах". А Дамир ответил...

Она замолчала.

- Что он ответил?

Милана облизнула губы.

- "Пока".

Снег падал между ними белыми хлопьями. Где-то за воротами проехала машина, фары скользнули по решетке и исчезли. Ася вдруг почувствовала, что холод пробрался под пальто.

Пока.

Одно слово. Не угроза, не обещание, не объяснение. Но почему-то именно оно заставило ее сердце ударить сильнее. Дамир Воронцов знал о ней. Или, по крайней мере, знал, что в семье Лебедевых есть другая дочь, не участвующая в семейных делах. И сказал "пока". Значит, он уже тогда видел ее как возможную часть игры. А отец это слышал. И все равно вчера делал вид, что просто заменяет Милану по обстоятельствам.

- Спасибо, - сказала Ася.

Милана удивленно посмотрела на нее.

- За что?

- За то, что хоть раз сказала полезную правду.

Сестра дернулась, будто хотела ответить колкостью, но не стала. Только плотнее запахнула шубку.

- Не думай, что он на твоей стороне.

- Я пока даже не знаю, на чьей стороне я сама.

- Он тебя сожрет.

Ася посмотрела на темную дорогу за воротами.

- Возможно.

- И тебе не страшно?

Она усмехнулась.

- Страшно. Просто в этом доме меня уже начали есть. Так что, может, разнообразие пойдет на пользу.

Милана нахмурилась, не понимая, шутит ли она. Ася тоже не была уверена.

Позже, уже в комнате, она снова открыла поисковик, но теперь не стала читать статьи. Вместо этого нашла старую фотографию с делового форума, где Дамир Воронцов стоял рядом с отцом. Между ними не было дружбы. Это бросалось в глаза даже на постановочном кадре. Отец улыбался той своей улыбкой, которую надевал для камер: уверенной, дорогой, надежной. Дамир не улыбался. Он смотрел чуть в сторону, будто в зале происходило что-то гораздо важнее фотографа. Рядом с ним стоял Рустам - младший брат, светлый, открытый, почти мальчишеский по сравнению с темной сдержанностью старшего. За спиной отца, чуть в стороне, Ася вдруг заметила знакомый силуэт.

Мама.

Фотография была плохого качества, часть лица закрывала чья-то голова, но ошибиться было невозможно. Мамины волосы. Поворот шеи. Тонкая рука, держащая папку. Она стояла не рядом с отцом, не как жена на светском мероприятии, а чуть позади группы людей, больше похожая на участницу переговоров, чем на случайную сопровождающую.

Ася увеличила снимок. Изображение распалось на пиксели, но сердце уже не слушало разум.

Мама была там. На одном мероприятии с Воронцовыми. С отцом. С Рустамом. Возможно, с Дамиром.

Ей всегда говорили, что мама не занималась бизнесом. Что она любила искусство, фонды, выставки, помощь детям, тихие проекты, в которых не было денег и грязи. Что деловой мир отца был ей чужд. Что в тот вечер, когда она погибла, она возвращалась с благотворительной встречи. А теперь Ася смотрела на старый снимок и понимала, что хотя бы часть этой истории была ложью.

Она сохранила фотографию. Потом создала отдельную папку в телефоне и назвала ее коротко: “Мама”. Туда же отправила скриншоты статей о Рустаме, Дамире, сделке, банкротстве, старом проекте, упоминания об аварии. Пальцы больше не дрожали. Страх никуда не исчез, но в нем появилась работа. Действие. Смысл.

Около полуночи пришло сообщение от отца: “Завтра в 11:00 встреча с представителем Воронцова. Будь готова”.

Ася смотрела на экран, пока он не погас.

Представитель. Не сам Дамир. Значит, он все еще держит дистанцию. Или заставляет их нервничать. Или просто не считает подменную невесту достойной личной встречи до регистрации. В любом случае завтра она впервые столкнется не со слухами, не со статьями и не с Миланиным страхом, а с живым следом человека, к которому ее отправляли.

Она подошла к окну. За стеклом сад лежал под снегом, белый, холодный, почти чистый. Где-то далеко, за городом, наверное, тоже шел снег. Падал на старую крышу загородного дома, на темные сосны, на дорогу, по которой через несколько дней ее повезут к мужчине, которого все называли Отморозком. Мужчине, который спросил о ней раньше, чем она узнала о его существовании в своей судьбе. Мужчине, который имел причины ненавидеть Лебедевых. И, возможно, причины ждать именно ее.

Ася коснулась пальцами холодного стекла.

- Ну здравствуй, Дамир Воронцов, - сказала она едва слышно. - Посмотрим, кто из нас для кого ссылка.

Она не знала, что в эту же минуту за сорок километров от города, в старом доме у черного соснового леса, мужчина в белой рубашке стоял у окна кабинета и смотрел на экран планшета, где была открыта ее фотография из университетского архива. Не постановочная, не светская, не та, которую Лебедевы прислали бы жениху. Обычная фотография: темноволосая девушка в белой рубашке, с усталым лицом и упрямым взглядом, будто она уже тогда спорила с миром, но еще не знала, насколько серьезным окажется спор.

- Значит, все-таки ты, - произнес Дамир Воронцов.

За его спиной пожилой юрист Павел Грановский осторожно закрыл папку.

- Лебедевы подтверждают замену. Формально они называют это семейным решением.

Дамир не улыбнулся.

- Они всегда так называют грязь, когда кладут ее на фамильный фарфор.

- Вы можете отказаться.

Он молчал несколько секунд. За окном метель шла стеной, и лес за стеклом казался не пейзажем, а черной границей.

- Нет, - сказал он наконец. - Пусть привозят.

- Даже если девушка ничего не знает?

Дамир провел пальцем по краю планшета, уменьшая фотографию.

- Особенно если не знает.

- Это опасно для нее.

Воронцов повернул голову. Взгляд у него был спокойный, тяжелый и такой холодный, что другой человек, возможно, счел бы это равнодушием. Павел Грановский знал лучше. Равнодушные мужчины не держатся за расследование мертвого брата так, будто это единственное, что еще не дает им окончательно провалиться в тьму.

- В этом городе для нее уже опасно, Павел, - сказал Дамир. - Просто она пока думает, что опасность живет у меня в лесу.

Юрист вздохнул.

- А где она живет на самом деле?

Дамир снова посмотрел на фотографию Аси Лебедевой.

- В доме, откуда ее так торопят выдать замуж.

Глава 3. Платье для списанной дочери

К утру дом Лебедевых окончательно перестал притворяться, что свадьба имеет хоть какое-то отношение к празднику. Праздники в этом доме всегда готовили иначе. Тогда по комнатам ходили флористы, обсуждали оттенки роз, Лариса Аркадьевна спорила с декораторами о высоте свечей, Милана могла полдня выбирать между двумя одинаково дорогими платьями и в конце концов купить оба, потому что “настроение решит само”. Отец в такие дни становился особенно собранным, но даже он позволял себе одну-две фразы о гостях, о погоде, о том, что все должно пройти достойно. Теперь же приготовления напоминали не праздник, а срочную эвакуацию имущества перед пожаром. Люди говорили вполголоса, списки составлялись быстро, решения принимались без обсуждений, а любое упоминание красоты, радости или торжества звучало так неуместно, будто кто-то предложил украсить траурный зал воздушными шарами.

Ася поняла это еще до завтрака, когда в коридоре столкнулась с помощницей Ларисы Аркадьевны, тонкой испуганной девушкой по имени Вика, которая несла в руках планшет, блокнот, телефон и выглядела так, словно ее уже трижды отчитали за чужие ошибки. Увидев Асю, Вика остановилась слишком резко, едва не выронив ручку, и сказала, что “сейчас все уточнит”, хотя Ася ничего не спрашивала. В ее глазах мелькнуло жалостливое любопытство, которое обычно бывает у людей, уже слышавших плохую новость о тебе раньше, чем ты сам понял, насколько она плоха. Ася усмехнулась, пропустила ее мимо и пошла дальше, чувствуя, как дом вокруг обрастает новыми шепотками. Вчера она была неудобной дочерью. Сегодня стала невестой-заменой. Завтра, наверное, станет историей, которую будут пересказывать на кухне: “А помните, как младшую выдали вместо старшей за того самого Воронцова?”

В столовой завтрак уже ждал, хотя никто, кажется, не собирался есть. Лариса Аркадьевна сидела с чашкой черного кофе и списком на тонкой кремовой бумаге. Ее лицо было спокойным, ухоженным и деловым. Именно таким, каким оно становилось, когда речь шла о покупке недвижимости, благотворительном вечере, увольнении старой горничной или о том, как лучше переделать чужую свадебную судьбу без лишних расходов. Миланы за столом не было. Отец тоже отсутствовал: его место оставалось пустым, возле тарелки лежал сложенный утренний выпуск деловой газеты, но кофе остыл нетронутым. Ася на секунду почувствовала почти облегчение. С отцом любое пространство становилось переговорной, а сейчас у нее не было сил снова превращать каждый вдох в доказательство права на существование.

- Садись, - сказала Лариса Аркадьевна, даже не поднимая глаз от списка. - Нам нужно быстро пройтись по вопросам.

Ася села напротив, не притронувшись к еде.

- По вопросам продажи невесты?

Мачеха наконец посмотрела на нее. Без злости. Даже с легким сожалением, как смотрят на человека, который продолжает шутить на похоронах и этим только показывает недостаток воспитания.

- Ты можешь сколько угодно пользоваться грубыми словами, Анастасия, но они не изменят положения дел. Через несколько дней ты станешь женой Дамира Воронцова. И чем быстрее ты перестанешь вести себя как оскорбленный подросток, тем меньше унижений заработаешь по дороге.

- Это совет?

- Это единственная форма заботы, которую ты сейчас готова услышать.

Ася тихо рассмеялась. Ей вдруг стало почти интересно, как именно Лариса Аркадьевна делает это: берет насилие, расчет, удобство, собственную материнскую жестокость - и аккуратно заворачивает в слово “забота”, будто в дорогую бумагу с шелковой лентой. Наверное,

именно так богатые семьи и сохраняют лицо: не перестают делать мерзости, а просто называют их приемлемыми именами.

- Забота - это не отдавать падчерицу мужчине, которого боится родная дочь, - сказала она.

- Милана тебе не родная дочь.

- Вам - да. Мне она сестра. По крайней мере, на бумаге, если уж мы сегодня так уважаем документы.

Мачеха положила список на стол и сцепила пальцы. На ее руке блеснул крупный камень, холодный и безупречный, как ее голос.

- Послушай меня внимательно. Ты можешь злиться на меня, на отца, на Милану, на весь мир, если тебе так легче. Но в ближайшие дни от твоего поведения будет зависеть не только твоя жизнь. Воронцов не тот человек, которому можно показать слабое место и надеяться, что он пройдет мимо. Он увидит. Он обязательно увидит. Если ты явишься к нему с видом жертвы, он будет обращаться с тобой как с жертвой. Если явишься с истерикой - как с истеричкой. Если попробуешь показать зубы без силы за спиной, он их пересчитает. Поэтому единственное, что ты можешь сделать, - держаться ровно, говорить мало и не позорить фамилию.

Ася смотрела на нее, и в груди снова поднималась знакомая, почти детская ярость. Не потому, что слова были полностью ложью. В них, как всегда у Ларисы Аркадьевны, пряталась часть правды. Может быть, действительно нельзя идти к Дамиру Воронцову с мокрыми глазами. Может быть, он и правда раздавит слабость, если увидит ее первым делом. Может быть, молчание иногда безопаснее глупой храбрости. Но все это говорила женщина, которая сама толкала ее к этому мужчине, а потом учила, как правильно падать, чтобы не помять фамильный ковер.

- Не позорить фамилию, - повторила Ася. - Вы все повторяете это так часто, будто фамилия у нас святая.

- Фамилия - это то, что у тебя останется, когда иллюзии закончатся.

- Нет. Фамилия - это то, чем вы прикрываете любую подлость.

Лариса Аркадьевна устало выдохнула.

- Ты сейчас очень гордая, потому что еще ничего не поняла. Но когда окажешься в его доме, без своих привычных стен, без возможности хлопнуть дверью и спрятаться в комнате, без отца, который, несмотря на все твои обвинения, все еще защищает тебя от худшего, ты вспомнишь этот разговор.

- Отец защищает меня от худшего? - Ася наклонила голову. - Интересно. А я-то думала, он и есть способ доставки к худшему.

- Довольно.

- Нет, не довольно. Вы хотите, чтобы я молчала? Тогда хотя бы перестаньте называть это заботой. Скажите честно: Милану жалко, Асю нет. Милана нужна красивой, чистой, успешной и свободной. Асю можно отдать в старый дом у леса, потому что она и так давно мешает семейной композиции.

Лицо мачехи стало неподвижным. На секунду Асе показалось, что она все-таки попала точно. Не в злость - глубже. В ту часть Ларисы Аркадьевны, где не было оправданий, только трезвый, холодный выбор матери, готовой ради своей дочери сделать чужую расходным материалом.

- Если бы ты была моей дочерью, - сказала она тихо, - я, возможно, поступила бы иначе.

- Спасибо за честность.

- Но ты не моя дочь.

- Это я поняла еще в двенадцать.

Лариса Аркадьевна отвела взгляд первой, но не потому, что ей стало стыдно. Скорее потому, что разговор уходил в область, где невозможно было сохранить деловую форму. Она снова взяла список.

- В одиннадцать приедет портниха. Платье будут переделывать сегодня. Завтра - финальная примерка. Послезавтра - прическа и репетиция макияжа. Регистрация будет в пятницу. Без банкета. Будет закрытый ужин для семей и юридических представителей.

- Как романтично.

- Воронцов не заслуживает церемонии, - сказала мачеха сухо. - И, будем честны, ты тоже не мечтала о свадебном марше.

Ася могла бы ответить. Могла сказать, что когда-то мечтала. Не о марше, не о лимузинах, не о пышных розах на лестнице. Но в шестнадцать, семнадцать, даже в девятнадцать она иногда думала о свадьбе - не конкретной, не с лицом, а как о возможности однажды быть выбранной не из удобства, а потому что без нее не могут. Ей казалось, что взрослую любовь узнают по простому признаку: тебя не стыдятся. Тебя не прячут. Тебя не сравнивают. Тебя не ставят сбоку на семейном портрете. Свадьба в ее девичьих мечтах была не белым платьем, а доказательством, что где-то существует дом, в котором она не лишняя. И теперь ей предстояло надеть чужое платье, чтобы войти в чужой дом как доказательство чужого расчета.

Но говорить это Ларисе Аркадьевне было бессмысленно. Мачеха либо не поняла бы, либо поняла слишком хорошо и ударила бы именно туда.

- Платье Миланы, - сказала Ася. - Вы серьезно решили, что я выйду за него в платье Миланы?

- Оно уже куплено.

- Для Миланы.

- Теперь для тебя.

- Как удобно у вас вещи меняют владельцев.

- Ася, это дорогая работа. Итальянский шелк, ручное кружево, индивидуальный крой. Его нужно просто немного адаптировать. Новое платье за такой срок не сделать.

- Купить готовое можно за день.

- Воронцов не стоит того, чтобы устраивать гонку по салонам.

- А я?

Мачеха посмотрела на нее долго и спокойно. Слишком долго. Ответ был и так ясен, но она все-таки произнесла его не словами, а тишиной.

Ася кивнула.

- Понятно.

- Не надо опять делать лицо оскорбленной мученицы. В твоём положении это даже разумная экономия.

- Разумная экономия, - повторила Ася, чувствуя, как фраза ложится внутрь новой отметиной. - На невесте, которую списали.

Лариса Аркадьевна не ответила. Только отметила что-то в списке, словно разговор был завершен, и мачехина ручка поставила последнюю точку там, где у Аси внутри еще продолжал кровоточить вопрос.

Портниха приехала ровно в одиннадцать вместе с двумя ассистентками и тем самым белым чехлом, который Ася уже видела накануне. Сегодня чехол показался еще больше, еще торжественнее, еще нелепее. Его внесли в гостиную второго этажа, где обычно принимали стилистов, массажистов, визажистов и прочих специалистов, обслуживающих Миланину красоту. Это была светлая комната с высокими зеркалами, мягкими креслами, стойками для одежды и большим столом, на котором уже разложили булавки, сантиметровые ленты, коробку с нитками, маленькие ножницы и чашки с остывающим кофе. Все выглядело профессионально, привычно, спокойно. Только Асе казалось, что ее привели не на примерку, а в комнату, где из одного человека аккуратно делают другого.

Милана появилась через десять минут, хотя никто ее не звал. Или, наоборот, звали, просто Асе об этом не сообщили. На ней были белые брюки, мягкий кашемировый свитер и тон-

кая золотая цепочка на шее. Она выглядела свежей, почти отдохнувшей, но глаза выдавали бессонную ночь. Страх не исчез, просто сменил форму. Теперь Милана боялась не брака, а того, что Ася может слишком громко показать, какой ценой сестру спасли.

- Я думала, ты не придешь, - сказала Ася, когда Милана села в кресло у окна.

- Это мое платье.

- Уже нет.

Сестра сжала губы.

- Не привыкай.

- К чему? К чужим вещам? Не переживай. В этом доме мне с детства объясняли, что здесь моего ничего нет.

Портниха, крупная женщина с добрым усталым лицом, сделала вид, что не слышит. Ассистентки переглянулись и тут же уткнулись в коробки с булавками. Лариса Аркадьевна стояла у зеркала и внимательно следила за происходящим, как надзиратель за процедурой, которую необходимо провести без крови на полу.

- Начнем, - сказала она. - Ася, переодевайся.

За ширмой, куда ей подали платье, было тесно и душно. Шелк оказался тяжелым, холодным на ощупь, почти живым. Когда Ася взяла его в руки, ей вдруг стало физически неприятно: не из-за красоты, не из-за чужой роскоши, а из-за ощущения, что ткань уже помнит другую женщину. Милана, наверное, стояла в нем перед зеркалом, поворачивалась, улыбалась своему отражению, злилась, что свадьба не та, жених не тот, судьба не та, но все равно видела в белом шелке себя. Ася видела в нем только замену. Платье было слишком красивым для ее унижения, и именно поэтому унижение становилось глубже.

Она вышла из-за ширмы, придерживая лиф рукой. В комнате стало тихо.

В зеркале отразилась незнакомая женщина. Платье действительно село не так, как на Милану. В груди оно было свободновато, в талии почти точно, на бедрах чуть строже, чем предполагал крой. Длинные рукава из кружева делали руки тонкими, почти беззащитными. Молочный шелк подчеркивал бледность лица и темноту волос. Открытая спина, которую Ася не видела, но чувствовала кожей, казалась ей почти неприличной - не из-за наготы, а из-за уязвимости. В этом платье невозможно было спрятаться. Оно требовало прямой осанки, спокойного лица и уверенности, которой у нее не было. Или которую придется придумать.

Портниха подошла первой, профессионально оглядела посадку, зашпиновала ткань у груди, что-то отметила мелком.

- Ушить здесь. Плечо немного поднять. Рукав оставить, он ей идет. Длина хорошая. Спину можно закрыть фатой, если хотите скромнее.

- Не надо фату, - сказала Лариса Аркадьевна. - Никакой лишней театральности.

Милана тихо усмехнулась.

- Ей фата и правда не нужна. Невинность все равно не пришьешь.

Булавка в руках портнихи замерла. Ассистентки перестали шелестеть. Ася посмотрела на сестру через зеркало. Милана откинулась в кресле, изображая скуку, но в ее глазах блестело удовольствие. Маленькое, злое, голодное. Ей было больно видеть свое платье на другой, и она делала то, что умела лучше всего: пыталась сделать больно в ответ.

- Милана, - предупредила Лариса Аркадьевна, но без настоящей строгости.

- Что? Я просто сказала, что образ не совсем подходит. Воронцов, конечно, не подарок, но даже он, наверное, понимает разницу между невестой и... заменой.

Ася медленно вдохнула. Платье стягивало грудь, хотя его еще не ушили. Или это был не шелк, а злость.

- Ты хочешь, чтобы я заплакала?

Милана моргнула.

- Что?

- Я спрашиваю: ты хочешь, чтобы я заплакала? Чтобы тебе стало легче? Чтобы ты посмотрела на меня в своем платье и убедилась, что я действительно несчастная, жалкая и благодарная за объедки твоей судьбы?

Сестра дернула подбородком.

- Не льсти себе. Мне просто неприятно видеть, как ты пытаешься выглядеть мной.

Ася рассмеялась. Коротко, зло, не сдержавшись.

- Выглядеть тобой? Милана, если бы я хотела выглядеть человеком, который прячется за чужой спиной, мне не нужно было бы это платье.

Лицо сестры изменилось мгновенно. Краска сошла, потом вернулась пятнами. Лариса Аркадьевна резко выпрямилась.

- Анастасия, прекрати.

- Нет, - сказала Ася.

Слово прозвучало громко. Не криком, но так, что все в комнате перестали делать вид, будто примерка продолжается. Портниха осторожно отступила на шаг, ассистентка опустила глаза, Лариса Аркадьевна сжала губы. Милана встала.

- Что ты сказала?

Ася повернулась к ней. В тяжелом шелковом платье, с булавками у талии, с открытой спиной и горящими глазами она вдруг перестала выглядеть просто неудачной заменой. В ней появилось что-то не свадебное, не красивое даже, а опасно живое.

- Я сказала, что ты трусиха.

Милана будто получила пощечину. Даже отшатнулась на полшага.

- Повтори.

- Ты трусиха, Милана. Не принцесса, которой судьба не подарила достойного жениха. Не бедная девочка с контрактом. Не жертва обстоятельств. Трусиха. Тебе сделали предложение, ты испугалась и позволила отдать вместо себя меня. Можно было отказаться честно. Можно было устроить скандал. Можно было сказать отцу "нет", собрать вещи и уйти, если этот брак так ужасен. Но ты выбрала самый удобный вариант: спрятаться за мной и потом еще смотреть, достаточно ли красиво я страдаю.

- Ты ничего не знаешь! - Милана сорвалась на крик, и красивый голос сразу стал резким, почти детским. - Ты вообще ничего не знаешь! Ты думаешь, я просто не захотела? Думаешь, это каприз? Да ты не видела его! Ты не сидела напротив, когда он смотрит так, будто уже прикидывает, как именно тебя сломать!

- Зато теперь поеду к нему я. Благодаря тебе.

- Благодаря папе!

- Папа предложил. Ты согласилась.

Милана открыла рот, но слова застряли. Лариса Аркадьевна шагнула вперед, и в этот раз на ее лице уже не было деловой невозмутимости.

- Довольно. Оба ваши характера сейчас неуместны.

- Мам, скажи ей! - Милана повернулась к матери почти с отчаянием. - Скажи, что он опасен. Скажи, что он не просто грубый. Она думает, это все светские сплетни и страшилки!

Лариса Аркадьевна побледнела.

- Милана, замолчи.

Но сестру уже прорвало. Страх, ревность, облегчение, стыд - все смешалось и пошло наружу некрасиво, рвано, без прежней глянцевой упаковки.

- Ты думаешь, он просто бедный несчастный наследник с травмой? - Милана смотрела на Асю так, будто ненавидела ее за необходимость произносить все вслух. - Ты думаешь, он будет благодарен, что ему прислали хоть какую-то жену? Да он тебя презирать будет с первой секунды. Он презирает слабость. Презирает женщин, которых приводят за руку. Он даже на меня смотрел так, будто я уже виновата, что родилась в нашей семье.

- Может, он был недалеко от истины, - сказала Ася.

- Не умничай! - Милана шагнула ближе. - Ты не понимаешь. После смерти брата он стал другим. Все говорят, он срывался не только на партнерах. Были женщины, которые потом исчезали из его жизни так быстро, будто их стирали. Одна модель уехала за границу после вечеринки у Воронцовых. Другая отказалась давать комментарии и удалила все фотографии. Его бывшая вообще сказала подруге, что рядом с ним "холодно даже под кожей". Он не бьет на людях, Ася. Такие, как он, вообще не делают грязного на людях. Они закрывают дверь.

Комната стала ледяной.

Ася почувствовала, как ткань платья прижалась к телу, как булавка у талии царапнула кожу, как сердце на секунду сбилось. Слова Миланы были отвратительны именно тем, что в них не было факта, за который можно ухватиться и опровергнуть. Слухи. Намек. "Все говорят". "Одна модель". "Другая отказалась". "Бывшая сказала подруге". Обычная светская грязь, из которой строятся репутации. Но когда речь идет о мужчине, к которому тебя отправляют жить, даже слух становится не дымом, а веревкой на горле.

- Ты специально это говоришь, - сказала Ася, но голос прозвучал тише, чем ей хотелось. Милана услышала слабость и сразу вцепилась.

- Нет. Я наконец говорю то, что ты так просила: правду. Ты называешь меня трусихой? Хорошо. Я трусиха. Потому что я не хочу оказаться с ним в одном доме ночью. Не хочу проверять, правда ли он настолько контролирует себя, насколько делает вид. Не хочу смотреть, как у него меняется лицо, когда он злится. И ты, если в тебе есть хоть капля мозгов, тоже должна бояться.

Ася смотрела на нее и вдруг поняла, что Милана не играет. Преувеличивает, защищается, переводит вину - да. Но страх был настоящим. Она действительно боялась Дамира Воронцова не как неприятного жениха, не как разорившегося мажора, не как человека с дурной славой. Она боялась его как женщину пугает мужчина, от которого не знаешь, успеешь ли уйти.

И именно это впервые пробило Асю глубже, чем отцовский расчет.

До сих пор Дамир был для нее фигурой. Темной, опасной, но все-таки фигурой в чужой игре. Угроза его имени смешивалась с тайной матери, с возможностью узнать правду, с ненавистью отца, с Миланиной подменой. Теперь же перед ней внезапно возник простой, телесный ужас: дверь закрывается; ты остаешься с ним одна; в доме за городом нет никого, кто придет по первому крику; телефон может не ловить; его рука может оказаться сильнее твоей; его настроение может стать твоей погодой, твоей клеткой, твоей болью. Романы, которые называли таких мужчин опасными, ввали уже потому, что опасность в них всегда была красиво освещена. В жизни она пахла запертой дверью.

Лариса Аркадьевна подошла к Милане и взяла ее за руку выше локтя.

- Выйди.

- Мам...

- Сейчас же.

Милана дернулась, но подчинилась. На пороге она обернулась к Асе. Лицо ее было злым, мокрым от непролитых слез, неожиданно несчастным.

- Можешь считать меня кем угодно, - сказала она. - Но когда останешься с ним одна, вспомнишь мои слова.

Дверь закрылась.

Несколько секунд никто не двигался. Портниха тихо спросила, продолжать ли, и Лариса Аркадьевна ответила таким тоном, будто ничего особенного не произошло:

- Продолжайте. Нам нужно закончить сегодня.

Ася стояла перед зеркалом, пока чужие руки трогали платье, подтягивали ткань, закалывали булавки, отмечали мелом новые линии. Ее собственное отражение казалось теперь почти чужим. Белый шелк, тонкое кружево, темные глаза. Невеста, которую отправляют туда, откуда

другая сбежала. Невеста, которую предупреждают не слишком поздно, но и не настолько рано, чтобы она могла изменить маршрут. Невеста, для которой платье стало не символом начала, а предупреждением: тебя уже подменили один раз, не удивляйся, если дальше будут подменять все - правду, страх, желание, вину.

Когда примерка наконец закончилась, Ася почти с облегчением сняла платье. На коже остались красные точки от булавок и легкие следы от швов. Она провела пальцами по талии, будто проверяя, цела ли. Портниха аккуратно уложила платье обратно в чехол, пообещала закончить к завтрашнему вечеру и, уходя, посмотрела на Асю с такой человеческой жалостью, что та едва не расплакалась. От жалости чужих людей иногда больнее, чем от ненависти родных. Ненависть хотя бы привычна. Жалость напоминает, что происходящее действительно видно со стороны и действительно выглядит плохо.

День распался на мелкие, унижительные процедуры. Ей принесли папку с расписанием. Вика, помощница, осторожно спросила, какие цветы Ася предпочитает, но тут же добавила, что Лариса Аркадьевна уже утвердила белые каллы, потому что «они строгие и не создают ложного впечатления романтики». Потом пришла визажистка на предварительную консультацию и долго рассматривала ее лицо, говоря, что нужно убрать следы усталости, но не делать образ слишком мягким. Потом позвонил отец и коротко сообщил, что представитель Воронцова будет завтра, а Асе следует «держаться без самостоятельности». Потом мачеха прислала список фраз, которые нельзя говорить журналистам, если кто-то из них все же узнает о регистрации. В списке были слова: «подмена», «вынуждена», «вместо Миланы», «семейное давление», «сделка», «договор», «банкротство», «гибель брата», «слухи». Получалось, из всей ее предстоящей свадьбы можно было честно произнести только «да», и то, вероятно, не слишком выразительно.

Милана за ужином не появилась. Лариса Аркадьевна сообщила, что у дочери мигрень. Ася почти сказала: «От совести?», но промолчала. Не потому, что решила быть выше, а потому, что сил на новую перепалку не осталось. Отец ел молча, просматривал сообщения, иногда отвечал короткими фразами. Мачеха обсуждала с ним время регистрации, транспорт, охрану, список присутствующих, юридические нюансы. Ася сидела рядом и чувствовала себя не участницей разговора, а предметом, вокруг которого согласовывают логистику доставки. Ее имя звучало редко. Чаще говорили «она». «Она должна приехать заранее». «Она не будет давать комментарии». «Она подпишет». «Она переедет после регистрации». «Она возьмет только необходимое, остальное отправим позже». Все было решено. Даже ее вещи уже сортировали заочно на необходимые и не очень.

- После свадьбы ты уедешь в дом Воронцова, - сказал отец ближе к концу ужина, словно подводил итог. - Обратно в ближайшее время возвращаться не планируется. Это важно для внешней картины.

Ася подняла глаза.

- Внешняя картина переживает за мою репутацию больше, чем семья?

- Не начинай.

- Что с работой?

- Возьмешь паузу.

- Я сама решу.

- Нет, - спокойно сказал отец. - Сейчас не время для твоих подработок.

Подработок. В его устах это звучало почти неприлично. Все, что не приносило миллионы, не давало фамилии веса, не открывало двери нужных кабинетов, было подработкой, хобби, капризом, попыткой доказать неизвестно что. Ася сжала вилку в руке, но опустила ее прежде, чем металл звякнул о тарелку.

- Я предупрежу студию сама.

- Как хочешь.

- Спасибо за разрешение.

Он посмотрел на нее устало.

- Твой сарказм начинает утомлять.

- Как неприятно. А я с ним живу всего второй день. Представь, каково мне с вашей реальностью двадцать три года.

Лариса Аркадьевна резко поставила бокал.

- Анастасия, если ты продолжишь в таком тоне, я попрошу Виктора...

- Что? - Ася посмотрела на нее. - Выдадите меня замуж дважды?

Отец отодвинул тарелку.

- Ты свободна.

Так он всегда говорил, когда хотел закончить не ужин, а человека. Ты свободна. Можешь идти. Можешь исчезнуть из моего поля зрения, пока я снова не решу, где ты нужна. Раньше Ася воспринимала это как изгнание. Сегодня - почти как подарок.

Она поднялась и вышла, не извинившись.

В коридоре второго этажа было темно, только у комнаты Миланы горел свет. Дверь была приоткрыта, оттуда доносился приглушенный голос. Ася хотела пройти мимо, но услышала свое имя и остановилась.

- ...она делает вид, что смелая, - говорила Милана. Голос звучал глухо, видимо, она лежала на кровати или ходила по комнате с телефоном. - Да не смелая она. Просто ей некуда деваться. Да, мам, я понимаю. Нет, я не пойду к ней. Не хочу. Она меня ненавидит. Ну и пусть. Лучше пусть ненавидит, чем я окажусь на ее месте.

Пауза.

- Ты не видела его глаза тогда. Я видела. Он не человек, с которым можно договориться улыбкой. И если папа думает, что Ася сможет его отвлечь... не знаю. Может, она и сможет. Она всегда была странная. Он тоже странный. Может, два уroda найдут общий язык.

Ася медленно выдохнула.

Дверь вдруг распахнулась. Милана застыла на пороге с телефоном в руке. На ней был домашний халат, волосы собраны в высокий хвост, лицо без макияжа казалось моложе и злее. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

- Подслушиваешь? - спросила Милана.

- Проходила мимо.

- Конечно.

Ася могла бы уйти. Могла бы бросить что-то резкое. Но день был слишком длинным, и злость уже превратилась в тупую тяжесть.

- Ты правда думаешь, что отец хочет, чтобы я его отвлекла?

Милана замерла. Слишком заметно. Потом подняла подбородок.

- Я не знаю, чего хочет папа.

- Врешь.

- Отстань.

- Нет. Ты сказала: "если папа думает, что Ася сможет его отвлечь". От чего?

- Да от всего! - Милана всплеснула рукой. - От документов, от скандалов, от старых дел, от того, что он копает под нас! Не прикидывайся душой. Ты сама понимаешь, что брак нужен не из-за чувств.

- А из-за чего?

- Я не знаю!

- Знаешь.

- Не знаю! - она почти выкрикнула это, потом испуганно оглянулась на лестницу и понизила голос. - И не хочу знать. Понимаешь? Не хочу. Я хочу работать, сниматься, лететь в Париж через месяц, подписать контракт, жить нормально. Я не хочу знать, кто кого убил десять лет назад, почему Воронцов сошел с ума и что твоя мать делала рядом с их семьей.

Ася почувствовала, как кровь отливает от лица.

- Что?

Милана замерла, поняв, что сказала лишнее.

- Ничего.

- Повтори.

- Я сказала - ничего.

Ася шагнула ближе.

- Откуда ты знаешь, что мама была рядом с их семьей?

Милана отступила в комнату, но Ася вошла следом, не спрашивая разрешения. Комната сестры была полной противоположностью ее собственной: живая, дорогая, обжитая, с огромным зеркалом, стойкой с одеждой, косметикой, мягким светом, цветами, фотографиями со съемок, коробками с обувью. Здесь не было ощущения временного проживания. Милана занимала пространство как человек, которому с рождения сказали: все это твое.

- Выйди, - прошипела сестра.

- Откуда?

- Не знаю! Слышала. Все что-то слышали. Мама с папой разговаривали. Я не слушала специально.

- Когда?

- Да какая разница?

- Милана.

Сестра сжала телефон так, что костяшки пальцев побелели.

- После той встречи с Воронцовым. Когда он спросил про тебя. Папа был зол. Мама сказала, что, может быть, Дамир что-то нашел по Елене Андреевне. Твоей матери. Папа велел ей заткнуться. Вот и все.

Ася смотрела на нее, чувствуя, как под ногами снова проваливается пол. Елена Андреевна. Имя матери в устах Миланы прозвучало чуждо и почти непристойно, как если бы сестра тронула руками то, что должно было оставаться в шкатулке, среди писем и засохшего жасмина.

- Почему ты не сказала раньше?

Милана горько усмехнулась.

- А мы часто с тобой беседуем о семейных тайнах?

- Ты знала, что это связано со мной.

- Все в этом доме почему-то связано с тобой, когда начинается грязь, - сорвалась Милана.

- Твоя мать, твой отец, теперь твой будущий муж...

- Мой? - Ася почти задохнулась от злого смеха. - Серьезно? Теперь он мой?

- Да забирай! - выкрикнула Милана. - Забирай его, платье, дом в лесу, папки, тайны, всю эту проклятую историю! Мне не надо. Я не хочу быть частью этого!

- А меня спросили?

- Нет! - Милана вдруг заплакала. Не красиво, не по-модельному, а зло, с дрожащим лицом. - Нет, не спросили. И меня не спрашивали, когда решили, что я должна выйти за него сначала. Думаешь, я хотела? Думаешь, я мечтала о мужчине, который смотрит так, будто выбирает, кого похоронить следующим? Но я хотя бы смогла выбраться!

- За мой счет.

- Да! - крикнула Милана. - За твой! Потому что если выбирать между мной и тобой, мама выберет меня. А папа... папа выберет то, что полезнее. Прости, что мир не справедлив, Ася. Ты заметила это только сейчас?

Тишина после ее крика была почти оглушительной.

Ася стояла посреди красивой комнаты сестры и вдруг почувствовала, что ненавидеть Милану просто - слишком просто. Сестра была виновата, да. Но она была не режиссером этой пьесы, а избалованной актрисой, которая испугалась плохой роли и толкнула на сцену дуб-

лершу. Настоящий сценарий писали другие. Отец. Лариса. Возможно, Воронцов. Возможно, люди, имена которых Ася еще не знала. А Милана просто была достаточно трусливой, чтобы с радостью занять место в зрительном зале.

- Ты не принцесса, - сказала Ася тихо.

Милана подняла заплаканные глаза.

- Что?

- Все эти годы ты ведешь себя так, будто мир обязан носить тебя на руках, потому что ты красивая, успешная, любимая. Но принцесса - это не та, кого спасают чужой ценой. Ты не принцесса, Милана. Ты просто трусиха в дорогом свитере.

Сестра побледнела.

- Убирайся.

- Уже.

Ася вышла, закрыв за собой дверь почти спокойно. За спиной что-то упало - возможно, телефон, возможно, чашка, возможно, очередная Миланина попытка удержать красивую картинку мира от распада.

В своей комнате Ася первым делом подошла к шкатулке матери. Достала фотографию, ту самую, где мама смеялась на даче, и долго смотрела на нее, будто надеялась, что изображение изменится, подскажет, объяснит. Но мама на фотографии оставалась молодой, живой и недостижимой. Ее нельзя было спросить, что она делала рядом с Воронцовыми. Нельзя было спросить, почему отец боялся ее имени. Нельзя было спросить, знала ли она Дамира, Рустама, старые сделки, северные земли, аварию, второй автомобиль.

Ася открыла телефон и снова посмотрела на сохраненную фотографию с форума. Мама в толпе. Отец рядом с Воронцовыми. Рустам. Дамир. Пиксели, тени, случайный ракурс - и чувство, что за всем этим стоит правда, которую от нее годами прятали под видом заботы.

Она попыталась найти больше. Вбивала разные сочетания: “Елена Лебедева Воронцовы”, “Лебедев Воронцов северный проект”, “Рустам Воронцов авария Елена Лебедева”, “Дамир Воронцов скандал женщины”. Последний запрос она набрала после долгого колебания, злясь на себя за то, что Миланины слова все-таки проросли. Результаты были мутными, желтыми, полными намеков, старых фотографий, форумных обсуждений и пустых заголовков. Но несколько деталей цепляли. Дамир действительно появлялся с разными женщинами до смерти брата - модели, актрисы, наследницы. После - почти ни с кем. Одна девушка действительно внезапно уехала в Италию, но в статье не было ничего, кроме сплетен. Другая удалила соцсети после скандальной вечеринки, но никто не знал почему. Бывшая знакомая в анонимном комментарии назвала Дамира “ледяным человеком, рядом с которым чувствуешь себя виноватой за то, что дышишь слишком громко”.

Ася закрыла страницу.

Смешно. Жалко. Унизительно. Она, которая вчера собиралась идти к нему как к возможному ключу к правде, сейчас сидела на кровати и читала сплетни, пытаясь понять, станет ли будущий муж для нее угрозой не в юридическом, не в семейном, а в самом простом женском смысле. Запрет ли дверь. Повысит ли голос. Схватит ли за руку. Решит ли, что подменная жена должна платить за чужие грехи телом, страхом, послушанием.

Эта мысль была настолько страшной, что Ася сначала попыталась оттолкнуть ее злостью. Нет. Она не будет думать как жертва. Не даст Милане поселить в себе этот липкий ужас. Дамир Воронцов может быть кем угодно, но пока он не сделал ей ничего. Слухи не доказательство. Женщины из светской хроники не свидетели. Милана не надежный источник. Лариса Аркадьевна не заботливая наставница. Отец не защитник. Нельзя строить страх на словах людей, которые уже доказали, что готовы использовать любую правду как удавку.

Но тело не слушалось доводов. Тело помнило другое. Как Лариса сказала: “Он закрывает дверь”. Как Милана прошептала: “Я не хочу оказаться с ним в одном доме ночью”. Как в статьях

его называли взрывным, агрессивным, непредсказуемым. Как на фотографии у суда он смотрел на кого-то за кадром с такой яростью, что даже экран телефона не делал ее безопасной.

Ночью она впервые по-настоящему испугалась.

Не отца. Не мачехи. Не Миланы. Не папки.

Его.

Страх пришел поздно, когда дом наконец затих. Сначала Ася долго сидела за столом, пытаясь составить список вопросов для завтрашней встречи с представителем Воронцова. Получалось плохо. Слова расплзались, становились или слишком дерзкими, или слишком слабыми. “Знает ли Дамир о подмене?” - да, скорее всего, знает. “Почему он согласился?” - представитель не ответит. “Какие условия он ставит?” - ответит только то, что разрешено. “Опасен ли он?” - такой вопрос не задают юристам. “Он трогает женщин, которых считает вражескими трофеями?” - такой вопрос вообще нельзя произнести вслух, потому что сама его возможность унижает.

Она отложила ручку и подошла к двери. Повернула ключ в замке. Потом подумала, сняла с кресла тяжелую сумку и поставила под ручку. Потом рассердилась на себя, убрала сумку. Через минуту поставила обратно.

В доме отца ей ничего не угрожало этой ночью. Не физически. Здесь ее продавали, шантажировали, унижали, но дверь никто не ломал. И все равно она вдруг поймала себя на том, что проверяет замок так, будто уже находится не здесь, а в старом доме у леса. Там, где коридоры незнакомые, окна смотрят в темные сосны, слуги преданы не ей, а ему, связь может пропасть, а мужчина с холодным лицом имеет полное законное право называться ее мужем.

Она легла, но свет не выключила.

Потолок плыл перед глазами. В тишине собственные мысли становились громче. Ася пыталась представить первую встречу с Дамиром и каждый раз видела разные версии. В одной он был грубым, презрительным, сразу давал понять, что она для него мусор из дома Лебедевых. В другой - равнодушным, что почему-то пугало не меньше. В третьей - почти вежливым, и эта версия была самой опасной, потому что вежливость сильных мужчин иногда оказывается просто хорошо заточенным ножом. Она вспоминала его фотографию из университета, которую, возможно, он сейчас тоже где-то видел. Нет, глупости. С чего бы ему смотреть на ее фото? Хотя Милана сказала: он спрашивал о сестре. Отец знал. Все знали больше, чем она.

В какой-то момент Ася встала, достала из нижнего ящика старый маленький складной нож - не оружие, скорее сувенир, который когда-то купила на ярмарке, потому что ей понравилась рукоять с резным узором. Он был почти бесполезен, но лежал в ладони холодно и конкретно. Она открыла лезвие, посмотрела на него и почувствовала себя одновременно смешной и ужасно одинокой. Девушка в дорогом доме, которую готовят к свадьбе в шелковом платье, сидит ночью на кровати с маленьким ножом, потому что боится будущего мужа, которого еще ни разу не видела.

Слезы снова подошли к горлу, но она их задавила.

- Нет, - сказала она вслух.

Комната ответила тишиной.

- Нет. Я не буду сходить с ума заранее.

Она закрыла нож, положила его в сумку, потом достала обратно и убрала в карман пальто. Не потому, что собиралась кого-то резать. Потому что иногда человеку нужен не шанс на победу, а доказательство, что он не совсем безоружен.

Около трех ночи она все-таки задремала и почти сразу увидела сон. Белое платье. Длинный коридор. Милана идет впереди, смеется, но смех звучит издалека, как через воду. Лариса Аркадьевна поправляет на Асе фату и шепчет: “Улыбайся, не позорь семью”. Отец держит синюю папку вместо букета. В конце коридора стоит дверь. За дверью лес. Черный, неподвижный, засыпанный снегом. И где-то там, между деревьями, человек в белой рубашке смотрит на

нее, не приближаясь. Ася хочет остановиться, но платье само тянет ее вперед, шелк цепляется за пол, превращается в длинную белую дорогу, и отец за ее спиной говорит: “Поздно. Ты уже согласилась”.

Она проснулась с таким резким вдохом, будто вынырнула.

Свет все еще горел. За окном была предрассветная темнота. Сумка стояла у двери. В кармане пальто лежал нож. Телефон на столе мигал новым сообщением.

Неизвестный номер.

“Завтра в 11:00 приедет Павел Грановский, представитель Д.В. Воронцова. Просьба подготовить паспорт и все документы, которые семья Лебедевых сочтет нужным предоставить. Отдельно: Д.В. просил передать, что платье может быть любым. Он женится не на платье”.

Ася перечитала сообщение один раз. Потом второй.

Сердце сначала ударило быстро, потом замерло где-то высоко, под горлом. Фраза была странной. Почти насмешливой. Почти невозможной. Как он узнал? Кто сказал ему про платье? Лебедевы? Милана? Его люди? Или в этом доме действительно не было ни одной стены, через которую не просачивались чужие уши?

Она села на кровати, прижимая телефон к ладони.

“Он женится не на платье”.

Это могло ничего не значить. Могло быть сухой формальностью, издевкой, случайной фразой, сказанной человеком, которому все равно, во что будет упакована подменная жена. Но после дня, проведенного среди слов “разумная экономия”, “платье Миланы”, “Воронцов не заслуживает церемонии”, эта короткая строка вдруг ударила неожиданно сильно. Не согрела. Нет. Дамир Воронцов не стал от этого безопасным. Не превратился в рыцаря, не смыл слухи, не отменил страх. Но впервые за двое суток кто-то с той стороны предстоящего брака сказал не о фамилии, не о договоре, не о внешней картине, а будто бы заметил унижение, которое семья старательно называла практичностью.

Ася долго смотрела на сообщение. Потом медленно набрала ответ, хотя не знала, прочитает ли его представитель, юрист или сам Дамир.

“Передайте Д.В., что платье действительно может быть любым. Важно, чтобы он не ошибся с невестой”.

Она нажала отправить прежде, чем успела испугаться.

Ответ пришел не сразу. Минут через пять. Те пять минут были длиннее всей ночи.

“Д.В. просил передать: с невестой он как раз не ошибся”.

Ася застыла.

Комната была прежней. Светлая лампа у кровати, тени на стенах, сумка у двери, мокрый снег за окном, запах маминой шкатулки, одинокий страх в груди. Но что-то изменилось. Невидимая нитка протянулась от этой комнаты к старому дому у леса, и на другом конце оказался не слух, не прозвище, не городская страшилка, а человек, который уже знал о ней больше, чем должен был.

Страшно стало еще сильнее.

Но теперь к страху снова примешалось то самое опасное, почти недопустимое чувство, которое она испытала ночью после первого решения. Любопытство.

Кем бы ни был Дамир Воронцов, он уже вступил в игру.

И, кажется, с самого начала ждал не Милану.

Глава 4. Свадьба без поздравлений

В день свадьбы Ася проснулась раньше будильника. Сначала она даже не поняла, что именно вытащило ее из короткого, тяжелого сна: за окном еще было темно, дом молчал, батарея у стены едва слышно потрескивала, телефон лежал экраном вниз и не мигал новыми сообщениями. Но внутри уже стояло то особое, стеклянное напряжение, от которого невозможно снова закрыть глаза. Тело знало раньше разума: сегодня. Не когда-нибудь, не через неделю, не в туманном будущем, которым можно пугать себя дозированно, а сегодня. Сегодня она надеет чужое платье. Сегодня подпишет бумаги, которые превратят ее из Анастасии Лебедевой в жену Дамира Воронцова. Сегодня ее отвезут туда, где все недосказанное, все слухи, все ночные страхи и странные сообщения с чужого номера наконец получат лицо.

Она лежала неподвижно, глядя в потолок, и несколько минут слушала собственное дыхание. Ей казалось, если она пошевелится, день начнется окончательно. Пока она не встала, все еще можно было притворяться, что это утро - просто плохой сон, продолжение вчерашней примерки, очередная комната в лабиринте семейного кошмара. Но за дверью уже послышались шаги. Мягкие, осторожные, служебные. Потом легкий стук.

- Анастасия Викторовна? - голос Вики прозвучал почти виновато. - Можно?

Ася закрыла глаза.

Вот и все. Даже тишина закончилась.

- Входи.

Дверь приоткрылась, и в комнату внесли не утро, а расписание. Вика вошла первой, с планшетом и выражением лица человека, которому поручили сообщить приговор, но велели сделать это с улыбкой. За ней появилась визажистка, потом парикмахер, потом ассистентка с длинным черным кофром, потом еще одна девушка с пакетом, где лежали туфли, белье, чулки, запасные шпильки, какие-то коробочки с косметикой и маленькая аптечка, будто свадьба была не регистрацией брака, а выездом в опасную зону. И, наконец, последней вошла Лариса Аркадьевна.

На ней было темно-изумрудное платье, строгое, безупречно сшитое, с длинными рукавами и тонким поясом. Она выглядела так, как и должна была выглядеть женщина, выдающая падчерицу замуж вместо родной дочери: не празднично, но дорого; не радостно, но достойно; не виновато, ни в коем случае не виновато. Виноватые в этом доме вообще были редкостью. Здесь были люди, у которых “не было выбора”, “так сложились обстоятельства”, “семья требовала решения” и “иначе было бы хуже”. Вина, как и грязная посуда, оставалась для тех, кто обслуживал красивую жизнь с изнанки.

- Вставай, - сказала Лариса Аркадьевна. - У нас мало времени.

Ася села на кровати, не сразу опуская ноги на пол. Ей хотелось сказать что-нибудь резкое. Про то, что времени у нее было двадцать три года, а потом его за ужином отобрали. Про то, что “у нас” - неудачное слово, потому что замуж сегодня выходила она, а не коллективный совет директоров семьи Лебедевых. Про то, что если мачеха так любит порядок, пусть начнет с честной таблички на двери: “Здесь списанных дочерей готовят к отправке”. Но она промолчала. Не из покорности. Просто слова вдруг показались слишком мелкими для этого утра. Ножом не отбиваются от наводнения.

- Милана придет? - спросила она, сама не зная, зачем.

Лариса Аркадьевна чуть заметно напряглась.

- Милана плохо себя чувствует.

Ася усмехнулась.

- Как удобно у нее организм реагирует на чужие свадьбы.

- Не начинай.

- Она хотя бы на регистрацию приедет?

- Это не обязательно.

- То есть сестра, вместо которой я выхожу замуж, даже не посмотрит, как меня передают по документам?

Мачеха повернулась к визажистке.

- Начинайте. И сделайте, пожалуйста, лицо спокойнее. Без трагедии в глазах.

- Для этого лучше вынуть трагедию из жизни, - сказала Ася.

Визажистка замерла с кистью в руке. Вика опустила глаза в планшет. Лариса Аркадьевна посмотрела на Асю так, будто та испортила не судьбу, а линию макияжа заранее.

- Сегодня ты будешь улыбаться, - сказала она тихо. - Не широко. Не счастливо, если уж тебе так трудно. Но спокойно. Ты будешь отвечать на вопросы коротко, не спорить, не язвить и не давать повода думать, что в нашей семье происходит что-то неприличное.

- А что в нашей семье происходит?

- Происходит частная регистрация брака по взаимному согласию.

Ася посмотрела на нее через зеркало. В отражении мачехино лицо казалось еще холоднее, чем в жизни.

- Повторите это еще пару раз. Может, сами поверите.

Лариса Аркадьевна подошла ближе. Все остальные сразу нашли себе срочные дела: кто-то открыл коробочку с пудрой, кто-то разложил шпильки, кто-то проверил отпариватель. В этом доме люди прекрасно чувствовали момент, когда становились свидетелями не разговора, а удара, и старались не смотреть прямо.

- Послушай меня внимательно, - сказала мачеха почти шепотом. - Сегодня не тот день, когда тебе позволено быть собой. Ты представляешь фамилию. Ты представляешь отца. Ты представляешь нас всех перед человеком, который только и ждет слабого места. Если ты хочешь потом играть в правду, гордость и месть - играй, сколько влезет. Но сегодня ты молчишь, улыбаешься и не позоришь семью.

Ася медленно подняла глаза.

- Странно, что вы все еще боитесь позора. После того как придумали эту свадьбу, я бы на вашем месте уже не разменивалась на мелочи.

На лице Ларисы Аркадьевны дрогнула мышца. Но она лишь выпрямилась и сказала визажистке:

- Начинайте.

И день начался.

Ее красили долго. Слишком долго для церемонии, которая якобы не заслуживала торжества. Визажистка была профессиональна и молчалива: выровняла тон, спрятала темные круги под глазами, чуть подчеркнула скулы, сделала губы мягче, чем Ася обычно позволяла себе выглядеть. Парикмахер собрал волосы в низкий, почти небрежный узел, выпустил несколько прядей у лица, закрепил тонкую фату, которую Лариса Аркадьевна все-таки разрешила, но только потому, что она закрывала спину платья и делала образ "менее вызывающим". Ася смотрела, как чужие руки превращают ее в невесту, и думала о том, что в этом процессе нет ничего общего с счастьем. Невеста должна ждать момента, когда увидит любимого. Она же ждала момента, когда увидит человека, к которому ее отправили вместо другой женщины, с чужой семейной ложью в приданое.

Платье принесли в чехле ближе к девяти. Портниха не приехала сама, прислала ассистентку. Видимо, не хотела снова становиться свидетелем. Ася не могла ее винить. Чужая беда, когда она происходит рядом, требует от человека выбора: смотреть, отвернуться или вмешаться. Смотреть больно, вмешиваться опасно, отвернуться проще всего. Так, наверное, и живут приличные люди вокруг чужих катастроф.

Платье теперь сидело идеально.

Это было почти оскорбительно.

Молочный шелк обнял тело так, будто был создан для нее, а не для Миланы. Рукава легли по рукам без складок, талия стала тонкой, плечи - хрупкими, линия шеи - уязвимой и красивой. Фата смягчала темные волосы, лицо в зеркале казалось незнакомым: бледное, серьезное, с огромными глазами, в которых визажистка все-таки не смогла убрать трагедию до конца. Лариса Аркадьевна несколько секунд смотрела на нее молча. Потом сказала:

- Неплохо.

Ася почти улыбнулась.

- Это у вас вместо благословения?

- Благословение нужно тем, кто верит в романтику.

- А вы во что верите?

- В последствия.

Это был, пожалуй, самый честный ответ, который мачеха дала ей за все эти дни.

Вика подошла с маленькой бархатной коробкой.

- Это... кольца привезли утром. Со стороны Воронцова.

Ася повернулась.

- Кольца?

Она ожидала, что кольца выберет отец. Или Лариса Аркадьевна. Что ей всунут что-то приличное, универсальное, дорогое, но безличное, как все, что покупалось в этом доме для поддержания внешней картины. Но коробка была темно-серой, без фирменного логотипа снаружи, тяжелой, лаконичной. Вика открыла ее.

Внутри лежали два кольца.

Мужское - широкое, матовое, почти черное, с тонкой серебряной линией по краю. Женское - тоже не классическое золотое, не нежное, не тонкое до исчезновения. Белое золото или платина, гладкая поверхность, небольшой холодный камень, не бриллиантовая россыпь, а один прозрачный, глубоко посаженный камень, будто лед под водой. Кольцо было красивым. Не милым. Не свадебно-сладким. Красивым так, как бывает красивым зимний день, когда понимаешь, что на морозе можно умереть, если идти слишком долго.

- Очень... необычно, - осторожно сказала визажистка.

Лариса Аркадьевна поджала губы.

- Мрачновато.

- Отморозку подходит, - произнесла Ася.

Ее собственный голос прозвучал спокойнее, чем она ожидала.

Мачеха бросила на нее быстрый взгляд.

- Не называй его так при людях.

- Так это же не я придумала.

- Тем более.

Ася смотрела на кольцо и почему-то вспоминала ночное сообщение: "Он женится не на платье". Потом ответ: "С невестой он как раз не ошибся". Она не знала, кто его писал. Юрист? Сам Дамир? Человек, которому он диктовал. Но теперь кольцо казалось продолжением той же странной интонации: не ласковой, не обещающей безопасность, но отказывающейся играть в чужой сахар. Никакого желтого золота, никаких сердечек, никакой имитации счастья. Холодный металл. Ледяной камень. Сделка без розовых лент.

Вика захлопнула коробку.

- Машина будет через двадцать минут.

Двадцать минут.

Оказалось, именно эта фраза ударила сильнее всего. Не "свадьба", не "регистрация", не "Воронцов". Машина будет через двадцать минут. Как будто ее везут в аэропорт. В клинику.

На встречу. Куда угодно, только не к новой жизни, из которой, возможно, не будет простого обратного билета.

Она попросила всех выйти на минуту.

Лариса Аркадьевна сначала хотела возразить, но что-то в Асином лице заставило ее промолчать. Комната опустела. Дверь закрылась. И только тогда Ася позволила себе выдохнуть.

Она подошла к комоду, открыла нижний ящик и достала мамину шкатулку. В свадебном платье делать это было неудобно, ткань тянулась, фата цеплялась за плечо, но ей было все равно. Она открыла крышку, взяла фотографию матери и долго смотрела на нее, пока перед глазами не начало расплываться. Плакать нельзя. Макияж. Фамилия. Внешняя картина. Все эти чужие правила даже в последний момент стояли рядом, как надзиратели. Но Ася все-таки коснулась пальцами лица матери на снимке.

- Я не знаю, что там было, - сказала она тихо. - Не знаю, почему он тебя боится. Не знаю, что Воронцов знает о тебе. Но я узнаю. Обещаю.

Она хотела положить фотографию обратно, но передумала. Снимок был маленький. Он легко поместился во внутренний карман пальто, которое ей должны были накинуть поверх платья. Туда же она положила маленький складной нож. Уже не так демонстративно, как ночью, без театрального жеста. Просто как вещь, которая должна быть с ней. Фотография матери и бесполезный нож. Странное приданое для невесты.

Когда она вышла, в коридоре ее уже ждали.

Отец стоял у лестницы.

На нем был темный костюм, белая рубашка, серебристый галстук. Выглядел он безупречно. Не радостно, не печально, не взволнованно. Так он выглядел перед важными переговорами, где заранее знал, что партия неприятна, но необходима. Увидев Асю, он на миг задержал взгляд на платье. Что-то мелькнуло в его глазах - не гордость, нет. Скорее странное узнавание, будто он вдруг увидел в ней не списанную дочь, а женщину, слишком похожую на ту, чье имя теперь лежало где-то в синей папке.

- Ты готова? - спросил он.

- Нет.

Он чуть нахмурился.

- Ася.

- Вы спросили. Я ответила.

Лариса Аркадьевна, стоявшая чуть позади, едва заметно закатила глаза. Миланы не было.

Ася посмотрела на верхнюю площадку лестницы, где еще вчера сестра говорила, что бояться человека, который может тебя раздавить, нормально. Дверь ее комнаты была закрыта. Ни записки. Ни взгляда из-за перил. Ни даже последней попытки сказать что-нибудь язвительное. Милана не пришла. И это оказалось таким точным завершением всей подмены, что Ася почти почувствовала благодарность: теперь не надо будет делать вид, что между ними еще возможна сестринская сцена.

- Она не спустится? - спросила Ася.

Лариса Аркадьевна сухо ответила:

- Ей плохо.

- Конечно.

Отец подал ей руку.

Ася посмотрела на эту руку. Сильную, ухоженную, холодную. Руку, которая когда-то держала ее маленькую ладонь на пешеходном переходе. Руку, которая гладила маму по плечу на старых фотографиях. Руку, которая положила перед ней папку о смерти матери. Руку, которая сегодня должна была передать ее другому мужчине, словно завершить сделку.

Она не взяла ее.

Сама пошла вниз по лестнице.

В холле их ждали двое охранников, водитель и Вика с запасным пакетом вещей. Дом был тихим. Слуги не смотрели прямо, но Ася чувствовала их взгляды кожей. Кто-то жалел, кто-то любопытствовал, кто-то, возможно, уже вечером расскажет на кухне, как невеста шла без руки отца, как мачеха сжала губы, как Виктор Сергеевич впервые за много лет выглядел не вполне довольным собственной властью.

На улице было холодно. Снег за ночь перестал идти, но воздух остался белесым, жестким. Машина стояла у крыльца - черная, длинная, без украшений. Никаких лент, цветов, кукол на капоте, смеющихся подружек, фотографов, шампанского. Только охрана, закрытые двери и зимнее утро, в котором свадьба выглядела слишком похожей на конвой.

Ася села на заднее сиденье. Отец сел рядом. Лариса Аркадьевна - впереди. Машина тронулась.

Первые минут десять никто не говорил. За окном проплывали улицы: серые дома, остановки, люди в пуховиках, вывески кофеен, красные огни светофоров, дворник, бросающий снег с лопаты на край тротуара. Город жил обычной пятницей. Не знал, что в черной машине, едущей без свадебного кортежа, сидит девушка в чужом платье и пытается не думать о том, что ее будущий муж может оказаться ее врагом, спасителем, палачом или единственным человеком, который тоже хочет правды.

- Когда приедем, - сказал отец, не поворачивая головы, - ты будешь держаться спокойно.

Ася смотрела в окно.

- Вы уже репетировали эту фразу. Можно сократить.

- Я серьезно.

- Вы всегда серьезно. В этом ваша главная проблема.

Лариса Аркадьевна на переднем сиденье тихо выдохнула.

- Анастасия, хотя бы сегодня...

- Хотя бы сегодня что? Сделать вид, что меня любят? Что Милана просто заболела? Что жених ждет меня с букетом? Что мама не лежит у вас в папке, как запасной аргумент?

Отец повернул голову.

- Еще одно слово о папке при посторонних, и ты пожалеешь.

- Я уже жалею, папа. Просто не о том, о чем вы думаете.

Его лицо стало каменным. Но дальше он молчал.

Регистрация проходила не в обычном ЗАГСе. По крайней мере, не в том, куда приходят счастливые пары с родственниками, фотографами, воздушными шарами и шумной толпой у входа. Это было старое административное здание в центре города, часть которого давно переоборудовали под закрытые церемонии для людей, не желающих смешиваться с обычной радостью. Снаружи - строгий фасад, тяжелые двери, мраморные ступени, охрана. Внутри - тихие коридоры, ковровые дорожки, приглушенный свет и такая стерильная торжественность, что Ася сразу поняла: здесь часто оформляют браки, где улыбки нужны только для протокола.

Их встретила женщина в сером костюме, слишком вежливая, чтобы быть настоящей. Она поздоровалась с отцом, кивнула Ларисе Аркадьевне, мельком взглянула на Асю и тут же отвела глаза - не потому, что невеста была некрасива, а потому, что профессионалы таких мест умеют не задерживаться взглядом на чужой неловкости.

- Представители второй стороны уже в малом зале, - сказала она.

Ася почувствовала, как сердце ударило сильнее.

- Дамир приехал? - спросил отец.

Женщина замялась буквально на долю секунды.

- Господин Грановский и свидетели прибыли. Господин Воронцов задерживается.

Лариса Аркадьевна посмотрела на часы.

- Задерживается?

В ее голосе прозвучало не возмущение, а страх, прикрытый раздражением. Ася услышала это и невольно подняла голову.

Отец ничего не сказал. Только губы его сжались чуть сильнее.

Их провели в малый зал. Там не было цветов, если не считать двух высоких ваз с белыми ветками у стены. Никакого свадебного пафоса, никакой музыки, только длинный стол для подписания документов, несколько кресел, государственный герб на стене и большое окно, за которым висел мутный зимний день. У окна стоял Павел Грановский - тот самый представитель Воронцова, с которым Ася уже познакомилась накануне.

Он оказался не похож на юриста из отцовского мира. Не гладкий, не масляный, не обтекаемо-вежливый. Высокий мужчина лет пятидесяти, сухой, в темном костюме, с короткими седеющими волосами и лицом человека, который за свою жизнь видел слишком много некрасивых договоров, чтобы притворяться, будто бумага делает их чище. Его глаза задержались на Асе чуть дольше, чем требовалось этикетом, но без жалости. Скорее с вниманием. Он будто проверял, сломалась ли она еще или только начала трещать.

- Анастасия Викторовна, - сказал он и чуть поклонился. - Рад знакомству лично.

- Павел...?

- Ильич.

- Вы пишете странные сообщения, Павел Ильич.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

- Я передаю сообщения. Это немного разные профессии.

- Конечно.

Отец резко посмотрел на них.

- Вы уже общались?

- В пределах организационных вопросов, - спокойно ответил Грановский.

- Организационный вопрос про платье был очень трогательным, - сказала Ася.

Лариса Аркадьевна побледнела. Отец прищурился. Грановский, кажется, почти улыбнулся, но тут же снова стал сухим и нейтральным.

- Дамир Сергеевич счел его важным.

Ася не успела ответить, потому что дверь открылась, и в зал вошли еще двое: мужчина лет тридцати пяти с военной выправкой и коротко стриженными волосами - вероятно, водитель или охранник - и женщина старше шестидесяти в строгом темном платье. Женщина была невысокой, седой, с прямой спиной и лицом, на котором морщины не смягчали, а подчеркивали характер. Она посмотрела на Асю пристально, почти сурово, потом перевела взгляд на платье, на фату, на руки, сжатые слишком крепко, и вдруг чуть заметно кивнула. Так, будто увидела не все, но достаточно.

- Тамара Петровна, - представил Грановский. - Домоправительница Дамира Сергеевича. Артем Ковалев, водитель.

Артем кивнул. Тамара Петровна сказала:

- Здравствуйте.

И это "здравствуйте" прозвучало, пожалуй, теплее, чем все слова, сказанные Асе родной семьей за последние дни.

- Здравствуйте, - ответила Ася.

- Дамир опаздывает? - спросил отец, обращаясь к Грановскому.

Юрист посмотрел на часы.

- Да.

- Насколько?

- Пока недостаточно, чтобы отменять регистрацию.

Виктор Сергеевич стал еще холоднее.

- Надеюсь, это не демонстрация.

- С Дамиром Сергеевичем почти все выглядит как демонстрация, Виктор Сергеевич. Даже когда он просто стоит.

Ася невольно посмотрела на Грановского. Тот произнес это сухо, почти скучно, но в воздухе сразу появился слабый электрический разряд. Лариса Аркадьевна сжала сумочку. Отец отвернулся к окну. Ася вдруг поняла, что все присутствующие ждут не жениха, а погоду перед бурей. Даже люди Воронцова ждали его иначе: не с нервной суетой, а с внутренней готовностью к тому, что при его появлении комната изменит температуру.

Минуты тянулись мучительно.

Секретарь регистрации заходила дважды: первый раз уточнить документы, второй - предложить воду. Отец говорил по телефону в коридоре, раздраженно и тихо. Лариса Аркадьевна сидела в кресле, не касаясь спинки, будто боялась помять платье или достоинство. Тамара Петровна смотрела в окно. Артем стоял у двери, проверяя телефон. Грановский листал документы и иногда делал пометки. Ася сидела у стола, положив ладони на колени, и чувствовала, как под фатой начинает болеть голова.

Она думала, что будет злиться, если Дамир не приедет вовремя. Но в ней поднималось что-то другое. Сначала - облегчение: вдруг он вообще не приедет? Вдруг сорвет эту сделку сам? Вдруг опозорит отца, мачеху, Милану, всех, кто так тщательно готовил ее доставку? Потом - страх: если не приедет, что сделает отец? Отдаст папку? Устроит новый договор? Отправит ее к нему саму? И еще глубже - странное, почти постыдное ожидание. Она хотела увидеть его. Уже хотела. Не потому, что верила в спасение, а потому, что устала бояться тени. Тень слишком удобно меняет форму. Человек - нет. Человека можно хотя бы ненавидеть конкретно.

- Вам воды? - вдруг спросила Тамара Петровна.

Ася подняла глаза.

- Что?

- Вы побледнели.

- Я в порядке.

- В вашем возрасте девочки часто говорят это перед тем, как упасть.

Ася неожиданно улыбнулась.

- Я постараюсь не испортить церемонию обмороком.

- Церемонию здесь уже испортили до нас, - спокойно сказала Тамара Петровна.

Лариса Аркадьевна резко повернула голову.

- Простите?

Старая женщина посмотрела на нее без малейшего смущения.

- Я не к вам обращалась.

В зале стало тихо. Ася впервые за все утро почувствовала желание рассмеяться не от злости, а почти от удовольствия. Лариса Аркадьевна побледнела от такой прямой непочтительности, но возражать не стала. Видимо, слуги Воронцова действительно были не похожи на прислугу Лебедевых. Те умели исчезать. Эти, похоже, умели стоять.

Дверь открылась в тот момент, когда часы на стене показали двадцать минут двенадцатого.

Сначала в зал вошел холод.

Не метафорически. Из коридора потянуло зимним воздухом, мокрым снегом и чем-то резким, уличным, живым. Потом шаги. Неспешные. Твердые. Без суеты человека, который опоздал и собирается извиняться. Ася повернула голову раньше, чем успела приказать себе не делать этого.

Дамир Воронцов вошел один.

Все фотографии оказались неправильными.

Не потому, что врал. Просто они не могли передать того, что происходило с пространством, когда он появлялся в нем. На снимках он был красивым, опасным, мрачным - все эти

слова подходили, но были слишком плоскими. Вживую он был не картинкой, а силой, которую комната вынуждена признать. Высокий, широкоплечий, в черном костюме без единой лишней детали, в темной рубашке с расстегнутой верхней пуговицей, без галстука - будто даже в день собственной регистрации он отказался надевать удавку, выбранную приличиями. Волосы чуть влажные от снега, лицо холодное, резкое, с темной щетиной, взгляд тяжелый и прямой. Не злой. Это было бы проще. Злость понятна. У него же в глазах была такая неподвижность, что Ася вдруг вспомнила замерзшее озеро: сверху гладко, подо льдом черная глубина, и неясно, выдержит ли лед твой вес.

Он не извинился.

Не посмотрел сразу на отца. Не поздоровался с Ларисой Аркадьевной. Сначала его взгляд остановился на Грановском, коротко, как вопрос. Юрист едва заметно кивнул. Потом Дамир посмотрел на Тамару Петровну. Та чуть подняла подбородок. Потом - на Артема. И только после этого перевел взгляд на Асю.

Ей показалось, что она перестала дышать.

Он смотрел недолго. Несколько секунд. Но за эти секунды она почему-то почувствовала все сразу: фату, чужое платье, холодное кольцо в коробке, фотографию матери в кармане пальто, маленький нож, спрятанный там же, Миланины слова, отцовскую папку, ночное сообщение. Дамир ничего не сказал, но его взгляд скользнул по ее лицу, волосам, платью, рукам, слишком крепко сжатым на коленях, и остановился на глазах. Не ласково. Не с восхищением. Не с презрением даже. Он смотрел так, будто действительно проверял: та ли.

И, судя по тому, что в его лице не дрогнуло ничего, ответ ему уже был известен.

Отец первым нарушил тишину.

- Дамир Сергеевич.

Воронцов медленно повернул к нему голову.

- Виктор Сергеевич.

Два имени столкнулись в воздухе, как ножи без звона. Отец поднялся. Он выглядел так же безупречно, как утром, но Ася, слишком хорошо знавшая его лицо, увидела: на миг, совсем коротко, уверенность в нем дала трещину. Не страх. Нет, Виктор Сергеевич Лебедев не позволял себе страха при свидетелях. Но расчет пересчитывался. Человек, который вошел в зал, был не удобным банкротом, не лесным затворником, не сломанным наследником, которого можно обвести вокруг пальца старым соглашением. Он был угрозой, принявшей человеческий вид и не посчитавшей нужным выглядеть приличнее ради свадьбы.

- Вы опоздали, - сказал отец.

- Да.

- Причина?

Дамир чуть заметно посмотрел на часы. Движение было таким спокойным, что стало почти оскорбительным.

- Дорога.

- Мы все ехали по той же дороге.

- Значит, вам повезло больше.

Лариса Аркадьевна едва слышно вдохнула. Грановский сделал вид, что изучает документы. Тамара Петровна смотрела в окно, но Асе показалось, что в уголке ее рта мелькнула тень усмешки.

Отец сдержался.

- Предлагаю не затягивать.

- Поддерживаю.

И только после этого Дамир снова посмотрел на Асю. На этот раз не оценивающе, а уже как на человека, с которым собирался говорить.

- Анастасия Викторовна.

У нее было странное ощущение: будто имя, произнесенное им, стало тяжелее. Не нежнее, не красивее - весомее. В доме ее называли Ася, когда хотели управлять мягко, Анастасия - когда хотели поставить на место. У Дамира полное имя прозвучало без семейной власти. Просто как факт. Как если бы он признавал ее присутствие не потому, что обязан, а потому что видит.

- Дамир Сергеевич, - ответила она.

Голос не дрогнул. Это было маленькое чудо.

Он чуть наклонил голову.

- Платье вам не идет.

В зале стало абсолютно тихо.

Ася почувствовала, как кровь бросилась к лицу. Лариса Аркадьевна будто окаменела. Отец резко повернул голову. Миланы здесь не было, но Ася почти услышала бы ее довольный вдох, если бы сестра стояла рядом. Вот оно. Первое унижение от будущего мужа. Сразу. При всех. Платье вам не идет.

Она уже открыла рот, чтобы ответить, но Дамир продолжил тем же сухим, ровным тоном:

- Слишком чужое.

Слова упали иначе.

Не как оскорбление. Как диагноз.

Ася смотрела на него, не понимая, злиться ей или защищаться. Он даже не улыбнулся. В его взгляде не было насмешки. Он сказал это так, будто увидел не крой, не шелк, не фату, а саму подмену, зашитую в каждую складку. Слишком чужое. Да. Именно так. Три дня ее пытались убедить, что платье красивое, дорогое, разумно переделанное, подходящее. А этот человек вошел, посмотрел один раз и сказал единственную правду, которую никто здесь не хотел произносить.

- Зато экономно, - сказала Ася.

Грановский кашлянул. Кажется, чтобы скрыть смешок. Тамара Петровна не скрывала: ее глаза на секунду стали теплее.

Дамир посмотрел на Асю дольше.

- Семья Лебедевых всегда умела экономить на неправильных вещах.

Отец тихо сказал:

- Мы здесь не для обсуждения платья.

- Согласен, - ответил Дамир.

Секретарь регистрации, женщина с лицом, ставшим еще более профессионально пустым, предложила всем занять места. Документы разложили на столе. Ася села слева, Дамир - справа. Между ними легли листы, ручки, коробка с кольцами и бездна всего, что не было произнесено.

Она украдкой посмотрела на его руку. Большая, сильная, с длинными пальцами, на костяшке старый шрам. Рука человека, который действительно мог ударить так, что потом о нем писали бы в желтых статьях. Рука, которая сейчас спокойно взяла ручку и поставила подпись там, где ему указали. Никакого колебания. Никаких вопросов. Он подписывал брак с подменной невестой так, будто давно решил, что сделает это, что бы ни произошло в зале.

Ася почувствовала обиду. Странную, неожиданную. Ей хотелось, чтобы он хотя бы спросил. Чтобы возмутился. Чтобы сказал отцу: "Вы обещали другую". Чтобы сорвал спектакль, как, по слухам, сорвал ту самую сделку века. Но он молчал. Подписывал. Значит, действительно знал. Значит, все было игрой, в которой ей опять забыли объяснить правила.

Когда очередь дошла до нее, пальцы вдруг стали ледяными. Ручка лежала на бумаге, подпись ждала. Анастасия Викторовна Лебедева. Еще несколько росчерков - и ее фамилия останется прежней только в документах, где прошлое сильнее настоящего. Она подумала о матери, о фотографии в кармане. О Милане за закрытой дверью. Об отце, который сейчас стоял

где-то сбоку и, вероятно, считал, что добился своего. О мужчине рядом, от которого пахло снегом, дорогой тканью и чем-то темным, почти древесным.

Она подписала.

Роспись получилась неровной.

- Нервничаете? - негромко спросил Дамир, не поворачивая головы.

- Наслаждаюсь моментом.

Он посмотрел на нее.

- Плохо получается.

- У меня мало практики.

- В чем? В свадьбах?

- В том, чтобы делать вид, что меня не продали.

Секретарь регистрации побледнела. Отец сделал шаг вперед.

- Ася.

Но Дамир поднял глаза на Виктора Сергеевича, и тот остановился. Это было почти незаметно, но Ася увидела. Все увидели. Дамир даже не сказал ничего. Просто посмотрел. И отец, человек, способный одним тоном заставить полкомнаты замолчать, на секунду задержал следующую фразу у себя за зубами.

- Продолжаем, - сказал Дамир секретарю.

Церемония, если это можно было назвать церемонией, длилась недолго. Женщина в сером костюме зачитала положенный текст о добровольном вступлении в брак, о взаимном уважении, о создании семьи. Каждое слово звучало так, будто его произносили в комнате, где никто не верил ни одному слогу, но всем было удобнее не проверять фундамент. Добровольное вступление. Взаимное уважение. Семья. Ася почти физически ощущала, как эти красивые юридические формулы расходятся с действительностью, как тонкая золотая краска на ржавом металле.

- Согласны ли вы, Дамир Сергеевич Воронцов, вступить в брак с Анастасией Викторовной Лебедевой?

- Да, - сказал он.

Без паузы. Без улыбки. Без взгляда на отца. Он сказал это так, будто ответ был не романтическим, а окончательным.

- Согласны ли вы, Анастасия Викторовна Лебедева, вступить в брак с Дамиром Сергеевичем Воронцовым?

Ася почувствовала, как все взгляды впились в нее.

Отец. Лариса. Грановский. Тамара Петровна. Артем. Секретарь. Дамир.

Она могла сказать "нет".

Теоретически. В эту крошечную секунду закон, мораль, весь красивый спектакль еще оставляли ей один звук свободы. Нет. И все рухнет. Отец отдаст папку. Лариса Аркадьевна назовет ее истеричкой. Милана, возможно, снова начнет рыдать, что теперь все пропало. Дамир посмотрит на нее так же холодно, как смотрит сейчас. Правда о матери, вместо того чтобы стать путем, превратится в оружие в чужих руках. Она останется в доме Лебедевых, где ее уже списали, но еще не отпустили.

Да.

Одно короткое слово, за которым не было ни счастья, ни любви, ни надежды. Только дверь. Страшная, темная, ведущая в лес, к человеку, которого она боялась. Но это все-таки была дверь. А в доме отца оставались стены.

- Да, - сказала Ася.

В голосе не было радости. Но и покорности не было тоже.

Кольца подали на маленькой бархатной подушечке, будто кто-то в последний момент решил добавить церемонии видимость нежности. Дамир взял женское кольцо. Его пальцы кос-

нулись ее руки, и Ася чуть не вздрогнула, но заставила себя остаться неподвижной. Прикосновение было теплым. Неожиданно теплым. Мужчина, которого все называли ледяным, оказался не холодным на ощупь. Это почему-то сбило ее сильнее, чем если бы он сжал ее грубо. Он держал ее руку осторожно, но не мягко. Так берут хрупкую вещь не потому, что она мила, а потому что знают цену поломки.

Кольцо скользнуло на палец.

Подошло идеально.

Ася посмотрела на него, потом на Дамира. Вопрос вырвался прежде, чем она успела его остановить:

- Вы знали размер?

- Да.

- Откуда?

- У вашей семьи плохая привычка думать, что только они умеют собирать информацию. У нее внутри что-то дернулось. От страха или злости - непонятно.

- У вас, видимо, привычка лучше.

- У меня - необходимость.

Теперь она должна была надеть кольцо ему. Мужское кольцо оказалось тяжелее, чем выглядело. Она взяла его, и на секунду их пальцы почти переплелись. Шрам на его костяшке был старым, белесым, пересекающим кожу неровной линией. Ася вдруг подумала, что в статьях о нем наверняка было много фотографий разбитых лиц, но никто не писал о его шрамах. О том, что человек, который бьет, иногда сам когда-то тоже ударился о что-то сильнее.

Она надела кольцо ему на палец. Дамир не отводил взгляда.

- В соответствии с законом, - сказала секретарь регистрации, голос ее звучал чуть напряженнее прежнего, - ваш брак зарегистрирован. Поздравляю вас.

Поздравляю.

Слово упало в пустоту.

Никто не захлопал. Никто не заплакал. Никакая музыка не включилась. Лариса Аркадьевна изобразила улыбку настолько тонкую, что она больше походила на след от ножа. Отец кивнул. Грановский убрал копии документов в папку. Тамара Петровна смотрела на Асю с непонятным выражением лица. Артем достал телефон и, кажется, отправил кому-то короткое сообщение.

Дамир повернулся к секретарю:

- Документы готовы?

- Да, сейчас вам передадут свидетельство и копии.

- Хорошо.

Он говорил так, будто закрыл сделку. И это было правильно. Они все закрыли сделку. Только почему-то Асю начало трясти именно сейчас, когда формально все уже случилось. Пока надо было держаться, отвечать, подписывать, она существовала внутри действия. Теперь действие закончилось, и на нее навалилась реальность: она замужем. За ним. За человеком, который стоит рядом, пахнет снегом, носит черное кольцо, знает ее размер пальца и смотрит на ее отца так, что тот на мгновение теряет уверенность.

Отец подошел первым.

- Дамир Сергеевич, - сказал он, протягивая руку. - Надеюсь, дальнейшие отношения наших семей будут выстраиваться конструктивно.

Дамир посмотрел на протянутую руку.

Секунда.

Две.

Потом пожал ее.

- Я тоже надеюсь, Виктор Сергеевич. Конструкция - вещь важная. Особенно когда фундамент гнилой.

Отец не изменился в лице, но Ася увидела, как напряглась его челюсть.

- Вы любите метафоры?

- Нет. Я люблю вскрывать то, что прячут под отделкой.

Лариса Аркадьевна вмешалась быстро:

- Сегодня все-таки день свадьбы. Не будем портить его деловыми намеками.

Дамир перевел на нее взгляд. И мачеха, всегда такая уверенная в своей гладкой ядовитости, вдруг стала выглядеть старше. Не намного. На несколько лет, которые проступили у глаз и в линии рта.

- Разумеется, Лариса Аркадьевна. Сегодня мы все делаем вид, что здесь есть что праздновать.

Ася неожиданно почувствовала, как внутри поднимается почти злое удовольствие. Не радость - нет. Но Дамир говорил вслух то, что она сама не могла произнести без того, чтобы ее немедленно не обвинили в истерике. Он не кричал, не устраивал скандал, не бил кулаком по столу. Просто снимал с происходящего слой приличия, и под ним виднелось то, что семья так старательно замазывала.

Но тут же стало страшно. Потому что человек, который так легко снимает маски с других, рано или поздно доберется и до нее. Ася не знала, что он увидит, когда дойдет до ее страха, злости, привязанности к матери, маленького ножа в кармане, беспомощного желания, чтобы хоть кто-то в этой комнате сказал: "Ты не обязана".

Секретарь принесла свидетельство. Документы разложили для финальной проверки. Отец что-то обсуждал с Грановским. Лариса Аркадьевна разговаривала с женщиной из администрации. Тамара Петровна вышла в коридор позвонить. Артем стоял у двери. И на несколько секунд Ася оказалась рядом с Дамиром почти одна - настолько, насколько это вообще возможно в комнате, полной свидетелей.

Он смотрел на нее.

Не на платье. Не на кольцо. На лицо.

- Теперь можно спросить? - сказал он.

У нее мгновенно пересохло во рту.

- Что именно?

- Вы добровольно здесь?

Ася даже не сразу поняла, почему этот вопрос ударил так сильно. Может быть, потому, что его должен был задать не он. Отец должен был спросить, добровольно ли она согласна. Мачеха должна была хотя бы притвориться, что ей важно. Секретарь только что формально произнесла положенный текст, но не посмотрела ей в глаза так, как смотрел сейчас Дамир. Слишком поздно. Брак уже зарегистрирован. Подписи стоят. Кольцо на пальце. И все же он спросил - не для закона, не для внешней картины, а будто для себя.

Ася подняла подбородок.

- Насколько же добровольно, насколько вы счастливы меня видеть.

Впервые за все время что-то изменилось в его лице.

Не улыбка. Нет. Дамир Воронцов, кажется, не улыбался в таких комнатах. Но в его глазах мелькнуло что-то острое, живое, почти веселое - не теплое, а именно живое, как искра в темном металле.

- Значит, очень сложный брак намечается.

- Вы ожидали другого после покупки невесты по замене?

- Я никого не покупал.

- Тогда зачем подписали?

- Потому что вас привели.

- Какая благородная причина.
- Благородство здесь ни при чем.
- Заметно.

Он чуть склонил голову, и Ася вдруг ощутила, насколько он высокий. Даже не физически, а пространственно: рядом с ним приходилось либо отступать, либо поднимать взгляд, либо учиться стоять так, чтобы не казаться меньше. Она выбрала третье, хотя колени под платьем слегка дрожали.

- Вы всегда отвечаете ударом? - спросил он.
- Нет. Только когда меня спрашивают о свободе после регистрации брака.
- Справедливо.

Это слово застало ее врасплох. Справедливо. Он не рассердился, не поставил на место, не велел выбирать тон. Просто признал попадание. Ася не знала, что с этим делать. Ее семья приучила ее к другому: любой ее острый ответ считался дерзостью, любая защита - неблагодарностью, любое прямое слово - истерикой. А этот мужчина, которого ей описывали как опасного и непредсказуемого, вдруг не наказал ее за выпад. Даже, кажется, оценил.

- Не привыкайте, - сказала она.
- К чему?
- К тому, что я буду справедливой.

Теперь он почти улыбнулся. Почти - это было еле заметное движение губ, но от него лицо стало еще опаснее, потому что в нем на секунду проступил не зверь из слухов, а мужчина, которому действительно может быть интересно.

- А я и не люблю справедливых женщин.
- Предпочитаете напуганных?

Искра погасла.

Взгляд снова стал тяжелым.

- Нет.

Одно слово. Но сказано было так, что Ася вдруг вспомнила Милану, закрытую дверь, ночной страх, маленький нож. Она не поняла, что именно отрицает Дамир: свое желание видеть страх, слухи о себе, саму возможность быть тем, кем его считают. Но ответ прозвучал слишком серьезно для флирта и слишком резко для светского обмена репликами.

- Хорошо, - сказала она тихо. - Потому что я пока еще не решила, бояться вас или нет.
- Бояться стоит.

Холод прошел по спине.

- Спасибо за честность.
- Я не сказал, что меня.

Она подняла глаза.

Дамир смотрел уже не на нее, а через ее плечо - туда, где отец разговаривал с Грановским, слишком спокойно жестикулируя, слишком внимательно следя за тем, чтобы их разговор никто не услышал. Лариса Аркадьевна стояла чуть поодаль и время от времени бросала на Асю короткие взгляды, в которых тревоги было больше, чем материнского удовлетворения от заверченного дела.

- Вы любите загадки? - спросила Ася.
- Нет.
- Тогда говорите прямо.
- Пока рано.
- Как удобно.
- Да, - сказал он. - Удобство - единственная роскошь, которую я редко себе позволяю.

Сегодня исключение.

Ее раздражение вернулось.

- Вы говорите так, будто все контролируете.

- Нет. Если бы я все контролировал, вы не стояли бы здесь в чужом платье.

Это снова попало.

Она отвернулась первой, потому что слишком много правды за один разговор от чужого мужчины было опасно. Особенно от мужчины, с которым ей теперь придется ехать в один дом.

Отец подошел к ним.

- Ася, мы поедем отдельно. Твои вещи отправят позже.

- Я еду с вами? - спросила она, хотя уже знала ответ.

Виктор Сергеевич на миг замялся.

- Нет. С мужем.

Мужем.

Слово прозвучало странно, почти неприлично. Дамир Воронцов - ее муж. Человек, которого она увидела меньше часа назад. Человек, который опоздал на собственную свадьбу, сказал, что платье ей не идет, подписал документы без колебаний и спросил, добровольно ли она здесь, когда было уже поздно что-то менять.

- Я хочу забрать из дома кое-что сама, - сказала Ася.

- Не сейчас.

- Это мои вещи.

- Их соберут.

- Нет.

Отец посмотрел на нее с предупреждением.

- Ася.

Дамир вмешался неожиданно:

- Она заберет то, что считает нужным.

Виктор Сергеевич повернулся к нему.

- Это не входит в сегодняшний план.

- Теперь входит.

- Дамир Сергеевич, не стоит превращать первый день брака в демонстрацию.

- Поздно. Вы начали демонстрацию, когда заменили невесту.

Воздух между ними натянулся.

Ася стояла рядом и впервые за все утро почувствовала, что почва под ногами меняется. Не становится безопасной. Нет. Но смещается. До сих пор все решения принимались вокруг нее, через нее, вместо нее. Сейчас кто-то впервые произнес за нее простую вещь: она заберет то, что считает нужным. Не спросив у отца. Не попросив разрешения у Ларисы. Не объясняя, почему это важно.

Это было маленькое. И слишком большое одновременно.

- Я сама могу говорить, - сказала она, прежде чем успела решить, разумно ли это.

Дамир посмотрел на нее.

- Вижу.

- Тогда не надо за меня.

- Хорошо.

Он отступил. Просто. Без раздражения. Без мужского "я лучше знаю". Без обиды на то, что его защитный жест не приняли с благодарностью. Ася снова не знала, что с этим делать.

Отец сказал сухо:

- У тебя будет двадцать минут. Потом машина Воронцова отвезет тебя в его дом.

- Наш дом, - поправил Дамир.

Ася резко повернула к нему голову.

Он смотрел на отца. Не на нее. Но поправка прозвучала так, что даже Лариса Аркадьевна замолчала.

Наш дом.

Возможно, это была просто территориальная фраза собственника. Возможно, предупреждение Виктору Сергеевичу: теперь она не полностью ваша. Возможно, очередной ход в игре. Но у Аси вдруг глупо перехватило горло. Потому что в доме Лебедевых она годами жила как временная. И вот человек, которого она должна была бояться, за час после регистрации назвал свой дом - их.

Нет, сказала она себе. Не трогайся. Не выдумывай. Опасные мужчины тоже умеют говорить правильные слова. Особенно если им что-то нужно.

Документы наконец были оформлены. Секретарь еще раз поздравила их, уже совсем механически. Отец коротко кивнул Дамиру. Лариса Аркадьевна поцеловала Асю в воздух рядом со щекой, даже не касаясь кожи.

- Держись достойно, - прошептала она.

- Это вы себе пожелайте, - ответила Ася так же тихо.

Мачеха отстранилась с каменным лицом.

В коридоре было прохладно и пахло мокрой шерстью пальто. Тамара Петровна подошла к Асе и протянула ей белый кашемировый палантин.

- Накиньте. На улице ветер.

- Спасибо.

- Не за что. В нашем доме сквозняки. Надо привыкать заранее.

- Вы меня утешаете?

- Предупреждаю. Утешать буду, если понадобится.

Ася неожиданно почувствовала, что глаза снова предательски щиплет. Не от слов даже, а от самой интонации: сухой, немного ворчливой, но человеческой. За последние дни любая простая забота казалась подозрительной роскошью.

Дамир стоял у выхода и говорил с Артемом. Когда Ася приблизилась, он закончил разговор и открыл перед ней дверь. Не театрально, не с поклоном. Просто открыл. На улице действительно был ветер. Он ударил в лицо холодом, тронул фату, пробрался под палантин. У ступеней стояли две машины: отцовская черная, знакомая, и другая - темно-серая, массивная, с тонированными стеклами. Возле нее ждал водитель.

Отец задержался у дверей.

- Ася.

Она обернулась.

Он стоял на верхней ступени, рядом с Ларисой Аркадьевной. В этот момент он вдруг показался ей не всемогущим хозяином жизни, не человеком с папкой, не судьей, а просто мужчиной, который сделал выбор и теперь смотрит, как следствие этого выбора садится в чужую машину. Было ли в нем сожаление? Ася не знала. Может быть, он жалел не ее, а потерю контроля. Такие люди часто путают одно с другим.

- Помни, что ты Лебедева, - сказал он.

Дамир, стоявший рядом, тихо произнес:

- Уже нет.

Отец перевел на него взгляд.

Ася подняла руку и посмотрела на кольцо. Холодный камень поймал серый свет.

- Я сама решу, кто я, - сказала она.

Потом повернулась и пошла к машине Дамира.

Он не взял ее под руку. Не тронул за спину. Не стал изображать счастливого мужа. Просто шел рядом, достаточно близко, чтобы ветер не рвал фату слишком сильно, и достаточно далеко, чтобы она не почувствовала себя пойманной. Это было странно. Непривычно. Почти невыносимо - потому что заставляло пересматривать слишком много страхов сразу, а она не

готова была расставаться со страхом так быстро. Страх хотя бы понятен. Благодарность опаснее.

У машины Дамир остановился, открыл дверь, но прежде чем она села, тихо сказал:

- Анастасия.

Она подняла глаза.

- Что?

- Если захотите сбежать, делайте это до того, как мы выедем за город. В лесу бегать неудобно.

Сердце ухнуло вниз.

А потом она увидела его глаза.

В них снова была та самая искра. Злая, сухая, почти черная. Он не шутил добродушно. Не успокаивал. Скорее проверял, сможет ли она ответить, не отступив.

Ася медленно выдохнула.

- Спасибо за совет. А если я решу сбежать после?

- Тогда берите теплую обувь.

- Заботливый муж.

- Практичный.

- А если я не собираюсь бежать?

- Тогда тем более берите теплую обувь. В моем доме холодные полы.

Она смотрела на него, и вдруг страх, который всю ночь жил у нее под кожей, не исчез, но впервые отступил на шаг, уступая место чему-то другому. Раздражению. Интересу. Осторожной злости, которая была лучше паники.

- Вы всегда пугаете женщин вместо комплиментов?

Дамир чуть наклонил голову.

- Комплименты обычно врут.

- А угрозы?

- Угрозы тоже. Предупреждения - реже.

- Это было предупреждение?

- Это была попытка быть любезным.

Ася неожиданно рассмеялась. Коротко, нервно, но по-настоящему. От абсурда, холода, его лица, собственного белого платья, от того, что ее первая минута после свадьбы проходила у машины с мужчиной, который советовал ей бежать до леса, потому что дальше неудобно.

Дамир смотрел на нее так, будто не ожидал смеха. И, возможно, именно поэтому на секунду перестал быть ледяным полностью.

- Настолько плохо? - спросил он.

- Хуже, - сказала Ася. - Но, кажется, не скучно.

- Это я могу гарантировать.

Она села в машину. Дамир закрыл за ней дверь и обошел капот. Через стекло Ася увидела отца на ступенях. Лариса Аркадьевна стояла рядом, темная, прямая, напряженная. Где-то за окнами здания, возможно, уже оформляли следующую тихую свадьбу, следующую приличную сделку, следующую добровольность по документам.

Дамир сел рядом. Машина тронулась.

Несколько секунд они молчали. Между ними лежало пространство кожаного сиденья, запах дорогого салона и новое слово, которое еще не успело стать реальностью: муж. Жена. Два человека, связанные подписью, кольцами, чужими преступлениями и чем-то еще, для чего пока не было названия.

- Вы правда знали, что вместо Миланы буду я? - спросила Ася, не глядя на него.

Дамир смотрел вперед.

- Я знал, что ваш отец не отдаст то, что считает ценным.

Она повернулась.

- И все равно согласились?

- Да.

- Почему?

Он молчал так долго, что она уже решила: не ответит. Потом сказал:

- Потому что иногда то, что люди считают лишним, оказывается единственным, что не куплено.

Ася не нашла, что сказать.

Машина выехала на проспект. Город раскрылся перед ними серыми улицами, мокрым асфальтом, витринами, людьми, которые не знали и не должны были знать, что в темно-серой машине едет женщина, только что ставшая женой Отморозка вместо сестры. Ася смотрела в окно и чувствовала, как кольцо на пальце становится тяжелее с каждой минутой.

Страшно было по-прежнему.

Но теперь страх уже не был пустым коридором с закрытой дверью в конце. За дверью появился человек. Холодный, опасный, язвительный, слишком внимательный. Человек, который увидел чужое платье. Спросил о добровольности. Назвал дом “нашим”. И почему-то, вместо того чтобы стать проще, от этого все стало гораздо сложнее.

- Дамир Сергеевич, - сказала она через несколько минут.

- Да?

- Если вы решили использовать меня против моей семьи, предупреждаю сразу: очередь длинная. Я тоже записалась.

Он медленно повернул голову.

И на этот раз улыбнулся.

Не широко. Не мягко. Но достаточно, чтобы Ася поняла: вот она, та самая искра. Не страх. Не любовь. Не доверие.

Начало войны, в которой они, возможно, окажутся по одну сторону баррикады.

- Тогда, Анастасия Викторовна, - сказал он, - нам стоит обсудить правила совместной мести.

Машина свернула с центральной улицы, увозя их прочь от здания без поздравлений, от отца, от мачехи, от Миланы за закрытой дверью, от прежней жизни, которая еще вчера казалась клеткой, а сегодня стала только началом дороги. Где-то впереди ждал дом у леса. Старый, холодный, полный чужих теней.

Ася положила руку на карман пальто, где лежала фотография матери.

И впервые за весь день подумала не “что со мной сделали?”, а “что я теперь сделаю сама?”.

Глава 5. Дом Отморозка

Город закончился не сразу. Он долго тянулся за окнами машины серыми фасадами, вывесками, мокрыми остановками, плотным движением, людьми в темных куртках, которые торопились по своим обычным делам и не знали, что рядом с ними, в темно-сером автомобиле с тонированными стеклами, едет невеста после свадьбы без цветов. Потом дома стали ниже, улицы шире, реклама реже, а вместо магазинов и офисов за окнами потянулись складские корпуса, заправки, пустые зимние поля, шумные развязки, где машины расходились по своим направлениям, как судьбы, которые еще можно выбрать. Ася смотрела в окно и пыталась не считать минуты с того момента, как за ее спиной остались отец, Лариса Аркадьевна, здание регистрации и прежняя жизнь, из которой ее вытолкнули так решительно, словно боялись, что она передумает и вернется.

Дамир сидел рядом и молчал. После его фразы о правилах совместной мести в машине на несколько минут установилась странная тишина - не пустая, не неловкая, а осторожная, как расстояние между двумя людьми, которые уже успели обменяться ударами и теперь проверяют, не потянется ли другой за ножом. Впрочем, нож у Аси действительно лежал в кармане пальто, рядом с фотографией матери. От этой мысли хотелось одновременно рассмеяться и заплакать: прекрасное начало семейной жизни, когда жена едет к мужу с маленьким складным ножом, а муж, кажется, знает об этом даже без проверки карманов. Во всяком случае, его взгляд слишком часто задерживался там, где ее рука машинально касалась ткани.

- Если вам нужно позвонить, - сказал он наконец, не поворачивая головы, - связь еще нормальная. После поворота на старую трассу будет хуже.

Ася посмотрела на него.

- Кому?

- Не знаю. Подруге. Работе. Отцу, если вдруг соскучились.

- Вы правда думаете, я могу соскучиться по отцу за сорок минут?

- Люди скучают по странным вещам. Даже по клетке, если долго жили внутри.

Она отвернулась к окну. Сказать "я не жила в клетке" было бы слишком глупо. Сказать "вы ничего не знаете" - слишком привычно. Он знал недостаточно, но видел много. Это раздражало сильнее, чем если бы он просто ошибался. Ошибку можно поправить. Чужую точность хочется ударить.

- Я написала на работу, - сказала она. - Остальные переживут без звонков.

- Работа - та студия, где вы делали макеты для интерьеров?

Ася медленно повернула голову.

- Вы это тоже знаете?

- Да.

- И мой размер кольца. И что платье чужое. И, видимо, где лежит мой школьный дневник за пятый класс.

- Дневник не проверял.

- Какое благородное самоограничение.

- У меня есть список приоритетов.

- И я в нем где-то между старой сделкой и смертью вашего брата?

Он посмотрел на нее. Не резко, не зло, но так, что воздух в салоне стал плотнее.

- Вы хотите грубый ответ или честный?

Ася почувствовала, как в горле пересохло. Разговор опасно приблизился к тому месту, где шутки перестают быть защитой и становятся дверью.

- Честный.

- Сначала - да.

Слова ударили тихо. Без размаха. Но сильно. Он не стал притворяться, не стал смягчать, не сказал “вы ошибаетесь”, “все сложнее”, “не думайте о себе так”. Сначала - да. То есть она действительно была пунктом в его списке. Не женщиной. Не будущей женой. Не даже жертвой, которую жалко. Деталью. Возможностью. Фамилией Лебедева с темной памятью Елены Андреевны за спиной.

Ася отвернулась к окну, чтобы он не увидел лица.

- Спасибо, - сказала она. - Теперь хотя бы понятно, что романтическая часть отменяется окончательно.

- Вы ждали романтическую часть?

- Нет. Но иногда приятно знать, что потеря незначительна.

Он молчал так долго, что она успела пожалеть о собственной фразе. Потом сказал:

- Если вам от этого легче, сейчас вы уже не только пункт.

- Как трогательно. Повысили до раздела?

- До риска.

Она снова посмотрела на него.

- Это комплимент?

- Нет.

- Вы вообще умеете говорить комплименты?

- Умею.

- Не верю.

- И правильно.

Ася вдруг почувствовала, как уголки губ сами дернулись вверх. Это было неправильно. Совершенно неправильно. Она ехала в дом мужчины, которого боялась, после свадьбы, которой не хотела, от семьи, которая ее предала, к будущему, где каждая дверь могла оказаться закрытой не с той стороны. В таких обстоятельствах не улыбаются из-за сухой перепалки с мужем, купленным по старому соглашению. Но тело, измотанное страхом, унижением и бессонницей, почему-то ухватило за эту колкую, почти черную нормальность. Дамир не успокаивал. Не обещал безопасности. Не делал вид, что все будет хорошо. Зато рядом с ним не нужно было врать о том, что все уже плохо.

Машина свернула с основной трассы. Асфальт стал хуже, вдоль дороги потянулся лес. Сначала редкий, пригородный, с дачными заборами, указателями к коттеджным поселкам, обледеневшими рекламными щитами. Потом - плотнее. Сосны встали ближе к обочине, как молчаливые свидетели, которым безразлично, кого везут мимо: счастливую жену, заложницу, наследницу чужой тайны или все сразу. Снег лежал на ветках тяжелыми белыми лапами. Небо было низким, серым, почти неподвижным. Город окончательно отступил, и вместе с ним исчезла иллюзия, что можно выйти из машины на светофоре, затеряться среди людей, войти в метро, снять кольцо, назвать себя другой фамилией и начать заново.

- Далеко еще? - спросила Ася.

- Десять минут.

- Связь уже плохая?

- Почти.

Она посмотрела на экран телефона. Две полоски. Потом одна. Потом снова две, будто связь колебалась вместе с ней.

- Очень удобно для человека с дурной репутацией.

- Что именно?

- Дом в лесу, плохая связь, холодные полы, закрытые двери. Вы собирали декорации по списку Миланиных кошмаров?

Дамир чуть повернул голову.

- Милана много рассказывала?

- Достаточно.

- И что именно?

Ася на секунду задумалась, стоит ли отвечать. Милана говорила многое: что он опасен, что он презирает слабость, что женщины исчезали из его жизни так быстро, будто их стирали, что в доме с ним ночью лучше не оставаться. Повторить это вслух означало признать, что слухи проросли в нее глубже, чем хотелось бы. Но скрывать страх от человека, который явно умеет его видеть, тоже было бессмысленно.

- Что вы не просто грубый, - сказала она наконец. - Что вы опасны с женщинами.

В салоне стало очень тихо. Даже машина, казалось, поехала мягче, будто дорога под колесами выровнялась от напряжения.

Дамир не ответил сразу. Ася пожалела, что сказала. Потом разозлилась на себя за сожаление. Она не обязана беречь его чувства, если ее саму отправили к нему почти без права на вопрос. Пусть отвечает. Пусть злится. Пусть хоть что-то станет ясным.

- Опасен, - сказал он наконец. - Да.

У нее внутри что-то холодно опустилось вниз.

- С женщинами? - спросила она, хотя голос уже подвел.

Теперь он повернулся к ней полностью.

- С людьми, которые приходят по чужому приказу и думают, что красота делает их невиновными. С людьми, которые улыбаются, пока за их спиной режут горло. С людьми, которые продают близких и называют это семейной необходимостью. С женщинами - нет. Не в том смысле, в котором вам внушили.

Ася смотрела на него и не могла сразу выдохнуть. Он произнес это спокойно, без оскорбленной мужской ярости, без "как вы смеете", без театрального благородства. Как будто понимал, откуда у нее вопрос, и ненавидел не сам вопрос, а тех, кто заставил ее задавать его.

- Почему я должна вам верить? - спросила она.

- Не должны.

- Удобная позиция.

- Честная.

- А если я все равно буду бояться?

- Бойтесь. Страх не всегда глуп. Главное - проверяйте, кому он выгоден.

Машина въехала на узкую дорогу между соснами. За стеклом лес стал почти черным. Ася медленно обняла себя руками, хотя в салоне было тепло. Ей не стало спокойно. Нет. Слишком много в его словах было темного, слишком много недосказанного. Но Миланина страшилка вдруг потеряла часть силы. Не исчезла - просто перестала быть единственным голосом в ее голове. Теперь там был еще и его голос: "проверяйте, кому он выгоден".

- Вы всегда отвечаете так, чтобы вопросов стало больше? - спросила она.

- Да.

- Прекрасная семейная черта.

- У нас с семьей мало общего.

- С какой? С моей или вашей?

- С обеими.

Эта фраза повисла между ними как невидимая перекладина. Ася почувствовала, что за ней - огромная закрытая территория. Мать Дамира, умершая давно. Отец за границей на лечении. Рустам. Дом, законсервированный после трагедии. Брат, имя которого нельзя произносить. Старые сделки. Смерть. Банкротство. Человек рядом с ней не был просто "отморозком из леса". Он был руинами, которые почему-то до сих пор держались вертикально.

Дорога пошла вверх. Лес расступился неожиданно, и впереди показались ворота.

Они были не новыми и не нарочито роскошными. Высокие, кованые, с темным гербом в центре, на котором снег забился в изгибы металла. Каменные столбы по бокам потемнели

от времени, в одном месте трещина ушла почти от основания до фонаря. Камеры на воротах были современными, но закреплены так, будто их ставили поверх старого мира, не пытаясь скрыть швы. Охраны у ворот Ася не увидела, но машина остановилась сама, и через пару секунд створки начали медленно расходиться.

За воротами начиналась длинная подъездная аллея. Сосны стояли по обеим сторонам, и ветви их нависали так низко, что казалось, машина едет не к дому, а внутрь зимнего коридора. Снег здесь был нетронутым, белым, с синими тенями. Где-то слева мелькнула замерзшая беседка. Справа - контуры старой оранжереи с выбитыми или потемневшими стеклами. Ася ждала увидеть берлогу. Грязный дом, в котором живет обозленный мужчина, забросивший себя, людей и все вокруг. Так рассказывала Милана. Так намекала Лариса. Так рисовали статьи: лесной затворник, мрачная развалина, место, куда не приезжают гости.

Но дом, показавшийся за поворотом, оказался другим.

Он был большим, старым и красивым той красотой, которую невозможно купить сразу. Двухэтажный особняк из светлого камня, потемневшего от времени, с высоким крыльцом, широкими окнами, частью закрытыми ставнями, и башенкой на левом крыле, из-за которой дом выглядел почти дореволюционным, хотя, вероятно, был построен позже, в эпоху, когда богатые семьи уже начали имитировать благородство, которого не всегда хватало в крови. Крыша была засыпана снегом. Водостоки местами покрылись льдом. На фасаде виднелись следы запущенности: облупившаяся краска на карнизах, темные разводы под окнами, одна трещина у балкона, небрежно заделанная. Но это была не грязь и не разруха. Скорее остановка времени. Дом не умер. Он просто перестал ждать гостей.

В нескольких окнах горел свет. Теплый, желтый, осторожный. От этого особняк казался еще печальнее: не мертвая развалина, а место, где кто-то продолжает жить среди комнат, которые слишком многое помнят.

- Это и есть ваша берлога? - спросила Ася тихо.

Дамир посмотрел в окно.

- Разочарованы?

- Скорее сбита с толку.

- Грязь бывает не только на полу.

Она не ответила. Машина остановилась у крыльца. Артем, сидевший впереди, вышел первым, обошел машину и открыл дверь Асе. Холод ударил сразу, но теперь он был другим, чем у здания регистрации. Там холод был городским, мокрым, скользящим между людьми. Здесь - лесным, глубоким, пахнущим снегом, смолой, камнем и дымом из трубы. Ася вышла, придерживая платье, и каблук тут же чуть провалился в тонкий слой снега на ступени.

Дамир оказался рядом прежде, чем она успела потерять равновесие. Не схватил. Просто подал руку, ладонью вверх. Ася посмотрела на нее, потом на него.

- Я не падаю.

- Пока нет.

- А вы всегда ждете худшего?

- Обычно оно не заставляет ждать.

Она все-таки положила пальцы на его руку. Коротко. Только чтобы подняться по ступеням. Но этого хватило, чтобы почувствовать: рука теплая, хват надежный, не давящий. Он отпустил сразу, как только она оказалась на ровной площадке. Это было мелочью. Ничтожной. Но после всех Миланиных слов о закрытых дверях и мужских руках, из которых не вырваться, эта мелочь почему-то оставила след.

Дверь открылась до того, как Дамир успел достать ключ.

На пороге стояла Тамара Петровна.

Без пальто, в темном платье и шерстяной кофте, со связкой ключей на поясе, она выглядела не как экономка, а как человек, который пережил несколько поколений хозяев и теперь

сам решает, кого дом признает. За ее спиной виднелся просторный холл, полутемный, с лестницей, уходящей наверх, старым зеркалом в тяжелой раме, вешалкой, на которой висели мужские пальто, и светом настольной лампы на консоли. Пахло воском, деревом, старой бумагой и чем-то еще - не запустением, а закрытым воздухом большого дома, где редко открывают лишние комнаты.

- Приехали, - сказала Тамара Петровна.

- Как видите, - ответил Дамир.

- Вижу. Невеста не сбежала по дороге.

Ася не удержалась:

- Мне сказали, что до леса удобнее.

Тамара Петровна посмотрела на Дамира. Потом на Асю. И впервые улыбнулась - совсем немного, одними глазами.

- Разумный совет. Обувь у вас неподходящая.

- Мне уже сообщили, что здесь холодные полы.

- Не только полы.

Дамир снял перчатки.

- Тамара Петровна.

- Что? Я предупреждаю.

- Вы пугаете мою жену.

Слово снова прозвучало странно. Мою жену. Не ласково, не собственнически-сладко, а твердо, как юридический факт, который он сам еще проверял на вкус. Ася вдруг ощутила, как по коже проходит короткая дрожь. От холода, конечно. Только от холода.

Тамара Петровна прищурилась.

- Если она уже видела Лебедевых, меня ей бояться поздно.

Дамир ничего не ответил. Ася же подумала, что начинает понимать, почему эта женщина осталась рядом с ним, когда все остальные ушли. В ее прямоте не было грубости. Она говорила правду так, как старые дома держат стены: без просьбы понравиться.

- Проходите, Анастасия Викторовна, - сказала Тамара Петровна. - Замерзнете.

- Можно просто Ася.

- Можно, - кивнула она. - Но не сразу.

Внутри дом оказался еще больше, чем снаружи. Холл был высокий, с темными деревянными панелями на стенах, мраморным полом, частично закрытым старым ковром, широкими ступенями лестницы и огромной люстрой, из которой горела только половина лампочек. Не потому, что их не могли заменить, подумала Ася, а потому, что никому не хотелось слишком яркого света. В углах стояли старинные кресла, затянутые темно-зеленой тканью. На стенах висели фотографии и портреты, но некоторые были сняты - от них остались более светлые прямоугольники на выцветших обоях. На консоли у зеркала лежала почта, перчатки, маленькая серебряная зажигалка и ключи. Все было чисто, но не оживленно. Так выглядит дом, где поддерживают порядок, но не радость.

Ася машинально сравнила его с домом Лебедевых. Там все было новым, дорогим, отполированным, идеально подобранным, но чужим даже для тех, кто жил внутри. Здесь - старое, местами потрепанное, не до конца отремонтированное, с тяжелыми тенями в углах, но настоящее. Этот дом не пытался казаться лучше, чем был. В нем не скрывали трещины. Их просто не обсуждали.

- Пальто, - сказала Тамара Петровна.

Ася растегнула пуговицы, но замялась. В кармане были фотография и нож. Дамир, стоявший рядом, посмотрел на нее чуть внимательнее.

- Я сама, - сказала она резко.

- Я не претендовал.

Она сняла пальто и тут же забрала его обратно, не отдавая Тамаре Петровне.

Старая женщина заметила. Конечно, заметила. Но ничего не сказала. Только указала на вешалку:

- Можете повесить сами. Если в карманах что-то важное, лучше заберите сразу. В этом доме вещи не пропадают, но люди иногда сами забывают, куда прячут прошлое.

Ася медленно сунула руку в карман, вынула фотографию матери, сложенную в тонкий конверт, и маленький нож. Нож она собиралась спрятать, но Тамара Петровна посмотрела прямо на него. Дамир тоже.

Мгновение было ужасным.

Ася сжала нож в ладони, ожидая насмешки, приказа отдать, вопроса, обвинения. Но Дамир только перевел взгляд с ножа на ее лицо.

- Небольшой, - сказал он.

- Какой есть.

- Держите ближе к большому пальцу, если придется открыть одной рукой. И не храните в пальто. Пальто обычно снимают первым.

Тамара Петровна вздохнула.

- Дамир Сергеевич.

- Что?

- Девушка только вошла в дом.

- Тем более.

Ася смотрела на него, не веря. Это была самая странная реакция на спрятанный нож, какую только можно было представить. Не “зачем вам это”, не “вы мне не доверяете”, не “какая глупость”. Практический совет. Почти будничный. Она вдруг почувствовала себя не пойманной, а разоблаченной в собственном страхе - и почему-то не униженной.

- Вы не против? - спросила она.

- Чего?

- Что я приехала к вам с ножом.

- Вы приехали из дома Лебедевых. Я бы удивился, если бы без.

Тамара Петровна тихо хмыкнула и взяла пальто, когда Ася наконец забрала из него свои вещи. Фотографию она спрятала в маленькую сумочку, нож переложила туда же, хотя после его слов это казалось не столь разумно, но оставлять оружие в руке посреди холла было уже слишком театрально даже для ее жизни.

- Сначала я покажу вам комнату, - сказала Тамара Петровна. - Потом чай. Потом ужин, если захотите. Вещи привезут позже?

- Да, - ответила Ася. - Если их не отфильтруют по степени пригодности для ссылки.

- У нас есть одеяла, тапки и горячая вода. Для ссылки неплохо.

- Тамара Петровна, - снова произнес Дамир, но теперь в его голосе мелькнуло что-то почти похожее на усталую привязанность.

- Молчу, - сказала она. - Хотя зря.

Они пошли вверх по лестнице. Дамир остался внизу, разговаривая с Артемом о машине и каких-то документах, а Ася поднялась за Тамарой Петровной, стараясь не наступить на подол платья. Платье в этом доме выглядело еще нелепее, чем в регистрационном зале. Белый шелк цеплялся за темные ступени, фата скользила по старым перилам, кружево казалось чужим среди дерева, теней и запаха зимнего дома. Она снова почувствовала себя не невестой, а человеком, которого привезли в costume не по погоде.

На втором этаже коридор уходил в обе стороны. Слева было светлее: несколько дверей, ковровая дорожка, окно с видом на заснеженные сосны. Справа - темнее. Там свет горел только у начала коридора, дальше пространство словно нарочно оставляли в полумраке. У дальней

двери висел тяжелый замок, не современный электронный, а старый, металлический, почти театральный, но от этого не менее настоящий.

Ася невольно посмотрела туда.

Тамара Петровна остановилась.

- Туда не ходят.

- Вообще?

- Без разрешения - вообще.

- Это закрытое крыло?

- Да.

- Почему?

Старая женщина повернулась к ней. Взгляд у нее был не злой, но такой твердый, что Ася сразу поняла: здесь ее жалеть не будут, но и обманывать мягкими словами тоже.

- Потому что в каждом доме есть комнаты, куда не водят новых людей в первый день.

- А во второй?

- Зависит от новых людей.

- Там что-то опасное?

- Для кого как.

Ася сжала сумочку, где лежали фотография и нож.

- Дамир сказал, в этом доме опасен не он?

- Если он так сказал, значит, был в хорошем настроении.

- Это не ответ.

- Это первый урок. В этом доме многое будет не ответом.

Они пошли дальше, налево, в светлую часть коридора. Тамара Петровна открыла одну из дверей и включила свет.

Комната оказалась просторной, но не роскошной в показном смысле. Высокое окно с тяжелыми шторами, большая кровать с резным деревянным изголовьем, письменный стол у окна, книжный шкаф, кресло, камин с темной мраморной полкой, старый ковер, на котором выцвел узор. Стены были не бежевыми, как в доме отца, а теплого серо-голубого цвета, словно зимнее небо, если смотреть на него через стекло. На кровати лежал темно-синий плед. У окна стояла ваза с сухими ветками - не цветы, но и не пустота. Комната была холодной на вид, но не бездушной. В ней не пытались сделать вид, что Ася долгожданная хозяйка. Но и не бросили ее в гостевую клетку.

- Ваша комната, - сказала Тамара Петровна. - Пока.

Это "пока" прозвучало не угрожающе, а практично. Как будто в доме Воронцова все понимали: первые решения редко бывают последними.

Ася вошла внутрь. Окно выходило на боковую часть сада и лес. Снег лежал на ветках, дальше виднелась темная линия забора, а за ней - сосны, сосны, сосны. В доме Лебедевых окна смотрели на ухоженный сад, где даже природа подчинялась ландшафтному дизайнеру. Здесь лес стоял рядом, как отдельная сила. Он не украшал участок. Он его окружал.

- Здесь красиво, - сказала она и сама удивилась, что произнесла это вслух.

- Было красивее, когда дом жил полностью.

- А теперь?

- Теперь живет частями.

Ася обернулась.

- После смерти Рустама?

Тамара Петровна посмотрела на нее так резко, что Ася сразу пожалела о вопросе.

- Имя Рустама Сергеевича в этом доме произносят не из любопытства.

- Простите.

- Извинения принимаются. На первый раз.

В голосе старой женщины не было грубости. Но граница была проведена четко. Рустам. Закрытое крыло. Кабинет хозяина. Нельзя. Нельзя. Нельзя. Дом только что открыл перед Асей дверь, но сразу показал, что внутри есть свои стены.

Тамара Петровна прошла к шкафу, открыла его. Внутри висели несколько новых вещей: простые платья, домашний костюм, свитер, халат, пара рубашек, коробки с бельем, тапочки.

Ася застыла.

- Это что?

- Вещи. На первое время.

- Кто их купил?

- Домовой дух, - сухо сказала Тамара Петровна. - Конечно, Дамир Сергеевич распорядился.

- Он купил мне одежду?

- Не сам по магазинам ходил, если вас это беспокоит. Размеры передали, я заказала.

- Мои размеры опять все знают?

- В пределах необходимого. И лучше уж теплый свитер по размеру, чем гордость с простудой.

Ася подошла к шкафу и коснулась рукава серого свитера. Ткань была мягкой, дорогой, не крикливой. Все вещи были подобраны без попытки нарядить ее в чужой вкус. Никаких вызывающих платьев, никаких кружевных халатов, никаких намеков на брачную ночь. Просто одежда, в которой можно жить в холодном доме. От этого стало почему-то тяжелее. Если бы Дамир приготовил ей что-то пошлое или демонстративно роскошное, она могла бы разозлиться. А практичная забота не давала удобной опоры для злости.

- Я не просила.

- Здесь многие не просят, - сказала Тамара Петровна. - Иногда им все равно дают необходимое.

- А если я не хочу брать?

- Тогда не берите. Замерзните в свадебном платье. Очень достойная смерть.

Ася неожиданно фыркнула. Тамара Петровна снова посмотрела на нее чуть теплее.

- Ванная через ту дверь. Горячая вода есть, но кран слева капризный, не дергайте резко. Внизу столовая, кухня, малая гостиная и библиотека. Кабинет Дамира Сергеевича на первом этаже, дверь с темным деревом. Туда не входить без стука и разрешения. Закрытое крыло вы уже видели. Туда не входить вообще. В подвал не спускаться. На чердак тоже. Если что-то нужно - звонок у кровати и у камина. Ночью по дому лучше не ходить, если не знаете, где скрипят ступени.

- Это забота или предупреждение?

- В этом доме одно часто совпадает с другим.

Ася медленно кивнула.

- А если я все-таки захочу уйти?

- Через дверь. Не через окно. Со второго этажа неудобно.

Она рассмеялась уже открыто. Нервно, устало, но не без благодарности.

- У вас с Дамиром Сергеевичем одинаковое чувство юмора.

- Не оскорбляйте меня в первый день.

Дверь за их спиной была приоткрыта, и Ася вдруг увидела Дамира в коридоре. Он стоял у порога, прислонившись плечом к косяку, уже без пальто, в черном костюме и темной рубашке. Неясно, сколько он слышал. Судя по лицу - достаточно.

- Тамара Петровна, вы уже объяснили моей жене, как выжить в доме? - спросил он.

- В общих чертах.

- Про привидений забыли?

- У нас нет привидений. У нас память плохая, она хуже.

Дамир на секунду замолчал. И Ася почувствовала, как в комнате меняется воздух. Шутка попала туда, где под кожей проходила старая боль. Тамара Петровна тоже это поняла, но извиняться не стала. Видимо, в этом доме не только молчали, но и иногда говорили слишком точно, потому что иначе стены окончательно задушили бы живых.

- Я спущусь на кухню, - сказала она. - Анастасия Викторовна, чай через двадцать минут. Или раньше, если поймете, что свадебный корсет мешает дышать.

- Уже поняла.

- Тогда через десять.

Она вышла, оставив их вдвоем.

Дверь не закрыла.

Ася заметила это сразу. Дамир тоже, вероятно. Он даже не пошевелился, чтобы исправить. Стоял на пороге - не входя. И это вдруг стало важнее любых фраз. Он не вошел в ее комнату без приглашения. В собственном доме. К собственной жене. После свадьбы, которую все вокруг считали сделкой. Он мог бы. Никто бы не остановил. Закон, документы, фамилия - все теперь были на его стороне. Но он стоял за границей порога и смотрел на нее так, будто эта граница существует.

- Можно? - спросил он.

Ася моргнула.

- Что?

- Войти.

Она не сразу ответила. Слишком простое разрешение вдруг стало слишком сложным. В доме отца в ее комнату входили без спроса: мачеха, Милана, помощницы, иногда отец, если считал вопрос важным. Здесь мужчина, которого она боялась, спрашивал, можно ли переступить порог.

- Можно, - сказала она тихо.

Он вошел, но остановился недалеко от двери. Не сел, не прошел к окну, не стал изучать комнату, будто она принадлежит ему больше, чем ей. Хотя технически так и было. Он просто положил на стол небольшой конверт.

- Это ваши документы. Паспорт, свидетельство, копии договора. Оригинал брачного договора будет у Грановского до финального согласования.

- У меня будет мой экземпляр?

- Разумеется.

- В моей семье это не всегда разумеется.

- Я уже понял.

Она подошла к столу, взяла конверт, но не открыла.

- Почему эта комната?

- Она ближе к лестнице и дальше от закрытого крыла.

- Безопасная?

- Удобная.

- Вы избегаете слова "безопасная"?

- Да.

Ася посмотрела на него.

- Почему?

- Потому что безопасность - это не свойство комнаты. Это свойство ситуации. А ситуация у нас плохая.

- Прекрасно. Первый день брака, и вы уже честны до депрессии.

- Вы предпочли бы, чтобы я сказал: "Не волнуйтесь, дорогая, теперь вы под моей защитой"?

- Звучит ужасно.

- Вот именно.

Он сказал это так спокойно, что она снова почти улыбнулась, но тут же вспомнила Мила-нин голос: “Он не человек, с которым можно договориться улыбкой”. Может быть, это правда. А может быть, улыбка рядом с ним просто должна быть не оружием, а редким побочным эффектом.

- Зачем вы согласились на этот брак? - спросила она.

- Уже спрашивали.

- Вы не ответили.

- Ответил частично.

- Мне нужна полная версия.

- А мне нужно понять, сколько вы знаете.

- Ничего.

- Это тоже ответ.

- Дамир Сергеевич.

- Да?

- Я устала от того, что все вокруг знают о моей жизни больше меня.

Он смотрел на нее несколько секунд. Потом прошел к окну, но не вглубь комнаты, а чуть в сторону, оставляя между ними расстояние. За стеклом темнел лес.

- Ваш отец много лет прячет документы, которые касаются смерти моего брата, банкротства моей семьи и, возможно, смерти вашей матери. Он боится, что я доберусь до них. Вы - единственный человек в его доме, который связан с Еленой Андреевной не выгодой, а кровью. И единственный человек, которого он решил убрать из дома именно сейчас. Этого достаточно для начала?

У Аси закружилась голова.

Она опустилась на край кресла, потому что ноги вдруг стали ватными.

- Моя мать правда была связана с вашим братом?

- Да.

Слово ударило сильнее, чем она ожидала, хотя уже видела фотографию. Все равно одно дело - пиксельная фигура на старом снимке, другое - спокойное подтверждение из уст человека, для которого это не семейная сплетня, а часть расследования.

- Как?

- Не знаю точно.

- Вы врете.

- Нет. Я могу строить версии, но факты неполные.

- Какие версии?

- Не сегодня.

- Почему?

Он повернулся от окна.

- Потому что вы приехали сюда час назад, в чужом платье, с ножом в сумке и лицом человека, который три дня не спал. Если я сейчас вывалю на вас все версии, вы либо решите, что я манипулирую, либо сломаетесь, либо начнете делать глупости. Мне не подходит ни один вариант.

Ася вскочила.

- Вам не подходит?

- Да.

- Простите, что мое состояние мешает вашей стратегии.

- Мешает.

- Вы невозможны.

- Часто слышал.

- Наверное, от женщин, которые потом уезжали за границу?

Он застыл.

Фраза вырвалась слишком быстро, ядовитая, рожденная не только злостью, но и страхом. Ася поняла это сразу. И пожалела тоже сразу. Но слово уже упало, и поднять его было нельзя.

Лицо Дамира не изменилось резко. Он не сорвался, не шагнул к ней, не повысил голос. Но что-то закрылось. Та малая, почти человеческая открытость, которая появилась между ними в машине и на пороге комнаты, исчезла, будто в доме захлопнули тяжелую дверь.

- Милана хорошо поработала, - сказал он.

Ася сжала пальцы.

- Я не обязана игнорировать предупреждения только потому, что они исходят от людей, которым я не доверяю.

- Не обязаны.

- Тогда ответьте.

- На что именно?

- Вы опасны с женщинами?

Он подошел ближе. Не вплотную. Но достаточно, чтобы она снова почувствовала его рост, силу, присутствие, темную плотность его взгляда. Дверь оставалась открытой. Это держало ее на месте лучше любых обещаний.

- Я опасен, Анастасия, - сказал он тихо. - Для тех, кто врет мне в лицо. Для тех, кто продает людей. Для тех, кто думает, что чужая смерть - удобная строка в договоре. Для тех, кто трогал моего брата. Возможно, для вашего отца. Возможно, для вашей мачехи. Возможно, для половины людей, которые сегодня делают вид, что поздравляют нас мысленно. Но если вы спрашиваете, собираюсь ли я принуждать вас к чему-либо, потому что теперь у меня есть бумага и кольцо, - нет.

Она молчала.

Он продолжил уже холоднее:

- Супружеских обязанностей я не требую. Ни сегодня. Ни завтра. Никогда, если вы этого не захотите. Комната ваша. Дверь запирается изнутри. Ключи у вас будут. Можете поставить под ручку стул, сумку, сундук, хоть Тамару Петровну, если согласится. Мне все равно. Я не покупал себе тело, Анастасия Викторовна. И мысль, что ваша семья решила иначе, вызывает у меня не желание воспользоваться сделкой, а желание отмыть руки.

Последняя фраза ударила сильнее, чем должна была.

Не потому, что он был груб. Потому что за грубостью пряталось не презрение к ней, а отвращение к самой идее. Как будто его действительно оскорбляло не то, что ему прислали подменную жену, а то, что ее вообще могли прислать. Как вещь. Как плату. Как чужую дочь, которую не жалко положить на стол переговоров рядом с документами.

Ася должна была почувствовать облегчение.

Должна была выдохнуть. Расслабить плечи. Сказать спасибо. Обрадоваться тому, что страшная, липкая часть Миланиных намеков, кажется, не сбывается. Но вместо облегчения в груди почему-то расплозлась другая боль. Тихая, унижительная. Потому что Дамир сейчас сказал вслух то, что ее собственная семья даже не посчитала нужным отрицать: они действительно отдали ее так, будто ее тело, страх, ночи, судьба могли быть частью сделки.

- Вы так говорите, будто вам противно, - сказала она.

- Мне противно.

Она вздрогнула, хотя он не повысил голоса.

- Я поняла.

- Нет. Не вы. То, что с вами сделали.

Ася подняла глаза.

Дамир смотрел на нее жестко, почти сердито, и эта злость не была направлена на нее. Кажется. Но ей все равно хотелось отступить, потому что чужая ярость, даже если она в твою защиту, остается яростью.

- Не надо, - сказала она.

- Что?

- Не надо делать вид, что вы на моей стороне. Вы сами сказали: сначала я была пунктом в списке.

- Да.

- Вот и оставайтесь честным до конца. Вы используете этот брак. Я использую этот брак. Моя семья использовала меня. Вы, возможно, используете меня лучше, аккуратнее, с отдельной комнатой и ключом, но это не делает происходящее красивым.

Он молчал.

Ася вдруг почувствовала, что почти задыхается в платье. Шелк, кружево, фата, чужая красота - все стало невыносимым. Ей захотелось сорвать с себя этот белый слой, как бинт, под которым не рана заживает, а продолжает гнить.

- Я хочу переодеться, - сказала она.

Дамир кивнул.

- Тамара Петровна принесет чай. Если захотите спуститься, столовая внизу. Если нет - вам принесут сюда.

- Я не больная.

- Я не говорил, что больная.

- Но говорите, как с раненой.

- Вы и есть раненая.

Ася резко вдохнула.

- Не называйте меня так.

- Хорошо.

Он направился к двери. Уже на пороге остановился.

- Анастасия.

Она не ответила, но посмотрела.

- Кабинет на первом этаже действительно не трогайте. Не потому что я боюсь ваших вопросов. Потому что там есть вещи, которые могут ударить сильнее, чем вы готовы сейчас выдержать. Закрытое крыло - тоже. И имя Рустама... лучше не произносите при Тамаре Петровне без необходимости. Она любила его почти как сына.

- А вы?

Вопрос сорвался сам. Неправильный, слишком личный, слишком ранний.

Дамир застыл.

Секунду его лицо оставалось тем же. Потом в глазах мелькнуло нечто такое, от чего Асе захотелось забрать вопрос обратно, спрятать, стереть, сделать вид, что она ничего не сказала. Потому что за именем Рустама не было просто трагедии. Там была пустота, в которую Дамир, кажется, смотрел каждый день и все еще не привык к глубине.

- А я, - сказал он тихо, - не успел.

Он вышел.

Дверь осталась открытой.

Ася стояла посреди комнаты в белом платье и смотрела на пустой проем. "Не успел". Два слова. И почему-то в них было больше боли, чем во всех статьях о погибшем брате, срыве сделки, драках и банкротстве. Не успел спасти? Не успел простить? Не успел сказать что-то? Не успел понять? Она не знала. Но впервые имя Рустама перестало быть пунктом в скелете интриги и стало живым отсутствием, от которого в этом доме потемнели коридоры.

Тамара Петровна вернулась через несколько минут без стука, но остановилась у открытой двери.

- Можно?

Ася почти рассмеялась. В доме Отморозка люди спрашивали разрешения войти чаще, чем в доме ее отца.

- Можно.

- Чай через пять минут. Помочь с платьем?

Ася хотела сказать “сама”, но посмотрела на длинный ряд пуговиц, на сложную застежку, на кружево, в котором можно было запутаться и разорвать от злости. Гордость устало опустила оружие.

- Да. Пожалуйста.

Тамара Петровна закрыла дверь. Не заперла. Просто закрыла, создавая между Асей и коридором тонкое пространство частной жизни. Потом подошла к ней сзади и начала расстегивать пуговицы - быстро, умело, без лишней суеты.

- Он не должен был говорить с вами так сразу, - сказала она.

- О супружеских обязанностях?

- Обо всем.

- А как должен был?

- Дать чаю, дать переодеться, дать поспать. Потом уже разрушать остатки вашего представления о мире.

Ася неожиданно улыбнулась. Улыбка быстро погасла.

- Мне кажется, остатки разрушили до него.

- Не все. У молодых всегда остаются остатки. Даже когда они думают, что уже все поняли.

Пуговицы расстегивались одна за другой. Платье постепенно отпускало тело. Ася стояла перед зеркалом и видела, как белая ткань ослабевает на плечах. Словно с нее снимают не наряд, а роль, написанную чужими руками.

- Тамара Петровна, - сказала она тихо. - Он правда не...

Она не смогла договорить. Слова застряли, став слишком унижительными.

Старая женщина остановилась. В зеркале их взгляды встретились.

- Если вы спрашиваете, способен ли Дамир Сергеевич быть жестоким, - да. Если спрашиваете, способен ли он сорваться, - да. Если спрашиваете, страшен ли он тем, кто перешел ему дорогу, - еще как. А если спрашиваете, тронет ли он женщину против ее воли, - нет. Не потому, что святой. Святых в этом доме не держат. Потому что есть вещи, после которых человек перестает быть человеком, а Дамир Сергеевич, как бы ни старался убедить всех в обратном, человеком быть еще не перестал.

Ася смотрела на нее в зеркале и чувствовала, как внутри медленно, осторожно, болезненно ослабевает узел, затянутый Миланиными словами. Не развязывается. Но уже не душит так сильно.

- Вы его защищаете.

- Да.

- Потому что он ваш хозяин?

Тамара Петровна фыркнула.

- Девочка, хозяева приходят и уходят. Дом остается. Я защищаю тех, кто в этом доме еще живой.

- А я?

Старая женщина закончила с пуговицами и помогла Асе снять платье с плеч.

- А вы пока гостя, которая думает, что ее привезли в логово зверя. Посмотрим, кем станете.

Платье скользнуло вниз тяжелой белой волной. Ася осталась в тонком белье, с мурашками на коже и странным ощущением освобождения. Тамара Петровна бережно подняла шелк, не бросила, не скомкала, а повесила на плечики. Даже чужое платье она обращала с достоинством. Возможно, потому что вещь не виновата в том, что люди делают ее символом подлости.

- Ванная там. На стуле халат и домашняя одежда. Я подожду за дверью, если нужно.

- Не нужно. Спасибо.

- Нож лучше положите в ящик у кровати, если хотите, чтобы был под рукой. В сумочке долго искать.

Ася застыла.

- В этом доме вообще кто-нибудь делает вид, что ничего не замечает?

- Делали. Плохо закончилось.

И она вышла.

Ася приняла душ долго, почти до боли горячий. Смывала с кожи не макияж даже, не следы свадебного дня, а чужие руки, взгляды, слова. Платье Миланы. Пальцы визажистки. Воздушный поцелуй мачехи. Отцовское “помни, что ты Лебедева”. Тяжесть регистрационного зала. Холод кольца. Все стекало в воду, но не исчезало полностью. Некоторые вещи не смываются. Они просто меняют место и оседают глубже.

Когда она вышла из ванной, комната показалась чуть теплее. На столе стоял поднос: чайник, чашка, маленькие бутерброды, тарелка с сырниками, мед в крошечной пиале. Ася вдруг поняла, что почти не ела весь день. Желудок сжался от голода и нервов одновременно.

Она надела серый домашний костюм из шкафа - мягкий, теплый, слишком удобный, чтобы злиться на него долго. Кольцо на пальце в этом простом виде стало заметнее. Не свадебным украшением, а знаком, который никуда не делся вместе с платьем. Она попыталась снять его. Не потому, что хотела прямо сейчас отказаться от брака, а потому что нужно было проверить, может ли. Кольцо снялось легко. Ася подержала его на ладони. Маленький холодный круг. Потом снова надела. Пока - надела сама. Это почему-то имело значение.

Она выпила чай, съела половину сырника, потом все-таки положила нож в ящик тумбочки. Фотографию матери поставила на письменный стол, прислонив к лампе. Мама смотрела с маленького снимка молодо, светло, почти радостно. В комнате Воронцова - нет, уже не Воронцова, в своей временной комнате в его доме - это фото выглядело чужим, но нужным. Как свеча в месте, где не знают, молиться или воевать.

Через некоторое время раздался стук.

- Да?

Дверь открылась. На пороге стоял Дамир. В руках у него была еще одна папка - не синяя, как у отца, а темно-серая, плотная.

- Можно?

Ася посмотрела на него, потом на открытый ящик тумбочки. Нож там. До него три шага. Глупая мысль, но она отметила расстояние автоматически.

- Можно.

Он вошел и положил папку на стол, рядом с конвертом документов.

- Это не по вашему делу. Не сегодня.

- Тогда что?

- План дома.

Она удивленно посмотрела на него.

- План?

- Да. Чтобы не пришлось ночью бродить наугад, если захотите воды, воздуха или сбежать.

- Вы настойчиво продвигаете идею побега.

- Я предпочитаю, чтобы люди знали, где выходы.

Ася открыла папку. Внутри действительно лежала схема дома. Первый этаж, второй, служебные помещения, лестницы, выходы, отмеченные красным, закрытые зоны - серым. Кабинет был помечен отдельно. Закрытое крыло - толстой черной линией. Подвал и чердак тоже.

Она провела пальцем по коридору второго этажа.

- Вы всем новым жильцам выдаете карту?

- У меня не бывает новых жильцов.

- Тогда я польщена.

- Не стоит. Дом большой. Умирать от гордости, заблудившись между кладовкой и бельевой, не лучший финал.

Она снова почти улыбнулась.

- А если я по этой карте найду закрытое крыло?

- Вы и без карты его нашли бы.

- Вы очень высокого мнения о моем любопытстве.

- О вашей злости. Любопытство мягче.

Он стоял недалеко от стола, и теперь, без свадебного костюма на ней, без чужого платья, без людей вокруг, его присутствие ощущалось иначе. В регистрационном зале он был ударом по пространству. Здесь, в комнате, он был опасной тишиной. Ася вдруг очень ясно поняла: да, он обещал не требовать супружеского. Да, дверь запирается. Да, он спрашивает разрешения войти. Но от этого он не становится безопасным в привычном смысле. Он слишком много видит, слишком мало смягчает, слишком спокойно говорит о вещах, от которых другие отводят глаза. Рядом с ним трудно спрятаться даже в одежде.

- Тамара Петровна сказала, что в доме не задают вопросов о Рустаме, - сказала Ася.

Лицо Дамира почти не изменилось.

- Правильно сказала.

- А если мне придется?

- Тогда выбирайте момент. И адресата.

- Вы - адресат?

- Не сегодня.

- У вас на все ответ "не сегодня".

- Потому что сегодня вы стали моей женой, переехали в дом, который считали берлогой, узнали, что ваша мать связана с моей семьей, и все еще пытаетесь не признать, что хотите спать сильнее, чем спорить.

- Я не хочу спать.

- Хотите.

- Не указывайте мне, что я хочу.

- Хорошо. Тогда не спите. Ходите по комнате до утра, придумывайте, как меня ненавидеть эффективнее. Только дверь закройте. Не от меня.

Ася напряглась.

- А от кого?

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

- От привычки этого дома ходить за живыми.

Холод снова прошел по коже.

- Вы сейчас про привидений?

- Нет. Про память.

- Вы умеете объяснять так, чтобы стало хуже.

- Это семейный талант.

- Вы же сказали, у вас с семьей мало общего.

- К сожалению, не все выбираешь.

Он направился к выходу, но Ася вдруг спросила:

- Почему комната отдельная?

Дамир остановился.

- Вы предпочли бы общую?

- Не увиливайте. Вы могли бы поселить меня в своей спальне. Чтобы показать отцу, что сделка завершена. Чтобы показать мне, кто здесь решает. Чтобы... не знаю. Чтобы соответствовать репутации.

Он медленно повернулся.

- Я не настолько зависим от мнения вашего отца, чтобы доказывать ему, что сплю со своей женой.

От этой фразы Ася вспыхнула. Не потому, что он сказал грубо, а потому что грубость была точной. Она сама затронула эту тему. Сама вынесла на поверхность самое унижительное.

- Я не это имела в виду.

- Именно это.

- Вы невыносимы.

- Да. Но комната отдельная не поэтому.

- А почему?

Он смотрел на нее спокойно, почти устало.

- Потому что человек, которого привезли в чужой дом после принудительной сделки, должен иметь дверь, которую может закрыть. И кровать, где не нужно ждать, что кто-то ляжет рядом без разрешения. Это не благородство, Анастасия. Это санитарный минимум.

Санитарный минимум.

Ей вдруг захотелось отвернуться. Потому что эта фраза, сухая, почти грубая, задела глубже любой нежности. Он не пытался выглядеть хорошим. Не говорил, что уважает ее, что понимает, что защитит. Он говорил о норме, которая должна была быть очевидной любому человеку. И именно поэтому стало так больно: ее семья не предложила ей даже этого минимума. Никто перед свадьбой не сказал: «Если он попытается тебя тронуть, звони». Никто не дал запасной ключ, адрес, план отхода, своего юриста. Они учили ее улыбаться, молчать и не позорить фамилию. А Отморозок из леса дал ей отдельную комнату и карту выходов.

- Вы сейчас выглядите так, будто хотите сказать спасибо и вас это бесит, - сказал Дамир. Ася подняла на него глаза.

- Вы сейчас выглядите так, будто хотите, чтобы я сказала спасибо.

- Нет. Благодарность связывает хуже долга.

- Тогда чего вы хотите?

Он помолчал.

- Чтобы вы поняли: если однажды что-то между нами случится, это не будет продолжением сделки вашего отца. И не будет платой за крышу. И не будет потому, что вам страшно отказать. И пока вы этого не поймете, ничего не случится.

Воздух в комнате стал слишком плотным.

Ася смотрела на него и впервые за день ощутила не только страх и злость. Что-то еще - неправильное, опасное, совершенно неуместное. Не желание даже. Скорее признание того, что перед ней мужчина, который не просит доверия, но почему-то делает невозможным прежний простой ужас. Миланина страшилка трещала. На ее месте появлялся другой страх - сложнее. Страх не того, что он ее сломает силой. Страх того, что он может оказаться человеком, рядом с которым придется заново решать, где правда, где игра, где защита, где расчет, где ненависть, а где начало чего-то, о чем сейчас думать было нельзя.

- Вы слишком много объясняете для человека, который не любит комплименты, - сказала она тихо.

- Это не комплимент.

- Знаю. Вы предупреждаете.

- Учитесь быстро.
- Жизнь заставила.
- Он кивнул, как будто принял ответ.
- Заприте дверь, когда я выйду.
- От памяти?
- От всего, чему вы пока не доверяете.
- Включая вас?
- Включая меня.

Он вышел.

Ася подошла к двери и повернула ключ.

Щелчок прозвучал негромко, но в тишине комнаты показался почти громовым. Она стояла, прижав ладонь к дереву, и прислушивалась. Шаги Дамира удалялись по коридору. Потом стихли. Где-то внизу звякнула посуда. В трубах тихо вздохнул старый дом. За окном лес темнел под снегом.

Она была одна.

В чужом доме. В доме мужа. В доме Отморозка. В комнате, которая запиралась изнутри.

Ася отошла от двери, подошла к столу и снова посмотрела на фотографию матери. Потом на карту дома. На черную линию закрытого крыла. На серый прямоугольник кабинета. На красные отметки выходов.

Ее отправили сюда как вещь.

Но вещи не получают карту.

Вещи не задают вопросов.

Вещи не умеют запирать дверь изнутри и решать, когда ее открыть.

Ася медленно сняла фату, которую почему-то все еще не убрала, сложила ее на спинку кресла и посмотрела в темное окно. В отражении она увидела женщину в сером домашнем костюме, с кольцом на пальце, с усталыми глазами и прямой спиной. Уже не невесту в чужом платье. Еще не хозяйку. Не пленницу. Не свободную.

Пока - гостью в доме, где память ходит за живыми.

И где мужчина, которого она должна была бояться, оказался не менее страшным оттого, что первым делом дал ей ключ.

Глава 6. Первая брачная ночь

Ночь в доме Воронцова наступала иначе, чем в доме Лебедевых. Там темнота была управляемой: шторы на пультах, мягкая подсветка вдоль коридоров, датчики движения, свет в саду, охрана у ворот, камеры, ровное гудение вентиляции и дорогая привычка богатых людей не оставлять ни одного угла по-настоящему темным. Даже ночью тот дом не спал, а продолжал следить за собой, за фасадом, за порядком, за тем, чтобы ничто живое не нарушило идеально выставленную композицию. Здесь же темнота приходила не как режим освещения, а как хозяин. Она поднималась из сада, стекала с черных сосен, ложилась в углах, собиралась под лестницей, густела за стеклами окон и впитывалась в старые стены так естественно, будто дом был построен не из камня и дерева, а из памяти, холода и невысказанных имен.

Ася поняла это, когда после чая осталась в комнате одна и впервые услышала, как дом живет без людей. Днем, при голосах Дамира и Тамары Петровны, при стуке посуды внизу, при хлопке входной двери, когда Артем заносил какие-то коробки, старый особняк казался просто большим, строгим и немного больным. Ночью он стал другим. Где-то далеко, за стеной, потрескивали трубы. Ветер проходил по фасаду и царапал стекло ветками, будто кто-то осторожно проводил ногтями по окну. В коридоре иногда вздыхали половицы, хотя шагов не было. Камин в ее комнате не горел, но от него тянуло слабым запахом старой золы, словно когда-то здесь много раз ждали тепла, а потом перестали просить. Даже тишина была не пустой. Она казалась населенной теми, кого в доме уже не называли без необходимости.

Ася сидела на кровати в сером домашнем костюме, поверх которого накинула темно-синий плед, и смотрела на запертую дверь. Ключ торчал в замке с ее стороны. Чуть ниже, под ручкой, стоял стул. Еще через полчаса после ухода Дамира она, разозлившись на себя, убрала его. Потом, услышав в коридоре непонятный скрип, поставила обратно. Потом снова убрала. Потом, уже почти смеясь от бессилия, поставила не стул, а небольшой чемодан с вещами, которые все-таки привезли из дома Лебедевых ближе к вечеру. Не потому, что чемодан мог кого-то остановить. Просто ей нужно было видеть препятствие. Нужно было доказательство, что между ней и всем остальным миром есть хотя бы что-то, кроме вежливого обещания мужчины с тяжелым взглядом.

Дамир сказал: “Дверь запирается изнутри”.

Дамир сказал: “Супружеских обязанностей я не требую”.

Дамир сказал: “Если однажды что-то между нами случится, это не будет продолжением сделки вашего отца”.

Все это звучало правильно. Более чем правильно. Даже слишком правильно для человека, которого город называл Отморозком, а Милана - опасным. Но тело верило словам медленнее, чем разум. Тело помнило другие голоса. Миланин шепот: “Он закрывает дверь”. Ларису Аркадьевну: “Мужчина, у которого отняли все, плохо понимает, где заканчивается месть и начинается чужая жизнь”. Отца, который не сказал ни слова о ее безопасности, зато велел держаться достойно. Платье Миланы, расстегнутое чужими руками. Регистрационный зал, где она сказала “да” не из любви, а потому что “нет” могло убить память о матери. Кольцо на пальце. Холодный камень. Черный лес за окном.

Она попыталась читать брачный договор, который Дамир оставил в конверте, но строчки расплывались перед глазами. Юридический язык был сухим, почти успокаивающим, если забыть, что за ним стояла ее жизнь: раздельное имущество, неприкосновенность личных счетов, отдельное проживание внутри одного дома по взаимному желанию сторон, запрет на принуждение к публичным заявлениям, возможность расторжения через шесть месяцев без материальных претензий со стороны мужа. Ася перечитала последний пункт дважды. Потом еще

раз. Шесть месяцев. Значит, у брака был срок. У сделки был выход. У клетки, если это клетка, была формально прописанная дверца.

Она должна была почувствовать облегчение.

Но чем больше она читала, тем сильнее внутри поднималось другое чувство - злость. Потому что этот договор, составленный людьми Дамира, защищал ее лучше, чем собственная семья. Отец, выдавая ее замуж, не спросил, есть ли у нее юрист. Мачеха учила ее не позорить фамилию. Милана плакала о собственном спасении. А человек, которого все они называли опасным, подготовил пункт о ее праве уйти. Разве это не было еще одним унижением? Быть защищенной чужим мужчиной от родных людей. Понимать, что твой новый муж, которому ты не веришь и не обязана верить, оказался внимательнее к границам, чем отец, носивший тебя на руках в детстве.

Она отложила договор и подошла к окну. За стеклом было почти ничего не видно, только смутные очертания сада и темная полоса леса за ним. Вдалеке, наверное у ворот, горел один фонарь, но свет его не доходил до дома, а лишь намечал в темноте маленькую точку, за которой начиналась дорога обратно. Обратно куда? В дом Лебедевых? В комнату, где ее вещи уже, возможно, разобраны без нее? К отцу, который держит папку о матери? К Милане, которая не спустилась на свадьбу? Нет. Дорога обратно существовала на карте, но не в жизни. Жизнь после регистрации шла только вперед - вглубь этого дома, вглубь чужих тайн, вглубь человека, который за один день успел и испугать ее, и дать ей ключ.

Ася подняла руку и посмотрела на кольцо. В слабом свете настольной лампы камень казался почти бесцветным, только в самой глубине мерцал ледяной отблеск. Она снова попыталась представить, что Милана носит это кольцо. Не смогла. На сестре оно выглядело бы слишком резким, слишком холодным, слишком честным. Милана любила вещи, которые подтверждали ее красоту. Это кольцо не подтверждало ничего. Оно требовало выдержать его.

Она сняла его. Поддержала на ладони. Положила на стол рядом с фотографией матери.

Потом испугалась собственного жеста, взяла и снова надела.

- Глупая, - сказала она себе тихо.

В ответ дом скрипнул где-то внизу.

Ася вздрогнула так резко, что плед соскользнул с плеч.

Она прислушалась. Шаги? Нет. Или да? В старом доме любой звук казался шагом, если уже ждешь, что кто-то подойдет к двери. Она несколько секунд стояла неподвижно, потом быстро подошла к тумбочке и открыла ящик. Нож лежал там, маленький, почти смешной. Она взяла его в руку, не раскрывая. Металл был холодным, рукоять чуть шероховатой. "Держите ближе к большому пальцу, если придется открыть одной рукой", - сказал Дамир в холле. Невыносимый человек. Даже в ее страх он умудрился войти не угрозой, а инструкцией.

Снова скрип.

Теперь точно ближе.

Она медленно повернулась к двери.

Тишина.

Потом - стук.

Не резкий. Не властный. Два коротких удара костяшками пальцев. Пауза. Еще один.

Ася застыла.

Сердце сразу ушло в горло. В голове вспыхнули все предупреждения, все слухи, все слова, которыми ее последние дни то пугали, то готовили, то унижали. Первая брачная ночь. Муж за дверью. Старый дом. Плохая связь. Ключ в замке. Чемодан под ручкой. Маленький нож в руке. Она вдруг почувствовала себя не женщиной, не женой, не участницей расследования, а телом, которое слишком хорошо понимает свою уязвимость. В теле не было гордости. Только быстрое дыхание, ледяные пальцы и пустой, животный расчет расстояний: до двери -

четыре шага, до окна - семь, до телефона - на столе, но связи почти нет, до крика - сколько? Кто услышит? Тамара Петровна? Дамир? Если за дверью он сам, кто тогда услышит правильно?

- Анастасия.

Его голос.

Не громкий. Спокойный. За дверью.

- Откройте, пожалуйста.

“Пожалуйста” прозвучало настолько неожиданно, что страх не исчез, но споткнулся. Ася не ответила. Нож все еще лежал в ладони, закрытый. Вторая рука сама потянулась к горлу, будто можно было удержать дыхание снаружи.

- Я не войду без разрешения, - сказал Дамир после паузы. - Но мне нужно вернуть вашу вещь.

Вещь.

Внутри что-то неприятно дернулось.

- Какую? - спросила она.

Голос получился хриплым.

- Телефон.

Ася посмотрела на стол. Ее телефона там не было.

Она не сразу это поняла. До этого момента ей казалось, что он где-то рядом, что она просто оставила его в сумочке, в ванной, на подоконнике, среди документов. Но нет. На столе лежали договор, карта дома, фотография матери, чашка с остывшим чаем, кольцо уже снова на пальце, ручка, салфетка. Телефона не было. Она резко обернулась к сумочке, открыла ее, потом чемодан, потом снова стол. Ничего.

Память вспыхнула запоздало: в машине утром она держала телефон в руке. Потом здание регистрации. Потом документы. Потом пальто. Потом... Отец. Перед выходом из малого зала отец подошел к ней, сказал что-то о вещах и “внешней картине”. Она тогда была слишком взвинчена, чтобы заметить, как он взял ее телефон? Или телефон забрали еще раньше, когда Вика поправляла фату? Для ее же спокойствия. Как удобно. Ее уже не первый раз лишали связи, называя это заботой.

- Откуда он у вас? - спросила она.

- От вашего отца.

Холод, который только что был страхом перед Дамиром, сменился другим. Старым. Семейным. Более привычным, но от этого не менее омерзительным.

- Он отдал вам мой телефон?

- Грановскому. Попросил “передать позже”, чтобы вы не нервничали в дороге.

Ася медленно закрыла глаза.

Конечно.

Даже после свадьбы отец продолжал распоряжаться тем, что принадлежало ей. Телефон. Связью. Возможностью позвонить. Возможностью сказать кому-то, где она. Оставить себе последнюю нитку - и ту решили выдать дозированно, через руки нового мужа. Для ее спокойствия. Всегда для ее спокойствия.

- Положите под дверь, - сказала она.

За дверью молчали.

- Не получится.

- Почему?

- Там чемодан.

Ася посмотрела на чемодан, подпирающий ручку, и почувствовала, как щеки загораются. От стыда. От злости. От того, что он, конечно, все понимает. Слышит, как она стоит по ту сторону и держит оборону от человека, который пришел вернуть телефон.

- Отойдите, - сказала она.

- Отошел.

Она не поверила сразу. Подошла к двери, прислушалась. Тишина. Потом сделала то, что показалось ей одновременно разумным и жалким: приоткрыла дверь на длину цепочки, хотя цепочки не было, потому что в старом доме не ставили такие мелкие городские защиты на спальни. Пришлось сначала убрать чемодан, потом повернуть ключ, потом открыть дверь узкой щелью, оставив ногу так, чтобы можно было быстро захлопнуть.

Дамир действительно стоял на расстоянии. Не у самого порога, а на два шага дальше, в полутемном коридоре. На нем уже не было пиджака, только темная рубашка с закатанными рукавами. Волосы слегка растрепались, на лице лежала усталость, которая делала его не мягче, а опаснее - как человека, слишком долго державшего себя в руках. В одной руке он держал ее телефон. В другой - тонкий зарядный кабель.

Он посмотрел на щель двери, на ее лицо, потом ниже - на руку, в которой она сжимала нож. Нож был закрыт, но это мало что меняло.

- Хорошо, что переложили, - сказал он.

- Что?

- Нож. Из пальто.

Она вспыхнула.

- Вы пришли оценить мою технику самообороны?

- Нет. Вернуть телефон.

- Тогда возвращайте.

Он протянул аппарат, но не подошел ближе. Ей пришлось открыть дверь шире. Не полностью, но достаточно, чтобы дотянуться. Пальцы коснулись корпуса, и она дернула телефон к себе чуть резче, чем нужно. Дамир отпустил сразу.

- Пароль не снимали, - сказал он. - Сим-карта на месте. Ваш отец хотел, чтобы устройство осталось у него "до утра". Я решил, что семейные традиции конфискации личных вещей можно прервать сегодня.

Ася посмотрела на телефон. Экран мигнул - шесть пропущенных уведомлений, несколько сообщений, одно от студии, одно от неизвестного номера, два от Миланы, одно от отца. Сигнал слабый, но был.

- Спасибо, - сказала она, и слово вышло сухим, почти сердитым.

- Не звучит как спасибо.

- Я еще не решила, благодарить вас или подозревать.

- Делайте и то и другое. Экономит время.

Она подняла глаза.

Он стоял в коридоре и смотрел на нее без насмешки. Это было хуже. Насмешку можно оттолкнуть. Серьезность заставляла отвечать серьезно.

- Почему вы принесли сами? - спросила она. - Могли передать через Тamarу Петровну.

- Мог.

- Но не передали.

- Да.

- Почему?

Дамир посмотрел в сторону темного коридора, потом снова на нее.

- Хотел посмотреть, заперли ли вы дверь.

Ася крепче сжала нож.

- Проверяли, послушалась ли?

- Проверял, достаточно ли вы боитесь, чтобы думать о безопасности.

- И?

- Достаточно.

- Поздравляю. Милана бы вами гордилась.

В его глазах мелькнуло что-то тяжелое.

- Милана слишком много говорила для человека, который слишком мало знает.

- Она хотя бы честно сказала, что боится.

- Нет, - сказал Дамир тихо. - Она честно сказала, что хочет, чтобы боялись вы.

Фраза ударила точно. Ася это знала. Где-то глубоко уже знала. Миланин страх был настоящим, но переданный Асе, он стал еще и способом оправдаться. Если Дамир чудовище, значит, Милана не предала сестру, а спасла себя. Если в его доме опасно, значит, Ася должна не злиться на подмену, а понимать, почему сестра не могла иначе. Страх, как и вина, в их семье всегда старались переложить на того, кто меньше защищен.

- Вы не знаете Милану, - сказала Ася.

- Знаю достаточно.

- По одной встрече?

- По тому, как она позволила вам оказаться здесь.

- А вы позволили.

Он принял удар молча.

- Да.

Это “да” снова вывело ее из равновесия. С ним было трудно спорить, потому что он не защищался там, где мог бы соврать красиво. Он признавал неудобное - и этим лишал ее привычной возможности пробить стену отрицания.

- Тогда не делайте вид, что вы лучше, - сказала она.

- Я не лучше.

- Просто полезнее?

- Иногда.

- Для кого?

- Сегодня - для вас. Телефон у вас.

Она почти рассмеялась, но смех застрял.

- Какая мелочь.

- Нет. Не мелочь.

Он сказал это так резко, что она замолчала.

Дамир сделал шаг ближе, но остановился до порога. Его взгляд скользнул по двери, по ключу, по чемодану, отодвинутому в сторону, по ее побелевшим пальцам на рукояти ножа.

- Никогда не позволяйте никому забирать у вас связь, документы и деньги, - сказал он. - Никому. Даже тем, кто говорит “для вашего спокойствия”. Особенно им.

Ася смотрела на него и вдруг почувствовала, что ее злость начинает трескаться в самом неудобном месте. Потому что это было не нравоучение. Это был закон выживания. И, судя по его лицу, он выучил его не из книжек.

- Вы говорите как человек, у которого уже забирали, - сказала она.

Он не ответил.

Коридор за его спиной тянулся в темноту. Где-то внизу часы пробили половину двенадцатого. Удар был глухой, старый, будто время в этом доме не шло, а падало в колодец.

- Вам что-то еще нужно? - спросила Ася.

Дамир посмотрел на нее.

- Да.

Она напряглась.

Он заметил. Конечно, заметил. И именно это, кажется, заставило его лицо стать еще холоднее.

- Разговор.

- Ночью?

- Первая брачная ночь. По традиции супругам положено провести ее вместе.

Ася мгновенно отступила на полшага. Нож в ладони вдруг перестал казаться смешным.

Дамир увидел это и замолчал. В его лице не было обиды. Только что-то темное, жесткое, будто он сам себе мысленно влепил пощечину за неудачную фразу.

- Плохая шутка, - сказал он.

- Очень.

- Я не войду.

- Уже легче.

- Но разговор нужен. Здесь, в коридоре, если так спокойнее.

Ася хотела сказать “мне вообще не спокойнее”. Хотела закрыть дверь. Хотела лечь, уткнуться лицом в подушку и не слышать ни его, ни дом, ни собственные мысли. Но телефон в руке, возвращенный ей им, тяжелеет как аргумент. Отцу было выгодно, чтобы она оставалась без связи. Дамир это исправил. Не из доброты, возможно. Не из благородства. Может, из расчета. Но исправил.

- О чем разговор? - спросила она.

- О правилах.

- Вы уже дали карту дома и список запретов.

- Это правила дома. Я о нас.

Нас.

Слово снова было чужим, почти неудобным. Но от него уже нельзя было отмахнуться. По документам “нас” существовало с полудня. К вечеру оно вошло в дом. Ночью стояло в коридоре между открытой дверью и человеком с ножом.

Ася медленно открыла дверь чуть шире, но с порога не ушла.

- Говорите.

Дамир кивнул, будто принял ее условия.

- Первое. Я не требую от вас близости, изображений счастливой жены или отчетов о каждом шаге. Второе. Вы не лезете в мой кабинет, закрытое крыло и личные бумаги без разрешения. Третье. Если ваш отец, мачеха, сестра или кто-либо из их людей попытаются через вас получить сведения из этого дома, вы говорите мне.

Ася прищурилась.

- Вот мы и добрались.

- До чего?

- До настоящего. Вы вернули телефон, потому что хотите контролировать, кто мне пишет.

- Нет.

- Нет?

- Если бы хотел контролировать, оставил бы телефон у себя и выдавал по расписанию, как ваш отец.

Это было неприятно точно.

- Тогда зачем вам знать, кто мне пишет?

- Потому что ваша семья не отпустила вас, Анастасия. Они просто переместили вас ближе ко мне.

Она застыла.

- Вы думаете, меня прислали шпионить?

- Да.

Ответ был таким прямым, что ее сначала обожгло, потом разозлило.

- Прекрасно. Может, сразу обыщите комнату? Вдруг в фате передатчик, а в сырниках кодовое послание.

- Если передатчик есть, его ставили не вы.

- Ах, как великодушно.

- Это не великодушие. Вы слишком злы, чтобы хорошо шпионить.

Она задохнулась от возмущения.

- Простите?

- Шпион должен уметь притворяться лояльным. Вы на второй минуте знакомства сообщили мне, что вас продали, а после регистрации записались в очередь мстить собственной семье. Плохая легенда.

- Вы невыносимо самоуверенны.

- Зато наблюдателен.

- Я могу шпионить из принципа. Чтобы доказать, что вы ошиблись.

- Можете. Тогда предупреждайте заранее, чтобы я не пропустил спектакль.

Она вдруг поняла, что почти опять улыбается - и от этого разозлилась еще сильнее.

- Вы серьезно считаете, что отец отправил меня сюда как глаза и уши?

- Ваш отец ничего не делает только по одной причине. Он убрал вас из дома, привязал ко мне браком, оставил при себе часть информации о вашей матери, попытался забрать у вас телефон и, вероятно, рассчитывает, что страх заставит вас зависеть от него даже здесь. Да. Я считаю, что он попытается использовать вас. Вопрос только в том, понимаете ли вы это раньше, чем он дернет за поводок.

Слово “поводок” ударило слишком болезненно.

- У меня нет поводка.

- Тогда почему телефон оказался у него?

Она не нашла ответа сразу.

В коридоре было холодно. Или это ее саму знобило. Ася вдруг слишком ясно вспомнила, как отец говорил: “Ты будешь вести себя достойно”. Как мачеха учила улыбаться. Как Милана просила не говорить Дамиру, что именно она отказалась. Как все они продолжали говорить с ней так, будто свадьба не прервала их власти, а просто расширила территорию этой власти до дома Воронцова.

- Я не буду на них работать, - сказала она тихо.

- Хорошо.

- Но я и на вас работать не буду.

- Еще лучше.

- Не манипулируйте.

- Пытаюсь не делать этого грубо.

- То есть делаете тонко?

- Учусь у ваших родственников на отрицательных примерах.

Она посмотрела на него с ненавистью, которая уже не была настоящей полностью. Слишком много усталости примешалось. Слишком много правды.

- Вы согласились на этот брак ради мести, - сказала она. - Не надо делать вид, что вас волнует моя свобода. Вы сами сказали: я сначала была пунктом. Ваша возможность войти в семью Лебедевых. Достать отца. Найти документы. Вы ничем не лучше их, просто у вас красивее формулировки и мрачнее дом.

Дамир молчал.

Ася почувствовала, как в ней разгорается то, что копилось весь день, всю неделю, возможно, годы. В доме Лебедевых ее злость всегда обрывали. Здесь она вдруг текла дальше, потому что человек напротив не велел ей замолчать. И от этого злость стала почти свободной.

- Вы думаете, я не понимаю? - продолжила она. - Моя мать, ваш брат, старые сделки, банкротство, папка, закрытое крыло, кабинет, куда нельзя входить. Все вокруг меня используют. Отец - чтобы заткнуть дыру в соглашении и спрятать прошлое. Милана - чтобы спасти свою красивую жизнь. Лариса - чтобы сохранить дочь. Вы - чтобы добраться до правды и отомстить. И каждый при этом так убедительно объясняет, что мне же будет лучше, если я стану

удобнее. Так вот нет. Я не ваша приманка, не ваша жена в настоящем смысле, не ваша дверь к Лебедевым и не чужая жертва, которую можно переставлять по доске.

Она замолчала, потому что голос сорвался.

Дамир смотрел на нее долго. Не перебивал. Не защищался. И чем дольше молчал, тем сильнее Ася ощущала, как дрожит. Только теперь она дрожала не от страха перед ним, а от того, что наконец произнесла вслух вещи, которые в доме отца приходилось глотать, пока они не становились частью крови.

- Я не трогаю чужих жертв, - сказал он наконец.

Она резко подняла глаза.

Фраза была негромкой. Но в ней что-то было. Не обещание нежности, не героический порыв, не “я тебя спасу”. Наоборот - жесткость, почти грубость. Чужих жертв. Не “бедных девушек”, не “невиновных женщин”, не “тебя”. Жертв. Слово некрасивое, тяжелое, неприятное. Асе захотелось возразить, что она не жертва, но возражение застряло, потому что в том, как он произнес это, не было жалости сверху. Скорее признание факта войны: вражеский дом отправил к нему человека, уже раненного своими. И бить его повторно - низко даже для Отморозка.

- Я не жертва, - сказала она, но голос получился тише.

- Тогда не ведите себя как вещь, которую передали из рук в руки.

- Я и не...

- Ведете. Когда ждете, что я решу, можно вам спать спокойно или нет. Когда спрашиваете, опасен ли я с женщинами, но держите нож закрытым. Когда позволяете словам Миланы звучать громче собственных глаз. Когда спорите со мной так, будто я уже виноват в том, что вы боитесь.

- А вы не виноваты?

- В вашем страхе? Частично. В том, что вас им накормили? Нет.

Она хотела ответить, но вдруг осеклась. “Накормили страхом” - это было точное выражение. Последние дни ее действительно кормили им, как горьким лекарством: ложечка от Миланы, ложечка от мачехи, ложечка из статей, ложечка от отца, который молчал слишком много. Дамир был опасен - она чувствовала это кожей. Но большая часть ее ужаса перед ним была приготовлена чужими руками заранее.

- Вы хотите, чтобы я вам доверяла? - спросила она.

- Нет.

- Нет?

- Нет. Доверие, полученное в первую ночь после принудительного брака, обычно либо глупость, либо истерика. Мне не нужно ни то, ни другое.

- Тогда чего вы хотите?

- Чтобы вы различали врагов.

Ася стиснула зубы.

- Вы не знаете, враг вы мне или нет.

- Знаю.

- Как самоуверенно.

- Я не ваш друг. Не ваш спаситель. Не ваш любимый муж. Не человек, который случайно оказался рядом и решил сделать доброе дело. Я действительно заключил этот брак ради своих целей. Мне нужна правда о Рустаме. Мне нужны документы, которые прячет ваш отец. Мне нужно понять, что знала ваша мать и почему погибла. И да, если в этой правде окажется вина Лебедевых, я пойду до конца. Даже если вам будет больно.

Ася слушала, и с каждым словом ей становилось одновременно холоднее и легче. Холоднее - потому что он не оставлял места красивой иллюзии. Легче - потому что наконец кто-то не пытался подсунуть ей яд под видом сиропа.

- А если больно будет вам? - спросила она.

Его лицо изменилось. Едва заметно, но она уже начала улавливать эти микроскопические трещины в ледяной маске.

- Мне уже было.
- Это не ответ.
- Это максимум на сегодня.
- Вы всегда закрываете тему, когда речь о вас?
- Да.
- Плохая привычка.
- Одна из многих.

Она устало прислонилась плечом к косяку. Дверь между ними была теперь открыта почти полностью, но он все еще не переступил порог. Стоял в коридоре, будто невидимая линия важнее всех юридических документов.

- Если вы не мой друг, не спаситель и не любимый муж, тогда кто?
- Сейчас? Союзник по необходимости.
- Вы сами себе противоречите. Союзникам доверяют.
- Нет. Союзники сначала сверяют направление удара.
- И куда вы собираетесь ударить?
- В тех, кто решил, что нас обоих можно использовать.

Ася помолчала.

Нас обоих. Вот снова. Он ставил их рядом так легко, будто это уже было очевидно. Ей хотелось оттолкнуть это “нас”, потому что оно было опаснее одиночества. Одиночество привычно: в нем хотя бы не предадут неожиданно. “Нас” требует смотреть в сторону другого человека и учитывать, что его раны могут совпадать с твоими не случайно.

- Вы правда думаете, что вас использовали? - спросила она.

Дамир усмехнулся. Без веселья.

- Лебедевы думали, что подмена невесты унижит меня, даст им время и поставит рядом со мной человека, через которого можно давить. Ваш отец думает, что я слишком одержим Рустамом, чтобы увидеть что-то кроме фамилии Лебедевых. Ваша мачеха думает, что спасла дочь, подсунув мне чужую. Милана думает, что сбежала от чудовища. Все довольны своей умностью.

- А вы?
- А я думаю, что они ошиблись с вами.

Она вздрогнула.

Слова были похожи на комплимент, но не были им. В них не было нежности. Только расчет, наблюдение, вывод. И все равно они почему-то попали в то место, где годами жила роль “не той”: не та дочь, не та сестра, не та невеста, не та, кого выбирают первой.

- В чем ошиблись? - спросила она.
- Решили, что если вас не ценят, значит, у вас нет цены.

Ася отвернулась.

Вот теперь стало больно.

Не от грубости. От того, что он увидел слишком быстро. Ее дом, наверное, оставил на ней следы, заметные любому, кто умеет читать унижение. Но одно дело знать это о себе. Другое - услышать из уст человека, которого ты пытаешься держать на расстоянии.

- Не надо, - сказала она.
- Что?
- Говорить так. Будто вы меня понимаете.
- Понимание не всегда сочувствие.
- А у вас сочувствие вообще есть?
- Остаточное.

Она неожиданно усмехнулась.

- Диагноз?
- Самооценка.
- Низкая.
- Точная.

В коридоре снова пробили часы. Полночь. Звук пошел по дому длинной, глухой волной, будто стены на секунду вспомнили все прежние полуночи - счастливые, страшные, обычные, последние. Ася вдруг поняла, что стоит на пороге своей комнаты в первую брачную ночь, в домашнем костюме, с ножом в руке и телефоном в другой, разговаривая с мужем о мести, жертвах и границах. Если бы кто-то описал ей это неделю назад, она решила бы, что такой сюжет слишком груб даже для дешевого сериала. Но жизнь, как оказалось, не боялась плохого вкуса. Она брала его и делала реальностью.

- Что вы хотите от меня сейчас? - спросила она.
- Сейчас - ничего.
- Тогда почему не уходите?

Он посмотрел на ее руку.

- Потому что вы все еще дрожите.

Ася мгновенно сжала пальцы сильнее.

- От холода.
- В комнате тепло.
- От злости.
- Частично.
- От вас, значит?
- Тоже.
- Вы довольны?
- Нет.

Это “нет” было таким резким, что она подняла глаза.

Дамир стоял все так же спокойно, но в лице его появилась темная напряженность, которую он, кажется, не успел спрятать. Не вина. Нет. Что-то ближе к ярости, направленной не на нее. Возможно, на отца. Возможно, на Милану. Возможно, на себя - за то, что его имя стало инструментом, которым ее пугали.

- Я не могу отменить то, что вам наговорили, - сказал он. - Не могу за одну ночь доказать, что слухи врут не полностью и не так, как вам удобно. Не могу сделать этот брак нормальным. Но могу сказать один раз, чтобы вы запомнили: если вы боитесь меня как мужчину, который может прийти ночью и взять то, что ему выдали по документам, - перестаньте. Не потому, что я хороший. Потому что я не мусор.

Ася молчала.

В этих словах не было изящества. Но в них было то, чего ей, оказывается, не хватало последние дни: не утешение, а ясная граница. Не “не бойся вообще”, а “не этого”. Не “я безопасен”, а “вот здесь я не перейду черту”. И именно эта грубая конкретность действовала сильнее мягких обещаний.

Она медленно разжала пальцы. Нож лежал в ладони, уже согретый кожей.

Дамир кивнул на него.

- Оставьте. Но откройте и закройте пару раз, чтобы пальцы знали движение. Если держите оружие только как символ, оно мешает больше, чем помогает.

- Вы обучаете меня защищаться от себя?
- От мира. От меня, если понадобится, тоже.
- Вы странный.
- Это самая мягкая версия из услышанных мной сегодня характеристик.

Ася устало провела рукой по лицу. Потом вдруг рассмеялась. Тихо, почти без сил. Смех вышел неровным, надломленным, но настоящим. Дамир смотрел на нее с осторожным вниманием, будто не был уверен, не перейдет ли смех в слезы. Она и сама не была уверена.

- Милана сказала, что рядом с вами холодно даже под кожей, - сказала она.

- Милана любит эффектные фразы.

- А рядом с вами не холодно.

Он замер.

Ася сама не поняла, зачем сказала это. Наверное, усталость сняла лишнюю осторожность. Наверное, правда иногда вырывается не потому, что ты хочешь сблизиться, а потому что сил на ложь уже нет. Рядом с ним было страшно. Напряженно. Опасно. Но не холодно. Холод был в доме Лебедевых - в улыбках, в разумной экономии, в семейных решениях, в отцовском "ты свободна", которое означало "исчезни". Дамир был другим. Он был как огонь, к которому нельзя подходить слишком близко, потому что обожжет, но замерзнуть рядом с ним не получалось.

Он смотрел на нее так, будто эта фраза задела его сильнее, чем все обвинения до нее.

- Не делайте выводов слишком рано, - сказал он наконец.

- Это не вывод. Наблюдение.

- Опасная привычка.

- Учусь у вас.

На этот раз он действительно почти улыбнулся. Уголком губ. Мгновением. Но Ася увидела, и почему-то сердце ударило не так, как от страха.

Он отступил на шаг.

- Запирайте дверь.

- Вы опять уходите на самой интересной части?

- Самая интересная часть первой брачной ночи, если верить традициям, нам не подходит.

Ася почувствовала, как лицо теплеет.

- Вы невозможны.

- Вы уже говорили.

- Повторение закрепляет материал.

- Тогда закрепим главное.

Он стал серьезным так быстро, что ее улыбка погасла.

- Не отвечайте сегодня на сообщения отца. Если он будет требовать отчет, покажите мне.

Не потому что я запрещаю вам общаться с семьей. Потому что первое сообщение после потери контроля часто самое полезное. Он ошибется. Я хочу видеть, где.

- А если я не покажу?

- Значит, решите играть отдельно.

- И вы?

- Буду считать вас не врагом, но фактором риска.

- Какая честь.

- Для первого дня неплохо.

Она посмотрела на телефон в руке. Экран снова мигнул. Сообщение от отца все еще висело непрочитанным. Пальцы зачесались открыть. Узнать, что он написал. Приказать? Проверить? Спросить, как она? Нет. Последнее было почти смешно. Но Дамир прав: отец обязательно дернет за нитку. Возможно, уже дернул.

- Вы хотите, чтобы я стала вашей союзницей, - сказала Ася.

- Да.

- Но не доверяете мне.

- Да.

- И предлагаете мне не доверять вам.

- Да.

- Великолепное начало брака.
- Зато честное.
- Вы слишком гордитесь честностью для человека, который что-то скрывает.
- Честность не означает исповедь.
- Удобная формулировка.
- Практичная.

Ася опустила взгляд на телефон. Потом, сама удивляясь себе, протянула его Дамиру - не отдавая в руки, просто показывая экран с непрочитанным сообщением от отца. Это был маленький жест. Возможно, глупый. Возможно, слишком ранний. Но она не открыла сообщение тайно, не спрятала, не сказала “не ваше дело”. Ей вдруг захотелось увидеть, как он отреагирует, если она сделает шаг не к доверию даже, а к проверке его правил.

- Вот, - сказала она. - Он уже написал.

Дамир посмотрел на экран, но не взял телефон.

- Открывайте сами.
- Вы же хотели видеть.
- Видеть. Не забирать.

Она медленно нажала на уведомление.

Сообщение было коротким.

“Надеюсь, ты понимаешь, что теперь от твоего поведения зависит не только твоя репутация. Не забывай, кто ты и что должна семье. Утром жду от тебя спокойного сообщения, что все прошло нормально. Телефон лучше держи при себе и не обсуждай лишнего с Воронцовым”.

Ася перечитала дважды. Потом третий раз. Не потому, что текст был сложным. Потому что в нем было все. Даже после того, как отец сам забрал у нее телефон и отдал через чужого юриста, он писал: “Телефон лучше держи при себе”. Даже после того, как выдал ее замуж, писал: “Что должна семье”. Даже сейчас, когда она стояла в доме мужа, он все еще говорил с ней как с человеком, обязанным вернуться в строй по первому приказу.

Дамир прочитал, не наклоняясь слишком близко.

- Вот видите, - сказал он. - Поводок.

Ася неожиданно почувствовала не злость, а стыд. Будто отец унизил ее не перед Дамиром даже, а внутри нее самой. Показал, что может дотянуться сюда, в эту комнату, за эту дверь, через экран, через привычку слушаться.

- Не называйте это так, - сказала она глухо.
- Почему?
- Потому что я сама знаю.

Он помолчал.

- Ответите?
- Не знаю.
- Хотите совет?
- Нет.
- Тогда не дам.

Она усмехнулась, хотя глаза щипало.

- Вы учитесь.
- Быстро.

Ася набрала ответ не сразу. Сначала стерла несколько вариантов. “Все нормально” - слишком покорно. “Идите к черту” - слишком приятно, но глупо. “Я сама решу” - правда, но отец только поймет, что она сорвалась. В конце концов она написала: “Телефон у меня. Сообщение получила. Остальное утром”. Прочитала. Отправила.

Дамир наблюдал молча.

- Слишком мягко? - спросила она.

- Достаточно, чтобы он понял, что вы не под полным контролем, и недостаточно, чтобы сразу начал давить сильнее. Неплохо.

- Спасибо, господин преподаватель семейной войны.

- Обращайтесь.

- Не привыкну.

- И не надо.

Она опустила телефон. Впервые за вечер ей показалось, что комната стала чуть менее чужой. Не своей. Нет. Просто не совсем враждебной. На столе горела лампа, у лампы стояла фотография матери, на кровати лежал плед, в ящике - нож, в руке - телефон, который снова принадлежал ей. За дверью стоял муж, которому она не доверяла, но который вернул ей связь и не вошел без разрешения.

Странное равновесие. Хрупкое. Но лучше, чем тот ужас, в котором она ждала ночи.

- Дамир Сергеевич, - сказала она.

- Да?

- Почему вы сказали внизу, что в этом доме для меня опасны не вы?

Он посмотрел на нее внимательно.

- Я сказал это?

- Почти. Или я так слышала.

- Значит, услышали правильно.

- Тогда почему?

Он не ответил сразу. В коридоре было темно, за его спиной горел только один настенный светильник, и от этого лицо казалось наполовину вырезанным из тени. Опасный. Да. Очень. Но опасность иногда бывает направлена не на того, кто стоит ближе всего.

- Потому что я знаю, чего хочу от вас, - сказал он наконец. - И знаю, чего не возьму. А вот остальные в этом доме... не все желания здесь живые. Некоторые остались от мертвых. Некоторые - от тех, кто очень хочет, чтобы мертвые молчали.

Ася медленно выдохнула.

- Вы опять говорите загадками.

- Да.

- Достали.

На этот раз он тихо хмыкнул.

- Справедливо.

Она прислонилась плечом к дверному косяку. Усталость накрывала волнами, тяжелыми и теплыми. День, который начался в доме отца, прошел через регистрацию, чужое платье, лес, новый дом, отдельную комнату, карту выходов, нож, телефон, разговор в коридоре, наконец добрался до тела. Ей хотелось спать так сильно, что даже страх начал зевать.

Дамир заметил.

- Закрывайте.

- Командуете?

- Предлагаю.

- Вы не умеете предлагать. У вас все звучит как приказ с хорошим воспитанием.

- Значит, закрывайте, пожалуйста.

Она посмотрела на него и неожиданно улыбнулась. Слабой, усталой улыбкой.

- Улучшение заметно.

- Я стараюсь быть терпимым мужем.

- Не переусердствуйте. Я могу испугаться.

- Поздно. Вы уже испуганы.

- Но чуть меньше.

Слова прозвучали тише, чем она рассчитывала. И снова попали куда-то не туда. Дамир перестал улыбаться. Взгляд стал серьезным, почти темным, но не злым.

- Запомните это состояние, - сказал он. - “Чуть меньше” иногда важнее, чем “совсем не боюсь”.

Ася кивнула.

Она уже почти закрывала дверь, когда он произнес:

- Анастасия.

- Что?

Он стоял в коридоре, высокий, темный, усталый, с тем самым холодным лицом, которое город превратил в страшную легенду. Но голос у него стал ниже. Тише. Без насмешки, без сухого юмора, без колких предупреждений.

- Не дрожите из-за меня. Для вас в этом доме опасен не я.

Она замерла.

Фраза легла между ними не как утешение, а как ключ. Не от всех дверей. От одной. Самой первой. Той, за которой она весь вечер ждала худшего. Он не сказал, что в доме безопасно. Не сказал, что ей ничего не угрожает. Наоборот - подтвердил угрозу, только сдвинул ее источник. И от этого стало страшнее в другом месте, но легче в том, где страх был самым личным и унижительным.

- А кто? - спросила она едва слышно.

Дамир посмотрел в сторону темного конца коридора.

- Пока спите.

- Это не ответ.

- Нет. Это отсрочка.

- Я не люблю отсрочки.

- Привыкайте. Войны редко начинаются в удобное время.

Он отступил еще на шаг.

- Доброй ночи, Анастасия Викторовна.

- Доброй ночи, Дамир Сергеевич.

Она закрыла дверь.

Повернула ключ.

На этот раз не стала двигать чемодан под ручку.

Несколько секунд стояла, прислонившись лбом к дереву, и слушала, как его шаги удаляются по коридору. Они были ровными, неторопливыми. Потом стихли. Дом снова начал дышать своими ночными звуками: трубы, ветер, скрип, далекое тиканье часов. Но теперь тишина стала другой. Не безопасной. Нет. В ней по-прежнему были закрытое крыло, кабинет, мертвый брат, мать на старой фотографии, отец с поводком из сообщений и неизвестные желания, оставшиеся от мертвых. Но в этой тишине больше не стоял за дверью один-единственный ужас, которого она боялась весь день.

Ася подошла к столу, поставила телефон рядом с фотографией матери, потом открыла ящик и несколько раз, как он сказал, открыла и закрыла нож. Неловко. Медленно. С третьего раза получилось увереннее. Она усмехнулась самой себе, положила нож обратно, выключила верхний свет и оставила только лампу.

Уже лежа в кровати, укрывшись пледом и глядя на темный прямоугольник окна, она снова повторила про себя его слова.

“Не дрожите из-за меня. Для вас в этом доме опасен не я”.

Чужой дом.

Чужой муж.

Чужая война, в которую ее втокнули родные.

И все же впервые за несколько дней Ася уснула не от бессилия, а от усталости после боя, в котором хотя бы один удар она нанесла сама.

За дверью, в глубине дома, что-то тихо скрипнуло.

Она услышала, но не проснулась.

Глава 7. Правила холодного брака

Утро в доме Воронцова не ворвалось в комнату светом. Оно вошло осторожно, серым холодом за окном, тонкой полосой бледного неба между шторами, едва слышным стуком где-то внизу и запахом кофе, который поднялся по лестнице так неожиданно, что Ася сначала решила, будто ей это снится. В доме Лебедевых утро пахло дорогими духами Ларисы Аркадьевны, свежими цветами в вазах, стерильной чистотой, косметикой Миланы и привычной деловой суетой, где даже завтрак выглядел как часть расписания. Здесь же запах был другим: крепкий кофе, теплое дерево, чуть влажный камень после ночного мороза, дым из трубы и что-то еще - старое, невыветрившееся, как память, которая не просит внимания, но все равно присутствует в каждой комнате.

Ася проснулась не сразу. Сначала открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится. Потолок был чужой: не идеально ровный, не новый, с тонкой трещинкой у карниза. Шторы тяжелые, темно-синие. На кресле сложена фата. На столе - фотография матери, телефон, договор, карта дома. У двери - ключ в замке. Чемодан стоял не под ручкой, а сбоку, потому что ночью она все-таки не вернула его на место. Это почему-то оказалось важным. Маленьким, почти смешным, но важным: она заснула за запертой дверью и не стала баррикадироваться. Не потому, что доверяла. Нет. Доверие было слишком большим словом для первого утра после принудительного брака. Но паника отступила на шаг, а иногда один шаг от паники - уже территория, где можно дышать.

Она повернула голову к окну. За стеклом лежал зимний сад, тихий и белый. Сосны стояли неподвижно, как стражи. На подоконнике, с внешней стороны, намело тонкую полоску снега. Небо было низким, серым, и дом казался не освещенным утром, а просто чуть менее темным, чем ночью. Внизу где-то хлопнула дверь. Потом послышался голос Тамары Петровны - не слова, только интонация, сухая, командная. Ей ответил мужской голос, кажется, Артем. Дамира слышно не было.

Муж.

Слово снова кольнуло.

Ася подняла руку и посмотрела на кольцо. Оно было на месте. Ночью она несколько раз просыпалась, чувствуя его на пальце, и каждый раз первая мысль была почти одинаковой: это не сон. Она действительно замужем. Не за человеком из смутного будущего, не за любовью, не за тем, кого выбрала, а за Дамиром Воронцовым, Отморозком из лесного дома, мужчиной, который вернул ей телефон, стоя за порогом, и сказал фразу, из-за которой она всю ночь проваливалась в сон и всплывала обратно: “Не дрожите из-за меня. Для вас в этом доме опасен не я”.

Звучало почти как защита.

И почти как угроза.

Она села на кровати, потеряла лицо ладонями и прислушалась к себе. Страх никуда не делся. Он просто стал менее острым, как нож, который убрали в ящик, но ты все равно помнишь, где он лежит. Вчера вечером она боялась, что дверь откроется и все Миланины намеки станут реальностью. Сегодня этот страх отступил, а за ним обнаружились другие: отец, папка, мать, закрытое крыло, кабинет Дамира, брачный договор, в котором слишком много правильных пунктов, чтобы не искать подвох. И еще - звонок отца, который наверняка случится. Такие люди не отпускают контроль на ночь. Они просто ждут утра, чтобы сделать следующий ход.

Телефон лежал экраном вниз. Она взяла его, включила. Связь была слабой, но несколько уведомлений все-таки пришло. От студии - два сообщения, одно осторожное: “Ась, у тебя все нормально?” От Вики - сухое напоминание, что часть вещей отправили. От Миланы - ничего. От Ларисы Аркадьевны - тоже. От отца - одно короткое: “Утром свяжись”.

Ася усмехнулась.

Не “как ты”. Не “доехала ли”. Не “нужна ли помощь”. Свяжись. Как сотрудник после командировки. Как актив, перемещенный на чужую территорию и обязанный выйти на отчет.

Она не стала отвечать. Сначала открыла сообщение студии, долго смотрела на него и написала: “Я жива. Объяснить пока сложно. Мне нужно несколько дней”. Стерла “жива”, потому что это звучало драматично даже для ее обстоятельств. Потом снова написала: “Я в порядке. Мне нужно несколько дней”. Отправила. Ложь была не полной. Она действительно была “в порядке” в том странном смысле, в каком человек может быть в порядке после аварии, если еще дышит и помнит свое имя.

Потом открыла сообщение отца. Ответить хотелось сразу чем-то резким. “Связалась”. “Все прошло нормально, как вы и требовали”. “Телефон вернул муж, которого вы считаете опасным; забрали его вы, родной отец”. Но она вспомнила вчерашний разговор в коридоре и слова Дамира: первое сообщение после потери контроля часто самое полезное. Отцу нельзя было отдавать ни покорность, ни истерику. И то и другое он умел использовать.

Она написала: “Проснулась. Позже”.

Посмотрела на два слова. Коротко. Невежливо. Но не взрыв. Отправила.

Ответ пришел почти мгновенно: “Не затягивай. Нужно поговорить без посторонних”.

Ася почувствовала, как пальцы сжались на телефоне. Без посторонних. То есть без Дамира. Без Тамары Петровны. Без всех, кто мог нарушить привычную семейную схему, где отец говорит, а она должна слушать. Раньше она, возможно, действительно стала бы искать место, где никто не услышит. Теперь сидела в комнате мужа, за дверью, которая запиралась изнутри, и впервые понимала: “без посторонних” не значит “безопасно”. Иногда посторонний - это единственный человек, при котором тебя не могут безнаказанно раздавить.

В дверь постучали.

Ася вздрогнула, но уже не так, как ночью.

- Да?

- Это Тамара Петровна. Завтрак через двадцать минут. Дамир Сергеевич просил передать, что после завтрака ждет вас в малой библиотеке. С документами.

С документами.

Ася посмотрела на папку на столе. Брачный договор. Правила холодного брака. Бумага, которая почему-то должна была стать границей между ней и той семейной грязью, из которой ее вытащили не из жалости, а по расчету.

- Хорошо, - ответила она.

- И наденьте теплые носки, - добавила Тамара Петровна из-за двери. - В столовой пол мстительный.

- Как многое в этом доме?

- Умная девочка. Через двадцать минут.

Шаги удалились. Ася неожиданно улыбнулась. Теплые носки. Вчера она вышла замуж за Отморозка, ночью держала нож у двери, утром получила распоряжение надеть теплые носки. Жизнь явно решила не придерживаться жанровой чистоты.

Она умылась, переделась в темно-синие брюки и мягкий свитер, найденные в шкафу, действительно надела носки и несколько минут стояла перед зеркалом. Без свадебного платья, без фаты, без макияжа она снова стала собой - или почти собой. Темные волосы собрала в низкий хвост, лицо было бледным, глаза все еще усталыми, но в них не было вчерашней обреченности. Или ей хотелось так думать. Кольцо смотрелось странно на фоне простого свитера. Чужой знак на почти домашнем человеке. Она тронула его пальцем, но не сняла.

В коридоре второго этажа было пусто. Светлое крыло, где находилась ее комната, казалось спокойным. Темное - справа - опять притягивало взгляд. Закрытое крыло начиналось за поворотом, и тяжелая дверь с замком стояла там так неподвижно, будто знала, что ее будут

рассматривать. Ася остановилась на секунду. Вчера Тамара Петровна сказала: туда не ходят. Дамир сказал: там есть вещи, которые могут ударить сильнее, чем она готова выдержать. Значит, там что-то было. Не просто запертые комнаты с пыльной мебелью. Не просто дань трауру. И, конечно, не случайно закрытое крыло находилось на втором этаже - рядом с живыми комнатами, а не где-то в подвале, где тайны обычно прячутся в дешевых историях.

- Не советую начинать утро с нарушения запретов, - раздался снизу голос.

Ася резко обернулась.

Дамир стоял внизу у лестницы, в темных брюках и черном свитере, с чашкой кофе в руке. Не в костюме. Без пиджака, без регистрационной холодности, без вчерашней почти официальной маски. Так он выглядел опаснее. Домашнее не делало его мягким. Наоборот, лишало последнего слоя приличия, оставляя человека, который не нуждается в свидетелях, чтобы быть собой. В утреннем свете его лицо казалось чуть более усталым, под глазами лежали тени. Он, вероятно, тоже спал мало. Или вообще не спал.

- Я просто смотрела, - сказала Ася.

- В этом доме "просто смотрела" обычно заканчивается тем, что Тамара Петровна ищет вальерянку, а я - отмычки.

- Вы умеете отмыкать собственные замки?

- Я умею многое из того, чем не стоит гордиться перед женой на второй день брака.

- Мы все еще на первом, если считать с регистрации.

- Тогда я тороплюсь испортить впечатление.

Ася спустилась по лестнице, держась за перила. Он смотрел на нее без вчерашней ледяной оценки. Внимательно, но не так, как в регистрационном зале. Скорее проверял, цела ли после первой ночи. Не физически - с этим, видимо, все было очевидно. Цела ли внутри настолько, чтобы спорить.

- Впечатление уже испорчено, - сказала она. - Но не окончательно.

- Обнадеживает.

- Не привыкайте.

- Вы тоже.

Эта короткая перепалка почему-то сняла напряжение лучше любых утренних "как спалось". Наверное, потому что "как спалось" в их ситуации было бы почти издевательством. Как спалось женщине, запершейся в чужом доме? Как спалось мужчине, который провел первую брачную ночь в коридоре, возвращая телефон жене с ножом в руке? Плохо. Очевидно плохо. И все же оба стояли утром на лестнице, живые, раздраженные и почему-то готовые продолжать разговор.

Столовая находилась в правой части первого этажа, но не в той, где начиналось закрытое крыло. Комната была просторной, с высоким окном в сад, длинным столом темного дерева и буфетом у стены. Здесь тоже чувствовалась старая красота без желания понравиться: тяжелые стулья, выцветший ковер, серебряный кофейник, тарелки с тонким темно-синим узором. На столе стояли сырники, омлет, свежий хлеб, масло, мед, ягоды, кофе и чай. Завтрак для двоих выглядел слишком щедро для дома, где, по словам Миланы, жил почти лесной псих в развалине.

Тамара Петровна уже была там. Она поставила перед Асей чашку чая, перед Дамиром - кофе, потом критически посмотрела на Асин свитер.

- Носки надели?

Ася чуть не поперхнулась воздухом.

- Да.

- Хорошо. Босоногие героини красиво болеют только в романах. В жизни сопли и температура.

Дамир опустил взгляд в чашку, но Ася успела заметить, как дрогнули у него губы.

- Вы часто воспитываете чужих жен? - спросила она.
- В этом доме чужих жен раньше не было.
- А свои?

Тамара Петровна на секунду замолчала. Дамир тоже. Ася поняла, что сказала лишнее, когда было уже поздно. Вопрос вырвался без задней мысли, но попал в историю дома. Возможно, в мать Дамира. Возможно, в чью-то несостоявшуюся свадьбу. Возможно, просто в пустоту, которую здесь предпочитали обходить.

- Свои тоже редко слушались, - сказала Тамара Петровна наконец. - Ешьте, пока теплое.

Дамир ничего не добавил. Сел во главе стола, но не как хозяин, ожидающий обслуживания, а как человек, привыкший занимать место, потому что оно давно пустовало. Ася села сбоку, не напротив и не слишком близко. Ей казалось, расстояние между ними тоже должно иметь правила, но пока никто не выдал схему.

Некоторое время они ели молча. Ася думала, что не сможет проглотить ни кусочка, но тело, видимо, решило жить независимо от драматических обстоятельств. Сырники оказались теплыми, мягкими, с легкой кислинкой творога, и после первого кусочка голод напомнил, что вчера она почти ничего не ела. Дамир, заметив это, ничего не сказал. И именно поэтому она съела второй сырник без внутреннего сопротивления.

- Тамара Петровна сказала, вы ждете меня с документами, - произнесла Ася, когда молчание стало слишком ровным.

- Да.
- Новый контракт?
- Старый, но с пояснениями.
- Я читала.
- Знаю.
- Откуда?

Он посмотрел на нее поверх чашки.

- Папка лежала не так, как вчера.
- Вы проверяли мою комнату?
- Нет. Вы принесли ее с собой в столовую.

Ася опустила взгляд и увидела на соседнем стуле папку с договором. Действительно. Она взяла ее машинально, когда выходила, и почти забыла. Прекрасно. Скоро он начнет угадывать ее мысли по тому, как она ставит чашку.

- Наблюдательность может стать неприятной привычкой, - сказала она.
- Может. Но в моем случае уже поздно лечить.
- А в моем случае?
- У вас она только начинает развиваться. Есть шанс не испортить характер окончательно.
- Утешили.

После завтрака Дамир поднялся первым.

- Малая библиотека. Когда будете готовы.
- А если я не буду готова?
- Тогда после завтрака.
- Вы забываете спрашивать.
- Вы забываете, что можете отказаться.

Он ушел прежде, чем она успела ответить. Ася осталась за столом, глядя ему вслед, и снова почувствовала это неприятное смешение злости и растерянности. Он слишком легко ставил ее перед собственной свободой, будто это было очевидно. Можете отказаться. Можете не доверять. Можете запереть дверь. Можете показать сообщение. Можете не показать. И каждый раз, когда он произносил подобное, Ася вдруг понимала, что у нее действительно есть выбор

- но выбор сам по себе не делает жизнь проще. Иногда он только лишает права оправдываться тем, что все решили за тебя.

Тамара Петровна убирала со стола.

- Он всегда так разговаривает? - спросила Ася.

- Как?

- Будто ставит диагноз и одновременно выдает инструкцию.

- Нет. С вами он разговорчивый.

Ася посмотрела на нее с недоверием.

- Это шутка?

- К сожалению, нет. Бывают дни, когда от него можно добиться только “да”, “нет” и “не сейчас”. Сегодня у вас почти праздник.

- Может, отменим праздник?

- Поздно. Сырники уже съели.

Ася неожиданно улыбнулась.

- Вы странно утешаете.

- Я вообще не утешаю. Я кормлю. Это надежнее.

Малая библиотека находилась в глубине первого этажа, не рядом с запретным кабинетом, но недалеко. По пути Ася прошла мимо двери из темного дерева, которую сразу узнала по описанию. Кабинет Дамира. Дверь была закрыта. Никакой таблички, никакого замка снаружи, просто тяжелое темное дерево и ощущение, что если приложить ухо, услышишь не голоса, а бумагу, старые записи и то, что не должно выходить наружу. Она задержалась на полсекунды. Потом заставила себя идти дальше.

Малая библиотека оказалась неожиданно уютной. Не мягкой, не солнечной, но обжитой. Две стены занимали книжные шкафы, у окна стоял письменный стол, в центре - низкий столик и два кресла. На подоконнике лежала стопка книг, рядом - очки в тонкой оправе, которых Ася никак не ожидала в доме Отморозка. На каминной полке стояли часы, маленькая бронзовая лошадь и фотография в серебряной рамке, повернутая чуть в сторону. Ася увидела только край: двое мальчиков или молодых мужчин на фоне моря. Один, кажется, смеялся.

Она сразу отвела взгляд.

Дамир сидел за столом, перед ним лежали документы. Он уже надел пиджак? Нет, не пиджак - темно-серый кардиган поверх черного свитера. Это выглядело почти домашне, почти интеллигентно, если забыть, кто именно сидит за столом и как у него меняется лицо при упоминании Рустама.

- Садитесь, - сказал он.

- Это просьба или приказ?

- Предложение. С оттенком нетерпения.

- Уже лучше.

Она села в кресло напротив, положила папку на колени и приготовилась к тому, что сейчас начнется самая неприятная часть. В доме Лебедевых договоры всегда означали подвох. Даже если текст выглядел прилично, настоящий смысл прятался в пункте, сноске, приложении, устной договоренности, о которой тебе “забывали” сказать. Отец не раз говорил: документы подписывают не потому, что доверяют, а потому, что знают, как заставить другого выполнить обещанное. Поэтому брачный договор, каким бы правильным он ни выглядел ночью, утром вызывал у Аси подозрение. Слишком много свободы. Слишком много прав. Слишком мало привычной кабалы. Значит, кабала где-то глубже.

Дамир, кажется, прочитал это по ее лицу.

- Начнем с главного, - сказал он. - Вы не становитесь моей собственностью, частью моего имущества, гарантом моих сделок или залогом моих претензий к вашему отцу. Это прописано

юридически, но я произношу вслух, потому что, судя по вашей семье, некоторые очевидные вещи приходится проговаривать как для детей.

- Не оскорбляйте детей. Они иногда быстрее понимают.

- Справедливо.

Он передал ей распечатку с несколькими отмеченными пунктами.

- Первый блок - личная неприкосновенность. Физическая, финансовая, информационная. Ваши документы хранятся у вас. Телефон у вас. Личная переписка не проверяется. Вы не обязаны отчитываться мне о звонках, сообщениях, передвижениях в пределах доступной части дома и участка. Если захотите выехать в город, сообщаете Тамаре Петровне или Артему не для разрешения, а чтобы вас не искали в лесу с собаками.

- Собаки у вас тоже есть?

- Нет.

- Жаль. К образу не хватает.

- Могу завести, если для атмосферы важно.

Ася подняла глаза от документа.

- Вы сейчас шутите?

- Пытаюсь. Неудачно?

- Умеренно.

Он едва заметно кивнул, будто принял оценку.

- Второй блок. Деньги. На ваше имя открыт отдельный счет. Карта будет сегодня. Сумма на первые расходы уже внесена. Доступа к счету у меня нет, у вашего отца - тем более. Ежемесячное пополнение прописано в договоре, не зависит от вашего поведения, настроения, места проживания в доме и степени вашей дружелюбности ко мне.

Ася медленно опустила документ.

- Вы открыли мне счет?

- Да.

- Зачем?

- Чтобы вы не просили деньги у меня или у отца.

- А если я не хочу брать ваши деньги?

- Тогда не тратьте.

- Это не ответ.

- Это лучший ответ. Деньги будут там, хотите вы их или нет. Пользоваться - ваше право.

Она смотрела на него, чувствуя, как поднимается неприятная, упрямая волна сопротивления. Деньги. Отдельный счет. Ежемесячное пополнение. В другой ситуации это можно было бы счесть заботой. Здесь - частью сделки. Ее купили? Нет, говорит он. Ей открыли счет. Ее не держат? Но дают деньги. Она может уйти? Но с чьими средствами? Его. Все снова путалось. Свобода, купленная чужими деньгами, похожа на поводок подороже.

- Сколько? - спросила она.

Он назвал сумму.

Ася невольно моргнула. Сумма была не безумной для мира Воронцова или Лебедевых, но для нее - огромной. Больше, чем она получала в студии за несколько месяцев мелких заказов. Достаточно, чтобы снять жилье, оплатить юриста, жить какое-то время без унижительных просьб. Достаточно, чтобы отец больше не мог сказать: "Без меня ты никто", и сразу оказаться правым.

Именно поэтому она разозлилась.

- Это слишком много.

- Нет.

- Для чего нет? Для подменной жены?

- Для человека, которому может понадобиться резко уйти из дома, где она находится по принудительному браку.

Она замолчала.

Дамир сказал это ровно. Без пафоса. Но смысл был очевиден: счет - не подарок. Не содержание любовницы. Не плата за роль. Это запасной выход в денежной форме. Она не ожидала такого. И именно поэтому искала подвоха еще яростнее.

- Вы хотите, чтобы я могла уйти, - сказала она.

- Да.

- От вас?

- В том числе.

- Но вам нужен этот брак.

- Да.

- Тогда зачем давать мне возможность уйти?

- Потому что если человек не может уйти, он не союзник. Он заложник.

Ася резко подняла глаза.

Слово снова ударило. Заложник. Чужая жертва. Поводок. Он говорил грубо, но его грубость складывалась в систему, в которой ее положение называли не красивыми словами, а настоящими. И, странным образом, именно это не давало ему окончательно стать похожим на отца. Отец назвал бы это долгом. Лариса Аркадьевна - разумной необходимостью. Милана - обстоятельствами. Дамир называл заложника заложником, даже если сам участвовал в ситуации.

- Вы очень стараетесь не выглядеть похитителем, - сказала она.

- Я не похититель.

- Но я здесь не по любви.

- Я тоже.

Это должно было обидеть. Возможно, обидело бы вчера. Сегодня Ася только усмехнулась.

- Какая прекрасная семейная основа.

- Хуже, когда один врет, что по любви, а второй делает вид, что верит.

- Опыт?

Он посмотрел на нее так, что она поняла: вопрос задел слишком близко.

- Наблюдения.

- Удобное слово.

- Практичное.

Он снова вернулся к документам.

- Третий блок. Работа и обучение. Вы имеете право продолжить работу в студии, сменить работу, начать обучение, вести собственные проекты. Дом предоставляет транспорт при необходимости. Я не вмешиваюсь в ваш профессиональный выбор, если он не связан с передачей информации Лебедевым или третьим лицам о моих делах.

Ася медленно провела пальцами по строчкам.

Работа.

Она почему-то ожидала, что именно здесь будет первый настоящий крючок. Что Дамир, как отец, скажет: "Сейчас не время для твоих подработок". Что работа окажется смешной, ненужной, несоответствующей статусу жены. Что ей предложат заняться благотворительностью, молчанием и красивым присутствием в доме. Но в договоре было написано иначе. Она могла работать. Учиться. Выезжать. Выбирать. С оговорками, да, но оговорки касались не ее как женщины, а его войны с Лебедевыми.

- Вы читали мои работы? - спросила она вдруг.

- Несколько.

- Откуда вы их взяли?
- Портфолио было открыто.
- И?
- У вас хороший вкус на пространство, в котором людям не хочется убежать.
- Она не сразу поняла, что это было.
- Это комплимент?
- Да.
- Плохо распознается.
- Я предупреждал.

Ася опустила взгляд, чтобы он не увидел, как эта фраза странно задела ее. В доме отца ее работа считалась мелочью. Не карьерой, не призванием, не попыткой стать самостоятельной, а временным занятием девушки, которая все равно слишком мало зарабатывает, чтобы говорить о независимости всерьез. Дамир не сказал ничего нежного. Не восхитился. Не стал рассыпаться в поддержке. Просто посмотрел и увидел. Иногда этого достаточно, чтобы стало опасно тепло.

- Спасибо, - сказала она сухо.
- Уже лучше звучит.
- Не привыкайте.
- Я веду статистику.
- Сожгите.

Он едва заметно усмехнулся и перевернул страницу.

- Четвертый блок. Расторжение. Через шесть месяцев вы можете подать на развод без объяснения причин. Я обязуюсь не оспаривать, не предъявлять имущественных претензий, не требовать компенсации и не использовать против вас сведения, полученные в браке. Если решите уйти раньше, обсуждаем отдельно. В случае угрозы вашей жизни или здоровью - уходите немедленно, а обсуждаем потом.

Ася перечитала пункт.

Шесть месяцев.

Через шесть месяцев она может уйти.

Смешно, но именно этот пункт напугал ее сильнее остальных. Деньги, работа, отдельная комната - все это еще можно было объяснить расчетом, желанием расположить ее к себе, создать удобную иллюзию свободы. Но срок выхода был настоящим. Если он зафиксирован, значит, он допускает ее уход. А если допускает, то зачем она ему? Только на шесть месяцев? Только как инструмент? Или он уверен, что за это время получит все, что нужно, и потом она станет ненужной? Отец списал ее ради Миланы. Дамир, возможно, собирался использовать и отпустить. И неизвестно, что унижительнее: быть удерживаемой или быть заранее предусмотренной как временная деталь.

- Подвох где? - спросила она.
- В вашей привычке его искать.
- Не надо психологических фокусов. Я спрашиваю серьезно.
- Я отвечаю серьезно.

- Так не бывает. Никто не заключает вынужденный брак, дает женщине деньги, право работать, отдельную комнату, возможность развода через шесть месяцев и не требует ничего взамен.

- Требует.

Она напряглась.

- Что?

- Не лгать мне, если речь идет о действиях вашей семьи против меня. Не передавать информацию, которую вы узнаете в этом доме. Не заходить в запретные зоны. Не притворяться, что вы глупее, чем есть, чтобы всем было удобнее.

Ася медленно выдохнула.

- Последний пункт в договоре тоже есть?
- Нет. Но я подумаю.
- Вы хотите честности, но сами не готовы сказать, зачем вам брак.
- Я сказал часть.
- Часть - это способ контролировать правду.
- Иногда часть - это способ не убить человека целым.
- Очень красиво. Почти как у моего отца, только мрачнее.

Дамир молча посмотрел на нее. Не разозлился. И это было хуже. Она вдруг поняла, что бьет туда, где проще всего: сравнивает его с отцом, потому что это должно задеть. И задевает. Но он не дает ей удовольствия увидеть кровь.

- Я не ваш отец, - сказал он наконец.

- Все мужчины, которые хотят управлять моей жизнью, почему-то считают нужным это уточнить.

- Я не хочу управлять вашей жизнью.
- Нет? А брак? Дом? Запреты? Документы? Правила?
- Я хочу управлять войной, в которую вас втянули до меня. Это разные вещи.
- Для меня выглядят похоже.
- Значит, смотрите внимательнее.

Она вспыхнула.

- Вы всегда так разговариваете с людьми? Как будто они обязаны дотянуться до вашего уровня понимания?

- Нет. С некоторыми я вообще не разговариваю.
- Завидую им.
- Рано. Большинство плохо закончили.

Ася замолчала, пытаясь не улыбнуться, потому что злиться было правильнее. Но он снова сделал это: короткой черной репликой выбил почву из серьезной ссоры. Или, наоборот, не дал ей превратиться в привычную семейную бойню, где один давит, а другой либо подчиняется, либо кричит.

Она снова посмотрела на договор.

- Почему шесть месяцев?
- Потому что за шесть месяцев я либо найду то, что ищу, либо пойму, что искал не там.
- А я?
- Вы за шесть месяцев либо решите, что вам нужен развод, либо поймете, что хотите другого.

- Чего другого?

Он посмотрел на нее спокойно.

- Не знаю. Это будет ваш выбор.

Ей вдруг стало трудно дышать.

Выбор.

Он так легко произносил это слово, будто не понимал, насколько оно опасно. В доме отца выбор всегда был спектаклем. “Выбирай: или ты выходишь замуж, или правда о матери всплывет”. “Выбирай: вести себя достойно или позорить семью”. “Выбирай: быть благодарной или оказаться неблагодарной дрянью”. Там выбор означал две стены и пропасть между ними. Здесь Дамир тоже ставил стены, но в одной из них действительно была дверь. И Ася не знала, можно ли верить двери, нарисованной человеком, которому нужен этот брак.

- А если я захочу уйти через месяц? - спросила она.
- Скажете.
- И вы отпустите?

- Я попытаюсь понять почему.

- А потом?

- Если причина в том, что я перешел границу, - отпущу сразу. Если причина в вашем отце, который дернул за нитку, - буду спорить. Если причина в страхе - предложу сначала разобраться, чей он. Если причина в том, что вы меня терпеть не можете, - уточню, чем именно сегодня заслужил.

Она не выдержала и усмехнулась.

- Список длинный.

- Утро только началось.

- Вы невыносимы.

- В договор не вошло, но свидетели есть.

Ася провела рукой по лицу. Договор на коленях вдруг стал не просто набором пунктов, а странной, уродливой основой их совместного существования. Холодный брак. Да. Но холодный не в смысле равнодушный. Скорее такой, где чувства запрещено подменять обязанностями. Где никто никому не обещает любви, но хотя бы пытается не делать насилие нормой. Для Аси это было новым. Слишком новым, чтобы не подозревать.

- Я хочу показать договор независимому юристу, - сказала она.

- Уже договорился.

- Что?

- Грановский пришлет вам три контакта. Не связанных со мной и вашим отцом. Вы выберете сами. Оплата с вашего счета. Чтобы не было ощущения, что специалист обязан мне.

Она медленно подняла глаза.

- Вы все продумали заранее?

- Нет. Многое пришлось исправлять по ходу. Например, я не думал, что ваш отец заберет телефон так топорно.

- А что он сделает не топорно?

- Позвонит вам сегодня.

Телефон, лежавший рядом с папкой, как будто услышал собственное упоминание и завибрировал.

Ася вздрогнула.

На экране высветилось: "Папа".

Они оба посмотрели на телефон. Звонок продолжался. Тихая вибрация на деревянном столе звучала почти как насекомое, попавшее под стакан. Ася почувствовала, как в груди сжимается прежний узел. Вот он. Поводок. Только теперь она видела его не как невидимую привычку, а как конкретный звонок, который требовал поднять трубку.

- Можете не отвечать, - сказал Дамир.

- Он будет звонить еще.

- Да.

- Если я не отвечу, он разозлится.

- Да.

- Вас это устраивает?

- Меня многое устраивает, когда Виктор Сергеевич злится. Но решение не мое.

Она посмотрела на него с раздражением.

- Вы специально постоянно возвращаете мне ответственность?

- Да.

- Прекратите.

- Нет.

Телефон смолк. Через три секунды завибрировал снова.

Ася глубоко вдохнула и нажала на вызов.

- Да.

- Наконец-то, - голос отца был сухим, холодным, но под ним уже слышалось напряжение.

- Почему не отвечала сразу?

Ася почувствовала, как старый рефлекс почти заставил ее оправдаться. “Я была занята”. “Не слышала”. “Извини”. Но рядом сидел Дамир. Не вмешивался, не подсказывал, не забирал телефон. Просто был. И его присутствие почему-то удержало ее от привычного провала в роль виноватой дочери.

- Не могла говорить, - сказала она.

- Ты одна?

Ася посмотрела на Дамира. Он чуть приподнял бровь, будто тоже ждал ответа.

- Нет.

На том конце возникла пауза.

- Кто рядом?

- Дамир.

Пауза стала длиннее и холоднее.

- Я просил поговорить без посторонних.

Дамир, услышав это, почти незаметно усмехнулся. Ася вдруг ощутила вспышку злой смелости.

- Он мой муж. Формально теперь он не посторонний.

Дамир посмотрел на нее уже иначе. Внимательно. С легкой, опасной искрой. Отец же молчал так, что Ася почти увидела его лицо: сжатые губы, холодный взгляд, раздражение от того, что фраза, которую он сам юридически организовал, теперь работает против него.

- Не играй словами, - сказал он наконец.

- Учусь у семьи.

- Ася, сейчас не время для твоих выходок. Мне нужно понимать, как прошел вечер.

- Нормально.

- Что значит “нормально”?

Она посмотрела на Дамира. Тот спокойно пил кофе, как человек, слушающий прогноз погоды. Только пальцы на чашке были чуть напряжены.

- Значит, я жива, здорова и в отдельной комнате.

- Отдельной? - отец произнес это слишком быстро.

Вот оно.

Ася почувствовала, как внутри что-то неприятно шевельнулось. Отцу было важно, где она спит. Не из заботы. Нет. Из расчета. Если отдельная комната - значит, брак пока не стал тем, чем он, возможно, должен был стать для внешней картины. Или для старого соглашения. Или для чего-то еще, о чем ей не сказали.

- Да, отдельной, - ответила она. - Вас это удивляет?

- Я просто уточняю.

- Для семейной статистики?

- Не дерзи.

Рефлекс снова дернулся. Замолчать. Смягчить. Сказать “хорошо”. Но Ася удержалась.

- Вы позвонили уточнить про мою спальню?

- Я позвонил узнать, все ли под контролем.

- Чьим?

Отец сделал вдох. Короткий. Опасный.

- Твоим, надеюсь. И напоминаю: тебе нужно вести себя разумно. Не лезть в конфликты, не провоцировать Воронцова, не обсуждать семейные вопросы.

- Какие семейные вопросы?

- Ася.

- Нет, правда. Вы все время говорите “семейные вопросы”, “прошлое”, “не обсуждать лишнего”. А я теперь член другой семьи, вы сами это устроили. Может, пора уточнить, что именно я должна не обсуждать с собственным мужем?

Дамир поставил чашку на стол.

Отец молчал.

- Ты не понимаешь, во что ввязываешься, - сказал он наконец.

- Эту фразу я слышала уже раз десять. Может, пора объяснить?

- Не по телефону.

- Как удобно.

- Довольно. Сейчас слушай внимательно. В доме Воронцова должны быть документы по старым проектам. Часть могла остаться после банкротства: копии соглашений, письма, внутренние отчеты, возможно, архив Рустама. Мне нужно знать, где он их держит.

В комнате стало очень тихо.

Ася не сразу ответила. Даже не потому, что удивилась. Наоборот - все стало слишком ожидаемо, почти грубо. Вот он, настоящий звонок. Не “как ты”, не “в безопасности ли”, не “не жалеешь ли”. Где документы? Узнай. Посмотри. Передай. Отец даже не потрудился подвести к просьбе мягче. Или был слишком уверен, что она все еще та самая дочь, которая, услышав приказ, начнет искать способ выполнить.

Дамир смотрел на нее. Лицо его стало совершенно неподвижным.

- Ты слышишь меня? - спросил отец.

- Да.

- В первую очередь кабинет. Но будь осторожна. Он наверняка не пускает туда посторонних. Если кабинет закрыт, посмотри, куда ходит Грановский, какие папки приносит, где ключи. Старые документы могут быть в сейфе или в закрытом крыле. Ты не должна ничего брать сразу. Пока только выясни место.

Ася медленно сжала телефон.

Перед глазами всплыл темный коридор второго этажа, дверь с тяжелым замком, предупреждение Тамары Петровны, кабинет на первом этаже, карта дома, где запретные зоны были отмечены серым и черным. Отец перечислял их так, будто уже видел план. Или догадывался. Или всегда знал этот дом лучше, чем говорил.

- Папа, - сказала она тихо. - Ты сейчас просишь меня шпионить за мужем?

- Не говори глупостей.

- А как это называется?

- Это называется защитить семью.

Вот оно снова. Семья. Самое удобное слово в мире, если у тебя достаточно власти решать, кто внутри семьи человек, а кто инструмент.

Ася посмотрела на Дамира. Он не произнес ни слова. Даже взглядом не велел отвечать так или иначе. Просто ждал. И это ожидание, в котором не было приказа, оказалось тяжелее любого давления. Потому что теперь выбор действительно был ее.

- Какую семью? - спросила она.

- Что?

- Какую семью я должна защитить? Ту, где меня выдали замуж вместо Миланы? Ту, где у меня забрали телефон? Ту, где память о маме держат в папке как рычаг? Уточни, пожалуйста.

Отец заговорил тише:

- Не устраивай сцену при нем.

- Почему? Боишься, что он услышит правду?

- Ты не знаешь правды.

- Так расскажи.

- Анастасия, - голос отца стал ледяным, - если ты сейчас считаешь, что можешь вести себя без последствий, ты ошибаешься.

- Последствия уже случились. Я замужем за Дамиром Воронцовым. Или вы забыли?

- Я могу сделать так, что ты пожалеешь о каждом слове.

Раньше эта фраза сломала бы ее. Даже не потому, что отец обязательно ударил бы сразу. Просто она знала: он умеет. Деньгами, документами, молчанием, чужими руками, слухами, памятью о матери. У него всегда был способ. Но сейчас, услышав угрозу, Ася вдруг почувствовала не только страх. Еще - ясность.

Она включила громкую связь.

Отец не сразу понял.

- Ася?

- Повторите, - сказала она.

- Что?

- Повторите, что сделаете так, чтобы я пожалела о каждом слове. Дамиру Сергеевичу тоже будет интересно.

На том конце линии воцарилась тишина.

Дамир медленно поднял взгляд. И впервые за утро на его лице появилось выражение, которое Ася не смогла сразу назвать. Не удивление. Не одобрение. Что-то темнее и теплее одновременно. Как если бы он увидел, что человек, которого все считали слабым звеном, вдруг сам дернул цепь.

- Ты совершаешь ошибку, - сказал отец после долгой паузы.

Теперь его голос звучал иначе. Ровнее. Он уже знал, что его слышат.

- Возможно, - ответила Ася. - Я вообще последние дни живу среди чужих ошибок.

- Мы поговорим позже.

- Конечно. Когда захотите спросить, как у меня дела, а не где Воронцов хранит документы.

Отец отключился.

Телефонный экран погас.

Ася опустила руку и поняла, что дрожит. Сильно. Не как ночью от страха перед дверью, а иначе - после прыжка, который совершил раньше, чем успел подумать, есть ли внизу земля. Она включила громкую связь. Она сделала отца свидетелем собственного приказа. Она выбрала не шпионить. Не потому, что доверяла Дамиру. Потому что впервые за много лет не захотела быть удобной для тех, кто называл ее семьей.

В комнате было тихо.

Дамир смотрел на нее.

- Что? - спросила она резко. - Сейчас скажете, что я сделала глупость?

- Нет.

- Тогда что?

- Сейчас скажу, что у вас очень плохой инстинкт самосохранения.

Она слабо усмехнулась.

- Спасибо. Почти комплимент.

- И очень хороший инстинкт на момент удара.

Ее усмешка дрогнула.

- Это уже комплимент?

- Да.

- Все еще плохо распознается.

- Буду тренироваться.

Она положила телефон на стол. Пальцы не слушались.

- Он теперь разозлится.

- Уже разозлился.
- И начнет давить.
- Да.
- На маму?
- Возможно.

Ася закрыла глаза. Вот она, цена. Всегда есть цена. Один красивый жест, одна минута смелости, одно “повторите при свидетеле” - и где-то в доме Лебедевых отец уже достает из своей внутренней картотеки способы наказания. Папка. Мать. Милана. Лариса. Юристы. Слухи. Деньги. Он не оставит это просто так.

- Я не знаю, что он держит в папке, - сказала она.
- Узнаем.

Она открыла глаза.

- Мы?

- Вы только что отказались работать на него в моем доме. Это не делает нас друзьями, но направление удара мы сверили.

Ася посмотрела на брачный договор, лежащий на коленях. Личная неприкосновенность. Отдельный счет. Право на работу. Развод через шесть месяцев. Не лгать, если речь идет о действиях семьи против него. Она еще утром искала подвох в этих бумагах, а теперь подвох сам позвонил ей с родным голосом и потребовал найти документы в кабинете.

- Вы знали, что он попросит именно это? - спросила она.
- Предполагал.
- Поэтому дали карту дома?
- В том числе.
- Чтобы посмотреть, полезу ли я?
- Да.

Ответ снова был без смягчения.

Она должна была разозлиться. И разозлилась. Но злость оказалась слабее усталого понимания: он действительно проверял. Не как отец - на послушание. На выбор. Это тоже было неприятно. Но иначе.

- Вы все-таки манипулятор, - сказала она.
- Да.
- Спасибо за честность, чтоб вас.
- Не за что.
- И что теперь?

Дамир откинулся на спинку кресла. За окном малой библиотеки светлел зимний день. На каминной полке тихо тикали часы. Фотография в серебряной рамке все еще была повернута так, что Ася не видела лиц полностью, но теперь была почти уверена: там Дамир и Рустам. Два брата в другой жизни. До того, как один погиб, а второго стали называть Отморозком.

- Теперь, - сказал Дамир, - вы решаете, подписываете ли контракт в этом виде или ждете консультации юриста. Потом получаете карту. Потом отвечаете себе на вопрос: вы хотите остаться в стороне от этой войны или узнать, почему ваш отец так боится моих старых документов.

- Разве у меня есть возможность остаться в стороне?
- Теоретически - да.
- А практически?
- Практически ваш отец уже сделал вас участницей.

Она медленно кивнула.

- А вы?
- Я пытаюсь сделать так, чтобы вы были участницей с правом голоса.

- Как благородно.
- Не начинайте. Благородство ко мне не идет.
- Да. Вам больше идет угрожающее молчание.
- И черный цвет.
- И плохие шутки про побег через лес.
- А вам - острые ответы, неподходящие ножи и привычка дрожать, но все равно бить в самое больное место.

Ася посмотрела на него, и между ними вдруг снова вспыхнула та самая странная, злая искра, появившаяся еще в день регистрации. Не нежность, не доверие, не союз даже. Узнавание. Два человека, которых разные семьи и разные мертвые привели к одному столу, сидели над брачным договором и понимали: этот холодный брак не будет тихим. Не получится просто жить в разных комнатах, вежливо здороваться за завтраком и ждать шесть месяцев. Отец уже позвонил. Война уже вошла в дом. И Ася только что, сама того не планируя, открыла в ней первую дверь.

- Я не подпишу сейчас, - сказала она.

Дамир кивнул.

- Разумно.
- Я покажу договор юристу. Не вашему. Не отцовскому.
- Я пришлю контакты.
- И я выберу сама.
- Да.
- И счет... - она замялась. - Я не обещаю, что буду им пользоваться.
- Не обещайте.
- Но карту возьму.
- Правильно.
- Не радуйтесь так явно.
- Я не радуюсь.
- У вас лицо человека, который только что выиграл маленькую битву.
- У меня всегда такое лицо.
- Нет. Обычно у вас лицо человека, который уже похоронил победителя.

Он чуть усмехнулся.

- Тамара Петровна сказала бы, что вы слишком быстро осваиваетесь.
- Тамара Петровна сказала бы надеть носки.
- Она мудрая женщина.

Телефон снова завибрировал.

Они оба посмотрели на экран.

На этот раз звонила не отец. Милана.

Ася напряглась. Дамир тоже заметил имя.

- Отвечать? - спросила она, сама не понимая, почему спрашивает именно его.
- Это ваш телефон.
- Как удобно вы становитесь принципиальным, когда мне хочется переложить решение.
- Учитесь.

Она взяла телефон, но не стала сразу принимать вызов. Милана не звонила со свадьбы. Не писала ночью. Не пришла проститься. И вот теперь звонит - после разговора с отцом. Случайно? В их семье случайности часто оказывались просто плохой маскировкой.

- Не здесь, - сказала Ася.

Дамир поднял бровь.

- Хотите говорить без посторонних?

Она встретила его взгляд.

- Хочу понять, мой это разговор или очередная нитка отца.
- Тогда включите запись.
- Ася замерла.
- Что?
- Запись звонка. Если она скажет что-то важное.
- Это законно?
- Зависит от использования. Грановский объяснит.
- Вы ужасны.
- Зато полезен.

Телефон перестал звонить. Через несколько секунд пришло сообщение от Миланы: “Ты совсем с ума сошла? Папа в бешенстве. Позвони мне. И не вздумай верить Воронцову”.

Ася прочитала вслух.

Дамир молча налил себе еще кофе из маленького кофейника, стоявшего на столике. Кажется, его ничуть не удивило ни Миланино сообщение, ни отцовская ярость, ни то, что утро после свадьбы окончательно превратилось в оперативное совещание.

- Что смешного? - спросила Ася.
- Ничего.
- Вы опять почти улыбнулись.
- Просто забавно, как быстро ваша семья начала работать хором.
- Это не забавно.
- Нет. Но предсказуемо.
- Ася отложила телефон.
- Я не хочу отвечать ей сейчас.
- Не отвечайте.
- Она будет писать.
- Да.
- Отец будет давить.
- Да.
- Лариса Аркадьевна подключится.
- Скорее всего.
- И вы будете сидеть с кофе и говорить “я же предупреждал”.
- Нет.
- Нет?
- Я буду сидеть с кофе и помогать вам понять, где именно они врут. Это разные удоволь-

ствия.

Она неожиданно рассмеялась. Слишком громко для малой библиотеки, слишком нервно для настоящего веселья. Но смех вышел сам, потому что иначе пришлось бы заплакать от всего сразу: от отца, от Миланы, от договора, от шести месяцев, от того, что ее первый брачный завтрак закончился анализом шпионского задания.

Дамир смотрел на нее, и в его взгляде не было ни жалости, ни насмешки. Только внимание.

- Анастасия, - сказал он, когда она затихла.
- Да?
- Ваша семья сейчас будет убеждать вас, что вы предали их.
- Я знаю.

- Нет. Пока не знаете. Они будут бить не по логике. По привычке. По матери. По вине. По тому, что вы “не такая”, “неблагодарная”, “не понимаете”. Они будут говорить, что я вас настроил, что вы поддались, что вы ведете себя неразумно. Возможно, будут обещать расска-

зять правду о Елене Андреевне, если вы сделаете “одну простую вещь”. Возможно, наоборот, пригрозят испачкать ее имя. И в какой-то момент вы захотите доказать, что не предательница.

Ася слушала, чувствуя, как улыбка уходит с лица.

- А я? - спросила она.

- А вы в этот момент вспомните, что они уже предали вас первыми.

Тишина после этих слов была тяжелой.

Она не хотела, чтобы он это говорил. Не хотела, чтобы кто-то вообще формулировал так прямо. Пока предательство семьи было рассыпано на отдельные события - подмена, платье Миланы, папка, телефон, звонок, просьба шпионить, - его еще можно было как-то выдерживать. Когда Дамир собрал все в одно слово, оно стало слишком большим.

Предали.

Да.

И все же внутри что-то сопротивлялось. Потому что признать предательство родных - значит признать, что ты долго ждала тепла от людей, которые уже давно решили, что ты удобнее холодной. Значит признать, что любовь отца, возможно, закончилась раньше, чем ты перестала надеяться. Значит признать, что Милана не просто трусиха, а человек, который согласился на твое место в аду, потому что ее жизнь казалась ей дороже. Значит признать, что мачеха никогда не обязана была любить, но могла хотя бы не отправлять.

- Не надо, - сказала Ася тихо.

Дамир не стал спрашивать, что именно.

- Хорошо.

Она взяла договор, закрыла папку.

- Я хочу вернуться в комнату.

- Идите.

- Вы не спросите, что я решила?

- Вы уже решили достаточно для одного утра.

Ася поднялась. На пороге малой библиотеки остановилась.

- Дамир Сергеевич.

- Да?

- Если я все-таки стану вашей союзницей...

Он смотрел внимательно.

- Это не значит, что я вам доверяю.

- Разумеется.

- И не значит, что я простила вам то, что вы тоже использовали ситуацию.

- Я не просил.

- Хорошо. Потому что не получила бы.

- Понимаю.

- И еще.

- Да?

Она посмотрела на него через плечо.

- Если вы однажды решите дернуть за поводок, который уронил мой отец, я его перережу.

Даже если он будет в ваших руках.

На лице Дамира снова мелькнула та самая почти улыбка. Не веселая. Уважительная, что ли. Хотя это слово было слишком теплым для него.

- Вот теперь, Анастасия Викторовна, - сказал он, - я начинаю верить, что этот брак может оказаться полезным не только мне.

Она ушла, не ответив.

В коридоре первого этажа было тихо. Она прошла мимо двери кабинета и на этот раз не стала останавливаться. Отец хотел, чтобы она узнала, где документы. Он сам назвал кабинет,

закрытое крыло, сейф, старые проекты, архив Рустама. Теперь в ее голове было больше вопросов, чем утром. Но впервые любопытство не тянуло ее к двери немедленно. Она понимала: если войдет туда по отцовскому приказу, снова станет тем, чем ее сделали за семейным ужином. Инструментом. Если когда-нибудь войдет, то только по собственной воле и за своей правдой.

На лестнице ее догнала Тамара Петровна.

- Жива? - спросила она.

Ася обернулась.

- После договора или после завтрака?

- После разговора.

- Вы подслушивали?

- В этом доме стены старые. Они сами все приносят.

- Удобно.

- Не всегда. Иногда хочется не знать.

Ася посмотрела на нее и вдруг спросила:

- Вы знали, что отец позвонит и попросит меня искать документы?

- Догадывалась.

- Все догадывались, кроме меня?

- Вы только приехали. У вас уважительная причина.

Это прозвучало почти мягко.

Ася кивнула, но не пошла дальше.

- Тамара Петровна, а документы правда есть?

Старая женщина посмотрела на нее долго и серьезно.

- В этом доме есть много правды, которую слишком поздно достали и слишком рано спрятали.

- Это ответ в стиле Дамира Сергеевича.

- Он у меня учился говорить неприятно.

- А приятно?

- Этому его никто не научил.

Ася невольно посмотрела вниз, туда, где за дверью малой библиотеки оставался Дамир.

- А он вообще умел?

Тамара Петровна не ответила сразу.

- До смерти Рустама в этом доме смеялись чаще, - сказала она наконец. - Не всегда приятно. Воронцовы никогда не были сахарными людьми. Но живыми - были.

И ушла, оставив Асю на лестнице с этой фразой.

В своей комнате Ася положила договор на стол, рядом с фотографией матери. Потом достала телефон. Сообщение Миланы висело непрочитанным после первого просмотра. От отца новых не было. Это молчание было хуже звонков: значит, он думал. А когда Виктор Сергеевич Лебедев думал, кому-то потом становилось больно.

Она открыла заметки и написала первый список не для Дамира, не для отца, не для юриста. Для себя.

“Что я знаю”.

Мама была связана с Воронцовыми. Отец скрывал документы о ее смерти. Рустам погиб после старых сделок. Дамир ищет правду о брате. Отец боится документов в доме Дамира. Лариса знала о связи мамы с Воронцовыми. Милана слышала разговор. Меня выдали вместо Миланы не только из-за контракта. Телефон забрали, чтобы я была без связи. Отец хочет, чтобы я нашла документы.

Она посмотрела на список. Он был коротким и страшным.

Потом ниже написала:

“Что я не знаю”.

Что мама сделала или узнала. Почему отец боится Дамира. Почему Дамир спросил обо мне еще на встрече с Миланой. Что в закрытом крыле. Где кабинетные документы. Что случилось с Рустамом. Почему Дамир сказал, что опасен не он. Чего хочет отец на самом деле. Чего хочет Дамир на самом деле.

Она хотела поставить точку, но рука сама дописала:

“Чего хочу я”.

И вот здесь она замерла.

Узнать правду о маме - да. Не дать отцу использовать себя - да. Не стать вещью - да. Но дальше? Уйти через шесть месяцев? Остаться до конца расследования? Доверять Дамиру? Не доверять? Воевать? Прятаться? Работать? Жить? Смешное слово. Жить в браке, который начался как сделка и в первое же утро получил правила холодной войны.

Телефон снова завибрировал.

Она взяла его, ожидая отца или Милану.

Но на экране высветилось сообщение от неизвестного номера.

“Анастасия Викторовна, это Павел Грановский. Как и обещал Д.С., отправляю контакты трех независимых юристов. Ни один из них не связан с Воронцовыми или Лебедевыми. Вы можете выбрать любого или найти своего специалиста. Также напоминаю: до подписания финальной версии договора вы ничего не обязаны утверждать”.

Ниже - три контакта.

Ася перечитала сообщение. Потом вдруг почувствовала, что у нее дрожат губы. Не от слез. От странного, почти злого облегчения. Ничего не обязаны. Еще одно правило, которого в доме отца не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.